А. Н. ОСТРОВСКИЙ

Том 5. Пьесы 1867-1870

Александр Николаевич Островский

Аннотация
Александр Николаевич Островский. Собрание сочинений в шестнадцати томах. Том 5. Пьесы 1867–1870
Тушино
  Сцена первая
  Сцена вторая
  Сцена третья
  Сцена четвертая
  Сцена пятая
  Сцена шестая
  Сцена седьмая
  Сцена восьмая
На всякого мудреца довольно простоты
  Действие первое
  Действие второе
  Действие третье
  Действие четвертое
    Сцена первая
    Сцена вторая
  Действие пятое

Горячее сердце
  Действие первое
  Действие второе
  Действие третье
  Действие четвертое
    Сцена I
    Сцена II
  Действие пятое
Бешеные деньги
  Действие первое (Вместо пролога)
  Действие второе
  Действие третье
  Действие четвертое
  Действие пятое
Комментарии

Аннотация

В пятый том собрания сочинений А.Н. Островского вошли пьесы 1867–1870 годов, такие, как «На всякого мудреца довольно простоты», «Тушино», «Горячее сердце» и «Бешеные деньги».

http://ruslit.traumlibrary.net

Александр Николаевич Островский
Собрание сочинений в шестнадцати томах
Том 5. Пьесы 1867–1870

Тушино*

Драматическая хроника в стихах

(Сентябрь и октябрь 1608 года)

Сцена первая

ЛИЦА:

Князь Третьяк Федорович Сеитов, ростовский воевода.

Людмила, дочь его.

Дементий Редриков, московский дворянин.

Старуха, жена его.

Максим, Николай, их дети,

Савлуков, переяславский дворянин.

Хозяин постоялой избы.

Дворецкий Сеитова.

Нянька Людмилы.

Слуги и сенные девки.

Сени постоялой избы на владимирской дороге. Деревянный стол, скамья, разная домашняя утварь.

Входят Савлуков, Дементий Редриков, жена его и хозяин.

Савлуков
(хозяину)

Вина давай!

Хозяин

Да где же взять, родимый!

Савлуков

Далёко ты от Тушина, а то бы
Тотчас нашел; а коль и вправду нету,
Так затереть и выкурить заставят
И самому отведать не дадут.
А брага есть?

Хозяин

И браги нет.

Савлуков

Ты, видно,
Гостей не ждешь!

Хозяин

Бог милостив, не слышно
Воров у нас.

Савлуков

Не слышно, так услышишь.

Хозяин

Не приведи Господь.

(Уходит.)

Савлуков

А ты слыхал ли
Когда-нибудь, что есть Лисовский пан?
Тому везде дорога.

Дементий Редриков

Под Коломной,
Мы слышали, его побили больно.
Дивимся мы не мало, что за время
Пришло на нас. Не диво бы чужие,
А то своя же братья, нашей веры;
Крещеные, — идут с Лисовским паном:
Не то что сброд, голодные холопья,
В них Бога нет и с них взыскать нельзя,
А свой же брат — дворяне.

Савлуков

Разве тоже
Ты дворянин?

Дементий Редриков

По милости господней.

Савлуков

А что же ты одет не по-дворянски?
Аль не с чего?

Дементий Редриков

Достатки не велики.
А ты-то кто?

Савлуков

Я тоже дворянин.

Дементий Редриков

Челом тебе!

Савлуков

Ну, здравствуй!

Дементий Редриков

Благодарствуй!
Вот видишь, друг, детей везу царю,
Робят одел, а сам во что попало.
Кому меня смотреть!

Савлуков

Что правда — правда.

Дементий Редриков

Москва кругом обложена ворами,

Украины все мятутся, в людях шатость:
Теперь царю народ служилый нужен.
Ну, сам я стар и в битвах изувечен,
Не в силах стал; так детки подросли —
Пора служить; а царь за то поместья
Прибавит нам и жалованье даст.
Поправимся житьем.

Савлуков

В Москву собрались?

Дементий Редриков

По списку я московскому считаюсь.
Коль приведет Господь царя увидеть,
Скажу ему: надёжа-государь,
Я вырастил из крох своих последних
И снарядил конями, ратной сбруей
Богатырей тебе для царской службы.
Освободи меня домой, на пашню,
На сенную косьбу; прибавь землицы,
Чтоб было чем кормиться со старухой
И молодцов кормить и одевать.

Савлуков

А где ж твои богатыри?

Дементий Редриков

С конями

Замешкались. Один-то весь в меня:

И драться зол, и ростом, и дородством,

Как вылитый. Себя не пожалеет,

Да и другим не спустит; с ним столкнешься,

Так ты его уж лучше обходи.

Я смолоду такой же был разбойник;

В меня дался. Другого-то и рано б,

Он матушкин сынок, за печкой вырос,

На калачах да сырниках вскормлен;

Да кстати уж везти обоих вместе.

Старуха

Ох, жалко мне Николушку, он смирный,

Как девушка, и мухи не обидит.

Савлуков

Ты что же, мать, детей-то, как бара-

нов,

Без жалости пускаешь на убой?

Война не та, что прежде, брат на брата

С ножом идет, пощады не проси.

Озлобились сердца, один другого

Зубами ест, с живых сдирают кожу.

На воротах гвоздями прибивают,

Огнем палят.

Старуха

О Господи, помилуй!

Не рада я, да воля не моя.

Что ж делать-то, родимый!

Дементий Редриков

Что ты, дура!

За что же нас и хлебом-то кормить!

Мы царское едим за нашу службу,

На царское добро детей вскормили,

Его они, не шипи.

Савлуков

Ты толкуешь,

Что царские мы слуги, да царя-то
Которого?

Дементий Редриков

Один у нас, Василий
Иванович.

Савлуков

А у других Димитрий
Иванович. Вот у тебя один,
И у других один, и стало двое.

Дементий Редриков

Мне дела нет, я знаю одного.
Таких царей, что в Тушине, десяток
У казаков найдется.

Входят Максим и Николай Редриковы.

Вот и дети!
Поужинать теперь да спать.

Старуха

Садитесь!
Покормимся чем Бог послал.

Савлуков

Меньшого

Кормите вы послаще! Вы не девку ль
На службу-то ведете вместо сына?
Народ хитер, оденут девку парнем,
Чтоб выпросить поместного в прида-чу.

Старуха

Николушка, ты кушай.

(Савлукову.)

Будет время.
Оправится.

Максим Редриков

Такой же воин будет,
Ничем тебя не хуже.

Савлуков

Ну, робята!
Ты мать пусти на службу вместе с ними,
Чтоб утирать им губы после каши.

Максим Редриков

Ты губы-то свои побсрегал бы!

Савлуков

Обрубишь, что ль?

Максим Редриков

Руками оторву.

(Встает из-за стола.)

Дементий Редриков

(останавливая сына)

Потише ты! Пущай его смеется!

Максим Редриков

Ты, батюшка, не трожь! Ему в обиду
Не отдавай! Я спесь ему собью.
По-своему, под ножку, да и оземь.

Савлуков

Деревня ты! И склад-то деревенский
Весь у тебя. Пока ты обрусеешь,
Тебя семь лет в котле варить придется.

Максим Редриков

Начну ломать, так кости загремят!

(Отцу.)

Посторонись!

Дементий Редриков

Не заводить же драку
Из малости с проезжим человеком!
Остынь, остынь!

Максим Редриков

А почто пристает!

Савлуков

Ты к Шуйскому своих молокососов
В Москву вези; я в Тушино поеду
К Димитрию, природному царю,
А с молодцом не раз еще сойдемся
На берегах Ходынки под Москвой,
Увидим мы, чьи губы будут целы.

(Уходит.)

Дементий Редриков

Гляди-ка ты, среди большой дороги
На тушинца наткнулись! Не боится,
А хвалится еще, как добрым делом,
Изменою.

Максим Редриков

Ему бы не доехать
До Тушина, — переломал бы ноги
И руки я — и не было б ответу.
Зачем держал? За что сносить бесчестье
От всякого? Такие ж мы дворяне;
Хоть бедные, да честь нам дорога.
Я, батюшка, скажу тебе заране

(стучит кулаком по столу)

И напрямик отрежу: я не баба,
Не маленький робенок; я не стану
Сносить обид ни от кого на свете.
Ты выкормил, ты выхолил меня
И вырастил на всей дворянской воле,
Великое тебе спасибо, земко

(кланяется в ноги)

Я кланяюсь! Теперь меня оставь!
Я сам большой, я сам себе хозяин!
Я, батюшка, неволи не люблю.
Моя душа давно на волю рвется!

Ни равному не дам себя обидеть,
Ни старшему, хоть он боярин будь,
На нож пойду за честь свою и вашу,
Уж разве сил не хватит.

Дементий Редриков
(вставая)

Твердо знаешь
Пословицу, что честь свою беречь
Мы смолоду должны. Пойдем к повозке
Повыберем мы рухлядь, что помягче,
Постелем здесь, соснемте до зари,
А там и в путь.

(Уходит. Максим Редриков за ним.)
Старуха

Сынок ты мой любимый,
Победная головушка твоя!
Ты прошеный у господа, моленый!
На старость лет старухе в утешенье,
За много слез, послал тебя Господь!
Но уберечь тебя я не умела.
Не слушай ты отца, не слушай брата!
И без тебя удалых ратных много.

Пускай их бьют; поберегай себя
От смертных ран, от лютого железа!
Не рвись вперед! Ты помни, мой родимый,
Что боль твоя мне в сердце отзовется.
Не погонись за почестью воинской!
На что она! Одно проси у Бога.
Чтоб к матери под крылышко вернуться.
Сама тебе я выберу невесту,
Красавицу, и буду ждать внучат.

(Стелет одежду на лавке.)

Ложись, сынок! Усни до белой зорьки,
А я тихонько буду в изголовье
Молить тебе у Господа здоровья
И шепотом старушечьим навею
Покой тебе и ангельские сны.

Николай Редриков
(ложась на скамью)

Мне, матушка, хотелось бы увидеть
Красавицу во сне.

Старуха

(садясь подле него)

Ну, что ж, увидишь.

Николай Редриков

Ты помнишь ли, мы видели в Ростове,
Когда с тобой на богомолье были,
Боярышню.

Старуха

Ну, как же, помню, помню.

Николай Редриков

Ее бы мне во сне теперь увидеть,
А наяву уж не придется.

Старуха

Полно!
Гора с горой не сходится…

Николай Редриков

В соборе
Молились мы с тобой одни у гроба
Угодника.

Старуха

Ну да, молились.

Николай Редриков

Слышим
Мы шум в дверях. Боярышня в повозке
Подъехала; за ней такие злые
И все верхом наехали старухи
И стали гнать меня.

Старуха

Тебя погнали.

Николай Редриков

Погнали бы, да не велела.

Старуха

Помню.
Он млад и глуп, боярышня сказала,
От матери его не оторвешь.

Николай Редриков

И на меня все время проглядела,
На выходе тронула по плечу
И за щеку меня щипнула.

Старуха

Знамо,

Без матери балуется. Отец-то
Не чает в ней души.

Николай Редриков

Он воевода?

Старуха

Не он, она в Ростове воевода.

Николай Редриков

Я, матушка, когда ее увижу,
Я ей скажу…

Старуха

А что, сынок родимый?

Николай Редриков

Что не было еще в роду боярском,
Ни в княжеском, красавицы такой,
Что не видал никто, и нет на свете
Белей ее, румяней, точно цветик
Махровенький, цветет она.

Старуха

Чай, знает
Сама про то, и сказывать не надо.

Николай Редриков
(в полусне)

Что полюбил ее я больше жизни
И матери родной.

Старуха

Да что ты, что ты!
Не бредишь ли?

Николай Редриков

Я умереть готов,
Чтоб только раз еще тебя увидеть!

Старуха

И то во сне. Ну спи, Христос с тобой!
Пускай тебе во сне хоть счастье снится;
Придет пора, натерпишься всего
И сладких снов уж больше не увидишь.

Входят Дементий и Максим Редриковы и хозяин.

Дементий Редриков

Куда же нам, не в хлев же убираться?
Ну, сам в избе, для дочери светелка,

А мы в сенях, — на всех достанет места.

Максим Редриков

Скажи ему, что не пойдем отсюда.

Хозяин

Да смилуйтесь! Холопы изувечат,
Замучают, захлещут кнутьем.

Старуха

Кто же
Наехал-то?

Хозяин

Ростовский воевода
Третьяк Сеитов с дочерью, проездом
Из вотчины.

Старуха

Сынок мой бедный! Горе!
И отдохнуть с дороги не придется.
Ужли же нам в овраге ночевать!

Максим Редриков

Не выдем мы отсюда. Убирайся!

Скажи ему, что старого отца
И мать мою я трогать не позволю,
Что им самим покой и отдых нужен.

Хозяин
(идет к двери)

Беда моей головушке!

Входят дворецкий и несколько слуг.
Дворецкий

Проворней!
Не ждать же вас боярину в повозке!

(Хозяину.)

Мечи на двор весь хлам чужой! Очисти
И вымети избу.

Максим Редриков

С тобой, холопом,
Я говорить не стану долго. Слышишь!
Довольно места здесь: избу, светелку
Пусть их займут; а мы в сенях семьею
Останемся.

Дворецкий

Чего ты захотел!

С боярином стоять в одних покоях!
Велика честь!

Хозяин

Боярин сам идет.

Входит Сеитов, все кланяются.

Сеитов
(слугам)

Дождусь ли я! Чего же вы стоите!

Дворецкий
(кланяясь в ноги)

Противятся, нейдут.

Дементий Редриков

Здесь места много
И про тебя, боярин, и про нас.

Сеитов
(дворецкому)

Ты чей холоп? Кому слуга?

Дворецкий

Боярин,
Навеки твой слуга и раб до гроба.

Сеитов

Я что велел?

Дементий Редриков

Куда ж деваться ночью!
Мы старые с женой.

Сеитов
(дворецкому)

Я слова дважды
Не говорю.

Дементий Редриков

Он гнать меня не смеет,
Дворяне мы.

Максим Редриков

Вы честью попросите.

Сеитов
(дворецкому)

Чтоб духу их не пахло! Слышал!
Николай Редриков прячется за дверь.

Дворецкий

Слышал.

(Редриковым.)

Подите вон!

(Слугам.)

Тащи на двор хоботье
Дворянское, бросай куда попало!
Да в шею их.

(Хватает старика и старуху.)

Максим Редриков

Не трогайте, убью!

Сеитов

Связать его! Держите руки крепче!
Гоните их плетьми!

Максима схватывают за руки.

Максим Редриков

Ужли ж на свете
Перевелись и суд, и правда вовсе.
Ну, батюшка и матушка, терпите!
Клянуся вам я головой своею
И вашими седыми головами,
Придет пора, я вымещу за вас.

(Сеитову.)

Не оставляй меня живого! Лучше
Тебе и мне! Убейте вы меня!

Дементий Редриков

Терплю, сынок, позор за гордость нашу,
Забыли мы, что с сильным не борись,
С богатым не тянись.

(Уходит, отбиваясь и защищая старуху.)

Сеитов

С двора гоните
И выбейте на улицу его.

Максим Редриков

Ну, знай же ты, ростовский воевода,
Что я твоей обиды не забуду!
Для памяти и днем и ночью буду
Я руки грызть свои, пока по локоть

(отталкивает холопов, вынимает саблю; те окружают Сеитова)

Не отгрызу. И если уж придется
Нам встретиться, я старое припомню.
Прощай теперь! Ходи по богомольям,
Молебны пой, проси в слезах у Бога,

Чтоб не пришлось мне свидеться с тобой!

(Уходит.)

Сеитов

С двора долой плетьми, да не жалейте
Плетей моих, в Ростове новых купим.
Пугните так, чтоб за версту бежал.
Несколько слуг уходят.

Дворецкий

Боярышня идет.

Хозяин
(кланяясь)

В светлице чисто,
Простор, прохлад для милости боярской.

Входит Людмила, за ней няньки и сенные девки.

Сеитов

Людмилушка, тяжелая дорога
Умаяла тебя и укачала;
Я сам устал; ложись, Господь с тобою,
В светелочке, подушку под ушко,

И почивай, пока сама проснешься.

(Нянькам.)

Вы, чучелы, боярышню покойте!
Помягче ей перины постелите,
Пуховые, лебяжье изголовье,
Одеть ее, окутать соболями.

Людмила

Ты, батюшка родименький, себя-то
Поберегай, ты старенький старик.
Ты спи поди, а мы побалагурим
Часок-другой, пока не зазеваем
И глазоньки смыкаться не начнут.
Поди, поди, сердитый.

Сеитов

Не сердиться
Нельзя никак, не слушают.

Людмила

Ты злой!

Сеитов

С другими зол, перед тобою кроток.

Нянька

Боярыня, ты не жури отца —
Родителя! Ты гневайся уж лучше
На нас, рабынь твоих и слуг покорных.

Людмила

Молчи, раба! Между отцом и мною
Ты не судья. Ты старая старуха,
За старость лет тебя я чту, но все же
Я государыня твоя. Ты помни
И не гневи меня.

Нянька

Не прогневлю.
Смири тебя Господь! Твой гнев боярский
Грознее мне грозы на небесах.

Сеитов

Прощай, дитя мое.

Людмила

Прощай, родитель!

Сеитов уходит в избу, за ним идет дворецкий с фонарем и затворяет дверь, за которою спря-

тался Николай Редриков.

Нянька

(с фонарем)

Пойдемте! Ах!

(Хочет идти в светелку и встречается с Николаем Редриковым.)

Чтоб гром тебя расшиб!

Перепугал до смерти, окаянный!

Людмила

Откуда ты взялся?

Нянька

Гоните, девки,

Его скорей! Беда, коли увидят!

Людмила

Потише вы, отца не потревожьте!

Зачем ты здесь?

Николай Редриков

Отца и мать прогнали,

А я за дверь от страха схоронился.

Хотел бежать, да увидал тебя,

На красоту твою я загляделся

И простоял как вкопанный!

Нянька

Пошел!

Пошел скорей! Беды с тобой дождешься!

Увидит сам, тогда хоть в гроб ложись.

Людмила

Некстати ты разговорилась много.

Задуй фонарь, и не увидят.

Нянька
(задувает)

Дело.

И то задуть.

Николай Редриков

Постойте, не гоните!

Позволь сказать тебе одно лишь слово!

Людмила

Ну, говори скорее!

Николай Редриков

Вот что горе:

Сказал бы я, да слов таких не знаю, —
Не приберу по красоте твоей.
Что ни скажи тебе, все будет мало.
Да и сказать всего тебе не смею.

Людмила

Ты глуп еще и молод. Ты не знаешь
Цены себе. Уж если ты не смеешь
Сказать девице ласковое слово,
Кому ж и сметь! Вот я не побоюся
Сказать тебе: ты писаный красавец,
Неслыханный! Всю ночку мне не спать,
Все о тебе гадать и думать буду,
Твои сокольи очи вспоминать.
Беги скорей! Нам больше не видаться.

Николай Редриков

А свидимся?

Людмила

Дай Бог не разлучаться.

Нянька

Ступай, ступай! В потемках не заметят.

Николай Редриков уходит.

Людмила

Вы, нянюшки и девушки сенные,
Ищите вы потешных слов и сказок
И присказок, — утешьте вы меня!
Теперь всю ночь до бела дня мне плакать,
А вам всю ночь сидеть да утешать!

Уходят в светелку.

Сцена вторая

ЛИЦА:
Царь Василий Иванович Шуйский.
Князь Дмитрий Иванович Шуйский.
Князь Михайло Васильевич Скопин-Шуйский, воевода Большого полка на Ходынском поле.
Спальник.
Дементий Редриков.
Максим Редриков.
Николай Редриков.
Бояре, воеводы и войско.

Царская палата в стану, на берегу Пресни.
Входят царь Василий Иванович и спальник.

Спальник

Сегодня в ночь приехала корела
Поморская, ведунью привезла.

Царь

Грядущее темно, его загадки
Отгадывать не нам. Святые люди
Имеют дар пророчества, — мы грешны.

Служители подземных сил к нам ближе;
И в этой темной богоборной силе
Есть знание. В глухих лесах поморья,
Среди корел, где идольские требы
Свершаются тайком, под кровом ночи,
Мудреные таятся ведуны.
Подчинены им страшные виденья
Ночных часов. И грешный царь Василий,
Как царь Саул к колдунье аэндорской,
К волхвам идет за спросом и советом.

(Спальнику.)

Привесть ко мне сегодня ночью ведьму,
Ту старую, что привезли корелы.

Спальник

Князь Михаил Васильевич Скопин
Пожаловал. Пришел и князь Димитрий
Иванович.

Царь

Ну, пусть они войдут.

Спальник уходит. Входят князья Скопин-Шуй-

ский и Дмитрий Шуйский.

Царь

(Скопину)

Бегут?

Скопин-Шуйский

Бегут. Что день, то убывает
В моем Большом полку детей боярских.

Царь

А что за сласть им в Тушине?

Скопин-Шуйский

Свобода,
Гульба, разбой. А тем, кто познатней,
Боярский сан.

Царь

От беглого дьячка!
Велика честь! Рожинский и Сапега
В своей земле от виселиц бежали,
А наши к ним с поклоном за боярством!
Хоть лыком шит, а все-таки боярин.

(Дмитрию Шуйскому.)

А что Москва?

Дмитрий Шуйский

Пустеет. Из приказов
Подьячие бегут, купцы из лавок,
Бегут князья, бояре, воеводы
И ратники.

Царь

И как не разбежаться
От воевод таких!

Дмитрий Шуйский

А чем мы плохи?

Царь

Чем плохи-то? А тем, что воеводы.
Вот если б вам с Голицыным Васильем
Коров пасти, на это дело хватит
Ума у вас; а вас судьба в бояре
Поставила, вам войска подавай!
Нарядится, всего себя обвесит
Доспехами, саженные набаты

Везут за ним, стотысячное войско
Кругом его, и шум, и звон оружий;
Гроза грозой идет на супостата,
А только лишь сойдется с горстью ляхов —
И побежит в одном лишь зипунишке
Для легкости. Наряд тяжелый бросит
И рать свою; домой и прямо на печь,
И там дрожит, боится, что догонят.
А царь не смей его и пальцем тронуть,
Боярин он большой, особь статья.
Вот мне Господь каких послал стратигов!
Одна у нас надежда ты, Михайло.

Дмитрий Шуйский

Я плох тебе, ну есть Иван Никитич,
Иван Куракин, Лыков-Оболенский!
А ты коришь мальчишкой белогубым
В его глазах.

Царь

Мальчишка белогубый
И в воеводах, и в совете ратном

Таких голов, как ваши, стоит сотни.
Я в Новгород его пошлю, помоги
У Свейского просить. С ученым войском
Он разом Русь очистит от воров.

Скопин-Шуйский
(кланяясь)

Ты, дядюшка и государь, в остуду
Введешь меня с дядьми; кого постарше
Отправь туда.

Дмитрий Шуйский

Ему Господь послал,
По глупости и молодости, счастье,
А ты его к большим делам приставил.
Посмотрим мы, каков-то твой Михайло!
Возьми его себе, целуйся с ним!

(Уходит.)
Скопин-Шуйский

Нам пуще бы всего беречь от вора
Владимирским и ярославский путь.

Царь

Там Сергиев стоит оплотом твердым.

Скопин-Шуйский

А Сергиев и запереть легко,
И обойти с Калязина не долго.
Чуть держится Ростов с Переяслав-
лем,
Обсыпались валы, и городьба
От ветхости едва стоит. Владимир
Не крепок нам с Иваном Годуновым.
Нельзя ему в такое время верить,
Того гляди сворует.

Царь

Годунова
Отправлю я на воеводство в Нижний,
И стены там, и люди крепче. Князя
Сеитова пошлем ему на смену,
Велим ему собрать детей боярских
Из городов: оберегать Владимир,
Ростов и Суздаль, Шую, Юрьев, Муром
И Переяславль. И грамота готова.

Молчание.

Поди, вели собрать у нашей ставки
Со всех полков голов и воевод,
Я буду речь держать.

Скопин-Шуйский

Исполню тотчас.

(Уходит.)

Царь

(один)

Моя судьба — мудреная загадка,
От плахи я перешагнул на трон,
На грозном троне я сижу без власти!
Без власти царь московский! Это дело
Не слыхано! Орлу парить высоко
Без крыл нельзя! А я орел без крыльев.
Для мира я желал венца; покоя
Земле родной, своей душе усталой
Хотелось мне; и только я на царство
Ступить успел, вся Русь заволновалась.
По городам украинским измена,
В самом дворце боярская крамола,
По всей земле свободно воры ходят.
Одна беда уляжется, другая,

Как вал морской, встает за ней и пухнет,

Растет горой, пугает потопленьем!

Без недругов и царство не стоит.

Не страшен враг! Пошли, Творец небесный,

Мне равного и честного врага!

Ведут войну цари с царями, идут

На честный бой пытать и гнев, и милость

Твою, Господь! И ты даешь победу

Достойному, а гордого смиряешь.

А я борюсь, а я воюю, Боже!

С холопами, с ворами, с беглецами!

Обругано твое святое имя,

Обругано помазанье твое.

Заведомо берут цепною вора,

Порфирою со смехом облачат,

Зовут меня на суд с шутом потешным,

Его царем законным величают, —

Изменником помазанника божья

Ты, Господи, во гневе рек народам:

Пошлю на вас язык лицом бесстыдный,
Пошлю на вас ругателей толпу!
Уж если ты казнишь за грех народа
Меня, царя, — иль за меня народ,
Пошли нам мор и голод иль проказу!
Но от воров, ругателей помилуй!

Входит спальник.

Открыть шатер!

Шатер открывается. Входят воеводы, головы; другие стоят у входа.

В моем благочестивом
И благоверном воинстве измена.
Изменники! Я с вами говорю!

(Указывая на воевод.)

Их много здесь. Не помня крестной клятвы
И не щадя души, сегодня к вору
Бежать хотят, украдкой, воровски.
Таясь людей, боясь дневного света,
Ночной порой ползком, дрожа, как Каин!

Жалеючи их душ, я объявляю,
Что если кто служить захочет вору,
Пускай идет открыто, днем, не станем
Удерживать. Господь дает на волю
Добро и зло, на выбор — рай и муку.
Кто в Тушино? Ну, что же вы нейдете?
Вам совестно? Ну, я смотреть не буду,
Отворочусь! Идите! Ночью хуже,
Бесчестнее тайком ползти в крапиве.
Не нужно мне рабов лукавых! Лучше
С немногими, да верными останусь.
Я все сказал. Кто хочет оставаться —
Целуйте крест; а кто идти — иди.

Войско

Мы все с тобой! — Священников веди-те!
Несите крест честной! — Мы все це-луем
Служить тебе и, не жалея жизни,
Идти войной на тушинского вора.

Скопин-Шуйский

Великий царь и государь, Василий
Иванович, тебе слуга твой старый
Дементий Редриков челом ударить
И сыновей отдать желает. Можно ль
Поставить их перед тобой?

Царь

Поставь!

Входят Дементий, Максим и Николай Редриковы и кланяются в землю.

Дементий Редриков

Челом тебе, великий государь!
За старостью, недугами, увечьем
Я не слуга на жалованье царском,
Я вырастил детей тебе на службу.
Возьми двоих за старого меня.
За старшего оставь ты мне поместье,
А младшего, что милость будет, дай!
Я их учил закон Господень помнить,
Царю прямить, служить ему со страхом
И заповедь отцовскую блюсти,
Послушают, — навеки нерушимо

Над ними будь мое благословенье;
На зло пойдут, — в твоих глазах царевых
Я им сулю проклятье вековое
Из рода в род, на чады их и внуки.
Учил добру, а жить своя им воля.
За чем пойдешь, то и найдешь.

Царь

Спасибо
Тебе, старик! Детей твоих устрою,
В жильцы возьму. Большой на ратном поле
Покажет нам и удаль, и дородство,
А младшему найдем работу легче,
Он юн еще. Вот с грамотой поедет
К Сеитову, в Ростов, по силам служба.
Да кстати уж свезет от патриарха
Он грамоту к ростовскому владыке.
Пусть бегает покуда на посылках.
Редриковы кланяются в землю.

Скопин-Шуйский

Великий царь, священство в облаченье

Кресты несут, поставлены налои.
От воинов тебе сказать я послан,
Что поголовно, все без принужденья,
Целуют крест тебе своею волей.

Царь

Пойдем смотреть, как лгут царю и Богу.

Уходят.

Сцена третья

ЛИЦА:
Максим Редриков.
Николай Редриков.
Савлуков.
Подьячий Василий Скурыгин.
Боярский сын.
Посадский.
Торговые и всякие люди.

У Никольских ворот, в Москве.

Входит Скурыгин, к нему подходят: боярский сын, посадский, потом приходящие и торговцы из лавок.

Скурыгин

Ай, воры! Ну! Хорош народ московский!

Посадский

Ты что кричишь?

Скурыгин

А то кричу: мы воры!
Мы воры все. Я вас не обижаю.

Чего еще, какого нам царя!
Благочестивый царь и богомольный.
Когда бы мы царю служили правдой,
Давно бы вор из Тушина бежал,
А воры мы. Ну да! Не обижайтесь!
И про себя я то же говорю.

Посадский

Ни Бога в нас, ни совести, ни правды!
Вчера клялись и целовали крест,
А нынче в ночь бежали.

Боярский сын

Стыдно людям
В глаза смотреть. Обманщиками стали
Перед царем мы все. Один сворует,
А стыд и срам на всех.

Первый из толпы

А кто ж бежал?

Скурыгин

Бежали те, кто больше всех божился
Царю служить.

Боярский сын

Из стольников бежали:
Князь Трубецкой, князья Черкасский, Сицкий,
Засекиных два брата, Бутурлин,
Дворян, детей боярских нет и счету.

Посадский

Бегут дьяки, бежит и ваша братья
Подьячие.

Скурыгин

И ваша братья тоже,
Где есть барыш, так душу продадут.
Такой базар, такая-то торговля
Под Тушином, в подметки не годится
Московский наш гостиный двор.

Посадский

Ты, видно,
Из Тушина недавно сам?

Первый из толпы

Скурыгин?
Он только что вернулся.

Скурыгин

Это правда.
Я не сержусь за правду. Точно, бегал
Я в Тушино, да я уж повинился
Великому царю и государю,
И он меня простил за то.

Посадский

Напрасно!
В мешок зашить, да с камнем в воду. Грех
Таких ворон прощать; тебя простили,
А ты опять уйдешь.

Первый из толпы

Уж это верно!
И ворожить не надо.

Скурыгин

Ну, навряд ли!
Второй из толпы
Повадился кувшин…

Скурыгин

Зачем бежать-то?

Сулили мне и горы золотые,
И почести, и думное дворянство.

Посадский

Не жирно ли?

Скурыгин

На месте провалиться!
Вот прихожу я в Тушино. Явился
Где следует: мол, вышел из Москвы
На государево царево имя
Димитрия Иваныча, желаю
Служить ему; а сам держу на мысли,
Чтоб поглядеть его в глаза. Наутро
Поехал вор жену встречать Маринку.
Как я взглянул!.. Как я взглянул! Потеха!
Мужик простой, нетесаный, нескладный…
Такой-то царь у вас! Такой-то!
Я говорю. Да разве глаз-то нету
Во лбу у вас?

Первый из толпы

Ведь, может, ты и врешь?

Скурыгин

Вот разрази Господь на этом месте!
И тушинским царьком, и диким вором
Уж я его ругал, ругал… Ну, в шею
И выгнали из Тушина меня.

Входит Савлуков, одетый посадским.

Посадский

Ты говоришь, Маринку; да когда же
Она к нему бежала? В Ярославле
Держали их с отцом назаперти.

Первый из толпы

Удержишь их!

Второй

Да вовсе в Ярославле
И не было ее. Она сорокой
На родину тогда же улетела.
Все видели.

Первый

Все дело волшебство.

Второй

Расстрига был и сам-то чернокнижник,
Так писано и в грамоте царевой.
Когда его убили, объявились
Его дела. Один из наших видел
И книгу-то, вся черная.

Первый

Один!
Все видели, и доски по сажени,
И пятеро поднять ее не могут!
Вот дело-то какое!

Савлуков

Полно, так ли?
Убили-то его ли, не другого ль?

Посадский

Толкуй еще! Москву-то не обманешь,
У всех в глазах лежал убитый.

Савлуков

Точно,
Не спорю я. Молчанова Михайла

Не знал ли кто?

Первый

Ну, как его не знать!
Его кнутом за волшебство стегали!

Савлуков

Стегали-то его при Годунове.
В долгу за то он не остался — Федор
Борисович удавлен им. А после
Он близким был приятелем расстриги.

Первый

И вместе с ним по книгам ворожили.

Савлуков

Хитрей того, они лицом менялись
С расстригою. Когда беда случилась,
Расстрига с ним лицом и поменялся,
А сам бежать. Молчанова убили,
А он-то жив и в Тушине теперь.

Боярский сын

Напрасно ты мутишь народ, пугаешь!
И без того не тверды!

Савлуков

Что пугать-то!
Я правдою служу царю Василью;
А говорю, что знаю. Я за вора
Не постою, царем не называю,
Он вор и есть, да только вор мудреный.
С ним воевать хитро, бесовской силой
Он держится. Поди-ка повоюй!
Он знает все: и что, и как творилось
Здесь без него, и что у нас на мысли,
Кто хорошо о нем, кто дурно думал.
Из ведунов — ведун.

Первый

Вот времечко-то!

Второй

Эх, страшно как, уж лучше отойти.

(Отходит.)

Третий

Меня мороз вот так и пробирает.

Посадский

Пойдемте прочь; некстати разговор

Затеяли!

Первый
(другому)

Вот ты теперь и думай.

Савлуков
(посадскому)

Не обессудь, без умысла сказалось.

Посадский

Да Бог с тобой. Ты думаешь, мы сами
Не знаем, что ль, того же? да молчим.

(Отходит.)
Сходит Максим Редриков и оглядывает проходящих.

Максим Редриков

Кажись, что здесь велел он дожидаться.

Савлуков

Ты что галдишь? Аль потерял кого?
Аль узнаешь?

Максим Редриков

Я брата дожидаюсь.

Проститься с ним пришел.

Савлуков

А разве едет?
Далеко ли?

Максим Редриков

В Ростов. Пошел по лавкам
Купить себе съестного на дорогу.
Вот я и жду. Постой-ка, мне знакомо
Лицо твое, а где встречал — не помню.
Уж не тебя ль я встретил на дороге.
Кажись, что ты! Да нет…

Савлуков

Узнаешь после.
Я сам скажусь. Поговорим покуда.
Без брата, чай, тебе скучненько будет,
Тоска возьмет.

Максим Редриков

О чем мне тосковать-то?
Не маленький.

Савлуков

Я вижу, ты скучаешь,
В лице сейчас заметно. Сердце ноет,
Тоска сосет, уж ты не говори.

Максим Редриков

Сказать тебе по правде: сердце ноет,
Сосет тоска, да только не от скуки.

Савлуков

С зазнобы, что ль, сердечной?

Максим Редриков

Нет, со зла.
Обижен я. Ни перенесть обиды,
Ни позабыть ее я не могу.
Грызет она, как лютый зверь, и гложет
Всю нутренность. Хоть руки наложить, —
Вот каково мне сладко.

Савлуков

Эко дело!
А кто ж тебя обидел?

Максим Редриков

Он далеко.

Савлуков

Чай, близко был, как обижал. Зачем же
Ты снес тогда?

М. Редриков

Да руки коротки.
Неровня мы.

Савлуков

Ну, если за обиду
Считаешь ты, что старший поколотит,
Так много ты обид таких увидишь,
Притерпишься. У нас такой порядок.

М. Редриков

Да что тебе за дело до меня?
Поди ты прочь! Иди своей дорогой!

Садится на камень у ворот и тихонько напевает. Скурыгин и Савлуков подходят близко к нему и стараются говорить так, чтоб он слышал.

Скурыгин

А разве где другие есть порядки?

Савлуков

Каб не было, так жить нельзя на свете.

Скурыгин

А где же есть?

Савлуков

Да в Тушине.

Скурыгин

Ну, полно!

Савлуков

Там все равны; живут по Божью слову,
Боярину большому, дворянину
И ратнику простому честь одна.
Обидел кто тебя — убей до смерти,
Ответа нет.

Скурыгин

Вот это хорошо.

Савлуков

А если ты давнишнюю обиду,
Хоть за десять годов, желаешь вспом-

нить
И вымести́ть, — охотники сберутся,
Товарищи, и вольною толпою
Пойдут с тобой обидчика искать
На дне морском, лишь покажи дорогу.

Максим Редриков

И что ж потом?

Савлуков

И дом его сожгут,
И самого на угольях изжарят,
Разграбят все.

Скурыгин

А где туда дорога?

Савлуков

Я покажу.

Скурыгин

Отец и благодетель!
Дурак ли я, чтоб оставаться здесь.

Савлуков
(Скурыгину тихо)

Еще один попался.

Скурыгин

Ой, уйдет!
Глядеть за ним.

Савлуков

Нет, этот не сорвется.

Входит Николай Редриков.

Максим Редриков

Ты, брат, совсем?

Николай Редриков

Лишь сесть, да и поехать.

(Кланяясь.)

Приказывай, учи меня, ты старший,
Родименький, ты мне в отцово место
Я глуп еще и молод.

М. Редриков

Эх, Никола!
Живи себе как знаешь. Ты в Ростове
Останешься надолго?

Николай Редриков

Нет, я разом.

Прощай, Максим.

Максим Редриков
(обнимает)

Прощай, Никола.

Николай Редриков

Скоро

Увидимся.

Максим Редриков

Ну, вряд ли!

Николай Редриков

Ты на Пресню?

Максим Редриков

Я в Тушино.

Н. Редриков

Господь с тобою, братец!

Давно ль клялись служить мы государю,

Давно ль отец проклятием грозил.

Аль ты забыл? Подумай, образумься,

Родимый мой.

Максим Редриков

Недавно мы клялися,
Недавно мне отец грозил проклятьем,
А я-то, брат, давно поклялся прежде.

Н. Редриков

Ты в чем же, брат, поклялся? Что за клятва
Твоя была?

Максим Редриков

Что в Тушино уйду:
Зачем уйду, про то узнаешь после.

Николай Редриков

Ну, как же быть-то, если по дороге
Заеду я отца и мать проведать?
Что я скажу? С каким лицом явиться
Мне к матери-отцу? И ложь и правду
Я вымолвить боюсь. Солгать грешно,
А правда их сведет в могилу.

Максим Редриков

Вот что
Скажи отцу: что я благословил
Тебя служить царю Василью правдой,
А сам пошел искать душе отрады,
Свободушки плечам своим, простора
И сердцу ретивому успокоя,
Тоску свою, печаль по белу свету
Размыкивать и вымещать обиды
И старые и новые, большие
И малые, свои и стариковы.

Николай Редриков

А если мы с тобой на ратном поле
Лицом к лицу сойдемся, как же руку
Я подниму на кровного, родного!
Родименький, подумай! Милый братец,
Ты враг царю, ты враг земле родной.
Щадить тебя грешно, убить — так вдвое.

Максим Редриков

Да полно ты!

Николай Редриков

Уж лучше ты при встрече
Убей меня вперед.

Максим Редриков

Изволь, убью.
Теперь прощай! И с Богом в путь-дорогу.

(Уходит.)

Николай Редриков

Остановись! Послушай! Братец, братец!
Родимый мой! Меня-то на кого же
Покинул ты!

(Становится на колени перед воротами.)

О Господи! за брата
Молю тебя! Наставь его на разум!
От гибели, от дьявольского кова
Освободи заблудшую овцу!
А если он злодейства не покинет,
То не введи меня во искушенье,
Ты разведи нас в разные концы
И встретиться не дай на ратном поле!

(Встает.)

В Ростов теперь! Пошлет Господь, увижу
Красавицу боярышню! Тоскует
Душа по ней! Запрыгает сердечко
От радости, когда из теремочка
Хоть раз она приветно поглядит
На бедного мальчишку-сиротинку.

(Уходит в ворота.)

Входят с разных сторон Максим Редриков и Савлуков.

Максим Редриков

Скажи ты мне, какой ты человек?

Савлуков

А помнишь ли, в дороге побранились
И чуть с тобой не подрались.

Максим Редриков

Ну, помню.
Считаться мы с тобой теперь не станем,
А вот что, друг, ты будь мне вместо брата

И всей семьи. Ты в Тушино когда же?

Савлуков

Пойдем теперь. Мои коротки сборы.

А ты готов?

Максим Редриков

Готов хоть в преисподню,

Хоть в Тушино, лишь только б не на Пресню.

Уходят.

Сцена четвертая

ЛИЦА:

Предводители шаек под начальством пана Лисовского:

Епифанец, атаман донской.

Чика, прозванием «Четыре здоровья», атаман терский.

Беспута, боярский сын.

Асан-Ураз, романовский мурза.

Савлуков.

Максим Редриков.

Николай Редриков.

Скурыгин.

Старик священник.

Тушинцы разных наций: венгры, поляки, немцы, запорожцы, казаки донские, боярские дети, холопы, крестьяне.

Часть тушинского стана. Плетневые сараи, землянки, избы, позади высокий вал. Несколько тушинцев сидят в кружке, посередине скоморох.

Скоморох
(поет)

Напала пороша
На талую землю,
По той по пороше
Что семеро саней,
По семеро в санях.
Как первые сани
Ларька на Карьке.
Вторые-то сани
Гришка на Рыжке.

Входят двое тушинцев.

Первый тушинец

С добычею вернулся Епифанец.
Запас везут и полону пригнали.

Второй тушинец

Хорош полон! крестьянишек голодных,
Пяток старух да старого попа.

Тушинцы расходятся. Входят Епифанец, Ураз, шайка разного сброда, связанные пленные крестьяне и старый священник.

Епифанец

Беспуту вы не троньте, не будите!

Казак

Проснулся он, ругается, что связан.

Епифанец

Так развязать скорее.

Казак

Развязали.

Входит Беспута.

Беспута

Жить не мило кому-то! Как посмели
Связать меня?

Епифанец

А ты скажи спасибо.
Я приказал, а то б не жить тебе,
Болтаться бы на дереве, иль кожу
Крестьянишки содрали. Ты, Беспута,
Не бражничай! Сначала кончи дело,
Потом гуляй!

Беспута

Велико дело грабить!
Что пьянство, что грабеж — одно и

то же.

Ураз

Не так сказал! Украл, когда не надо,
Не хорошо! А нечего кусать,
Воруй баран! Не грех!

Беспута

Тебе ль, татарин,
Учить меня: какое дело грех
И что не грех! Ты что мне за указчик!
Собака ты, а я крещеной веры!

Ураз

Не надо так! Наш Бог один!

Епифанец

Беспута,
Ты сам себя и сотню всю погубишь.
Коль хочешь пить, не пропивай ума.

Ураз

Ума кончАл и голова кончАл.

Епифанец

А ты вчера и ум и память пропил.

Мы далеко зашли, кругом чужие.
Тут некогда копаться! Взял что надо,
Беги домой, покуда не догнали,
А ты резню и буйство затеваешь!
Ненужное кроворазлитье деешь!
Губил детей грудных, рубил на части,
Как бешеный из дома в дом кидался,
Избу зажег. Уж мы тебя связали
Да увезли; а надо бы на муку
Отдать тебя отцам и матерям.
Ты берегись, дойдет до государя
Димитрия Иваныча твое
Дурачество, спасиба он не скажет.

Беспута

Не говори! В меня посажен дьявол,
Да не один, а может, много их.
В своем нутре я слышу разговоры,
Я сам молчу, а он во мне хохочет.
И в те поры зальется сердце кровью,
По телу дрожь, а волос станет дыбом,
В глазах круги зеленые и искры,
И бесенята маленькие скачут;

Мне кровь тогда, что пьяному похмелье;

Готов пролить я реки алой крови.

И чем слабей, чем ворог мой бессильней,

Тем слаще мне губить его и мучить.

Что ж делать мне!

Епифанец

Я сам врагов гублю,

Да только тех, кто борется со мною.

На то война! А безоружных мучить

Лишь только грех один. Ведь мы не волки

Голодные, не псы!

Ураз

Бирюк — не батырь.

Беспута

Я есть хочу.

Казак

Барана облупили

И на рожон воткнули.

Беспута

Епифанец,
Садись за стол.

(Уразу.)

Садись, кочан капустный!

Ураз

Не надо так! Такой не надо шутка!
Я убивал за то!

Беспута

Вина бочонок
Кати сюда! Налей в мою братину
И ковш пусти.

Епифанец

Не пей вина, Беспута!
Ты во хмелю нескладен.

Беспута

Ну, свяжите
Опять меня! Давай полон разделим.
Плакучих баб не надо мне. На долю
Я мужиков возьму, к коням пристав-

лю.

Епифанец

А я возьму товар дешевый — баб;
Придут мужья, дадут хоть по копейке.

Ураз

А мне старик отдай!

Беспута

Тебе на что же?

Ураз

Ходи-гуляй пущу. Он Богу служит.

Входит Скурыгин, за ним Чика и Николай Редриков связанный.

Скурыгин

Товарищество почтенное! Грозится
Убить меня!

Беспута

За что? коли за дело,
Пускай убьет.

Епифанец

Ты, атаман, не трогай

Скурыгина. Он нам вперед годится
В шишах служить.

Чика

Ему нужна наука!
Ты к лыцарству казацкому ни шагу!
Ходи вокруг да около.

(Садится, пьет и ест.)

Скурыгин

Судите
Вы, головы и атаманы, чем же
Я лыцарей обидел? Говорю я,
Что плохо мы царю и государю
Димитрию Иванычу радеем!
Пошли ему Господь в делах удачи,
И счастия, и всякого талану,
И дай ему Господь свой стол московский
И родовые царства доступить,
И дай ему победу, одоленье,
Создай ему…

Чика

Ты полно распинаться!
Приказная, продажная душа!
Не смеешь ты казакам-атаманам
Указывать ни в чем.

Скурыгин

Мое раденье
Великое известно государю.
Судите нас! Казаки изловили
На троицкой дороге молодца.
(Указывая на Николая Редрикова.)
А я божусь, сквозь землю провалиться,
Что он гонец царев; его поймали,
А грамоты царевой не нашли;
А я его в Москве недавно видел,
Сбирался он в Ростов, и верно знаю,
Что грамоты он вез.

Чика

Куда ж им деться?
Где грамоты?

Николай Редриков

Не знаю. Я, боярин,

К родным бежал от службы из Москвы.

Ты, дяденька, не обижай сиротку!

Ты добренький!

Скурыгин

Ты сказочник, я вижу.

Пытать его!

Николай Редриков

Пытайте, коль хотите,

Невинного. Теперь я в вашей воле;

В чужом стану, один, защиты нет,

Одна защита — матушки молитва

Перед Творцом. Хоть до смерти замучьте,

Родимые, а не в чем повиниться.

Не стану лгать. За правду мне не страшно

И умереть.

Епифанец

Вот молодец какой!

А сколько лет тебе?

Николай Редриков

Годков осьмнадцать.

Чика

Ну, из тебя иль добрый парень выдет,
Иль уж такой разбойник, что на диво.

Скурыгин

Он вор прямой.

Беспута

А вот мы завтра к князю
Рощинскому сведем его. На дыбе
Он скажет все.

Николай Редриков

Ведите, ваше дело.

Епифанец

Теперь пока в землянку запереть.
Николая Редрикова уводят казаки.

Скурыгин
(Чике)

Ты на слова мои не обижайся,
Не про тебя я говорю, про всех.
Зачем мы здесь стоим — давно пора бы

В Москве нам быть. Я сам вчера оттуда.
В народе рознь, а мы сидим, зеваем.
Стараюсь я один; уж я не мало
По площадям московским надрывался,
Уму учил и в чувство приводил.
Хотят идти с повинной к государю
Димитрию Иванычу. За службу
Пожалуют иль нет, — не знаю. Яну,
Петр Павлычу Сапеге, нынче утром
Докладывал, какие атаманы
Нам Красное село сдадут, какие
Провесть хотят за деревянный город
Лазейка есть, лазейку мы сыскали.
И кланялся я гетману и князю
Явить мое раденье государю,
Чтоб ведомо ему старанье было
И неусыпный труд.

Чика

Тебе бы встряску
Хорошую задать, ты больше скажешь.

Епифанец

Ну, на тебе за службу ковш вина.

Беспута
(Уразу)

Давай играть, татарин.

Ураз

Деньга мало.

Беспута

А денег нет, отдашь живым товаром,
Возьму полон.

Ураз

Якши! Давай играем!

Беспута
(вынимает деньги, играют в зернь)

Ведь знаю я, что некрещеным счастье,
Талан во всем, а все с тобой играю,
С татарином. Бери!

(Подвигает деньги.)
Ураз

Играй еще!

Беспута

(играет)

Тащи опять!

(Подвигает деньги.)

Ураз

Играй еще!

Беспута

Сыграем!

В последний раз.

(Играют.)

Подай сюда!

Ураз

Еще!

Беспута

Опять мое.

(Берет деньги.)

Ураз

Играй еще!

Беспута

Да с чем же

Играть тебе? На старика сыграем?

Ураз

Играй, играй!

Беспута

Поди сюда, старик.

Мы на тебя играем. Что, татарин!

Он мой теперь.

Старик кланяется.

Ураз

Пожалуста, играй!

Посля отдам.

Беспута

Без денег не играю.

Ураз

Пожалуста.

Беспута

Пошел! Гулять хочу!

(Пьет.)

А ты, старик, нам песни пой, да громче!

Плясать горазд, найдем тебе плясу-

нью,

И тешьте нас.

Священник

Мирских не знаю песен.

Мои уста поют Господню славу

В святых церквах; в разбойничьем вертепе

Не осквернюсь я срамным празднословьем.

Епифанец

Пусти его.

Беспута

Он будет петь, увидишь!

Он мой теперь, я выиграл его!

И что хочу, то и заставлю делать.

Ну, пой, старик, а то убью!

(Вынимает пистолет.)

Священник

Ты глупый

И жалости достойный человек!

Я Господа боюсь, а ты не страшен.

Я для тебя губить души не стану.
А что мне смерть! Давно прошу у Бога
От бренных уз, от старческою тела
Освободить тоскующую душу,
О житии небесном.

Беспута

Если просишь,
Так ты давно б сказал.

Епифанец

Беги, спасайся!

Священник

Куда бежать! От смерти не уйдешь.

Беспута стреляет. Старик падает.

Ураз

Зачем убил? Зачем убил? Не надо
Убил его.

Беспута

И ты того ж дождешься.

Ураз
(Чике)

Хватай его!

Епифанец

Вяжите кушаками.

Беспута

Татарин, прочь! Убью тебя, собаку!

Чика

Не вырвешься из наших рук железных.
С татарином мы двое черта свяжем,
Недаром мне прозвание «Четыре
Здоровья». Так скрутим его, что любо.

Беспута

Дождусь же я, не все же буду связан.
Из-за угла перестреляю всех.

Чика

Доводишь сам. Проспишься, позабудешь.

Беспута
(лежит связанный)

Проклятые! Чтоб провалиться вам
Со всем гнездом разбойничьим! Развер-

зись,

Сыра-земля, до самой преисподней

И поглоти воров проклятых стаю

И первого меня!

Чика

Вот это ладно,

Что не забыл себя.

Беспута

Я околеть-то

Давно бы рад, да только вместе с вами.

Я рад кипеть в смоле, в горячей сере,

Да только б знать, что ты сидишь со мною

В одном котле. Я боль свою забуду.

И дьяволов-мучителей потешу

Я хохотом над мукою твоей.

Входят Савлуков и М. Редриков; Беспута скоро засыпает.

Савлуков

Товарищи, о чем шумите?

(Осматривается.)

Мертвый
И связанный! Не можем мы без драки
И смертного убийства выпить чарку.

(Редрикову.)

Теперь и ты с волками вой по-волчьи.
И сам дерись, и пей, и нашу волю
Не осуждай.

Максим Редриков

Мне это ничего!
Я зарожден на зло. На свет с зубами
Родился я, меня не испугаешь.

Савлуков

Вы, головы и атаманы, братья!
Вот новый наш товарищ — молодец!
Покинул он изменнический город
И целовал сегодня крест на службу
Природному царю и государю
Димитрию Иванычу.

Чика

Откуда
И кто таков ты?

Максим Редриков

Редриков Максим.

Савлуков

Он дворянин московский.

Чика

Ну и ладно.

Епифанец

Вот мы его пригоним в кашу веру
И окрестим. Давайте ковш вина!

(Наливает.)

Ну, пей, да только весь смотри!
О здравье Царя Димитрия всея Руссии.

Максим Редриков

О здравии царя и государя
Димитрия всея Руссии.

Савлуков

Верой
И правдой служи царю и нам,
Товарищам! Отца и мать покинуть
И всю родню забыть, а доведется,

Губить и их, как недругов царевых,
Клянись!

Максим Редриков

Клянусь!

Чика

Ну, Бог тебе на помочь!
Ты наш теперь!

Ураз

Ни бачка нет, ни мачка.
Твой бачка царь, а мачка нож-булат.

Епифанец

Мы наберем холопов беглых сотню,
И в сотники тебя тотчас поставим.
А вот тебе на первый раз и служба:
Стеречь полон, всю ночь ходить дозором
По куреням, чтоб стража не дремала.
А молодца в землянке пуще глазу
Ты береги, он завтра нужен нам.
Ну, спать пора, пойдемте, атаманы.

Уходят.

Максим Редриков

Эх, волюшка! Кому ты не мила!
Удалых ты до Тушина доводишь,
По сердцу мне веселое житье!

(Поет.)

Прикажи-ка нам, хозяин,
Поскакать, поплясать,
Поскакать, поплясать,
Про все городы сказать!
И про верхни городки,
И про низовые.

Николай Редриков
(из землянки)

Максим! Максим!

Максим Редриков
(оборачиваясь)

Чего? Знакомый голос,
А никого не видно.

Николай Редриков

Я в землянке,
Поди ко мне.

Максим Редриков
(подходя)

Ты как сюда попал?

Николай Редриков

Пусти, скажу.

Максим Редриков

Тебя беречь велели.

Николай Редриков

Запрешь опять.

Максим Редриков

Ну, выходи на волю.

(Отворяет землянку. Николай Редриков выходит.)

Рассказывай, потом опять в землянку
Запру тебя, сиди да утра жди.

Николай Редриков

Попался я казакам на дороге.

Максим Редриков

А грамоты?

Николай Редриков

У Троицы теперь.
Я отдал их старухам богомолкам,
Зачуявши погоню. Завтра утром
О грамотах сведут меня к допросу
И накрепко пытать хотят.

Максим Редриков

Что ж делать!
Не будь дурак, вперед не попадайся!
Садись опять в землянку, дожидайся
Судьбы своей.

(Садится к столу, берет кости, в которые играли.)

Постой, я погадаю.

Николай Редриков

О чем, Максим?

Максим Редриков

Пустить тебя аль нет?

Николай Редриков

Да как пустить! А крестно целованье!

Максим Редриков

Толкуй еще! Уж за одно грешить,
Я утверждался крестным целованьем
Двоим царям служить: в Москве Василью,
А в Тушине Димитрию. Василья
Я обманул, а этот чем же лучше?
Тебя-то жаль, ты больно молод, парень,
И отпустить беда, спина в ответе,
А неравно и голову долой.
Поди садись в землянку, я опосле
Поворожу, пустить тебя аль нет.

(Запирает землянку и уходит.)

Сцена пятая

ЛИЦА:

Дмитрий, тушинский вор.

Князь Рожинский, великий гетман.

Ян Петр Павлович Сапега, начальник особого отряда.

Князь Трубецкой.

Князь Масальский.

Максим Редриков.

Сафонов, дьяк.

Коморник.

Свита самозванца из московских выходцев и поляков.

Передний покой в тушинском дворце. Входят Рожинский, Сапега и коморник.

Коморник

Нельзя входить! Не велено!

Рожинский

Холоп,

С дороги прочь!

Коморник

Не выходил из бани
Великий царь.

Рожинский
(толкая его)

Пошел! Я царский гетман,
Когда входить к нему, я знаю сам.

(Сапеге.)

Пришли мы рано, в бане царь московский.

Сапега

Трудов ему довольно по утрам,
То молится, то в бане кости парит.
Вот мы с тобой всю ночь гуляли-пили,
А на ногах давно.

Рожинский

Ты, пан Сапега,
Не позабыл вчерашних разговоров?

Сапега

Не позабыл.

Рожинский

Хоть мы и побратались
И саблями с тобою поменялись,
А в Тушине двоим героям тесно,
Соперников я не люблю, ты знаешь.
Ходынское и Пресненское поле
Прославлю я своим геройством; ты же
Ищи себе урочища другие
Для подвигов; Россия велика.

Сапега

Уж я нашел. Не бойся, пан Рожинский,
Друг другу мы с тобой не помешаем.
Бери Москву, сажай царя на трон
И управляй Московским государством!
А я для вас возьму другие замки,
Восточные, и путь к богатой Волге
Очищу вам.

Рожинский

Великою помехой
Стоит гнездо монахов на дороге,
Как вороны из каменного гроба,
Они и днем и ночью стерегут

И разбивают царские разъезды,
И Шуйского обозы прикрывают.
Под рясами седые старики
Страшнее нам всей рати. Этот замок
Должны мы взять.

Сапега

Не замок, а лукошко
Лубочное: я разорю его
И выгоню ворон. Мы, князь Рожинский,
Творим дела великие: мы царства
Обширные берем, на трон сажаем
Кого хотим, nostra armata manu
Id facimus[1]*. Мы римляне, Рожинский;*
Romani sumus.[2]

Рожинский

Что romani! Дрянь!
Мы лучше их! Однако, пан Сапега,
Вчерашний хмель гуляет в голове.

---

[1] Примечания: 1
своею вооруженною рукою мы это делаем (лат.).

[2] Примечания: 2
Мы римляне (лат.).

То у тебя, то у меня пиры;
Ты уезжай скорей, а то сопьемся.

Сапега

Пируем мы сегодня у царицы,
Красавицы, моей богини.

Рожинский

Что-то
Не по нутру твоя богиня мне
И льстивая родня ее.

Сапега

Сегодня
Последний пир, а завтра и в поход.
Насмотримся, как Юрий Мнишек будет
Перед царем хитрить и унижаться,
И дочери кивать, и знаки делать,
Чтобы была поласковее с мужем.
Ведь ласки дочери царю он продал
За триста тысяч, — выгодная сделка!
Послушаем, как царь устав церковный
И весь псалтырь читает наизусть,

И величает братом Сигизмунда.

Рожинский

Мне мочи нет, я слышать не могу!
Какой он брат ему! Такие речи
На Господа хула. У Сигизмунда
И конюхи его такого братства
Не захотят.

Сапега

Тихонько! Здесь бояре!

Входят князья Трубецкой и Масальский и прочие выходцы, подают Сапеге руки. Рожинский руки не дает, а слегка кивает головою. Входит Дмитрий; его ведут под руки двое московских выходцев из стольников.

Дмитрий
(садясь на трон)

Нам сказывал наш гетман, князь Рожинский,
Что Ян Сапега, староста Усвятский,
Покинуть нас желает?

Рожинский

Он для пользы

Твоей идет, великий государь,

Врагов твоих разить, громить твердыню

Противников твоих.

Дмитрий

Ты, князь Рожинский,

Не так сказал. Идет громить Сапега

Великую святыню православных,

Святой оплот поборников Христовых,

Воздвигнутый отцом моим Иваном…

Мы, русские, святыню почитаем,

Рожинский

Изменникам святыня не защита.

Дмитрий

Желаю я в таком великом деле

Своих бояр, природных русских, слышать

Совет прямой! Скажите мне, бояре,

Достойно ли московскому царю,

Блюстителю единой, православной,

Незыблемой и непорочной церкви,

Отдать свою святыню вековую
В разор и поруганье иноземцам?

Князь Масальский

Не видано у нас такое дело
Спокон веков.

Дмитрий

Ты слышишь, князь Рожинский?

Трубецкой

Не трогай Троицы Живоначальной
Монастыря святого! Не милует
Господень гнев за то. Побойся Бога,
Великий царь и государь Димитрий
Иванович.

Дмитрий

Я слышу глас народа
В речах бояр моих. Народ московский
Заговорит, что я не чту святыни.

Рожинский
(с нетерпением)

Сапега ждет приказа твоего.

Сапега

Не двинусь я без воли государя.

Дмитрий

Вы слышали. Какого вам приказа?
И что еще сказать могу?

Рожинский

Ты скажешь,
Чтоб собрался, не мешкая, Сапега
К монастырю; своим боярам новым
Молчать велишь, иль я молчать заставлю
По-своему.

Дмитрий
(обидевшись, боярам)

Мой гетман лучше знает,
Что делать мне и говорить.

Рожинский

Еще бы!
Я знаю все. Ты царь благочестивый
И Троицкий старинный монастырь
Ты уберечь и сохранить желаешь.

Да твой ли он? Он Шуйского покуда,
И в нем враги твои сидят. Ты хочешь,
Чтоб у тебя была святыня эта,
Так надо взять ее — и мы возьмем.
Вот мысль твоя. Ну, с Богом, пан Сапега,
Сбирайся в путь.

Дмитрий

С тобой пойдут поляки?

Сапега

И русские.

Дмитрий

Не верю.

Сапега

Пан Лисовский
Идет со мной и с ним шесть тысяч русских,
Да я возьму с собой людей охочих.

Дмитрий
(с важностью)

Ну, если так, иди! Мы, царь Димитрий

Иванович, московский и всей Руси,
Всех царств и княжеств наших самодержец,
Единый, Богом данный и хранимый,
Помазанный и вознесенный Богом
Над прочими царями и, подобно
Израилю, ведомый высшей силой,
Единый христианский царь с востока
До запада, и многих государств
Самодержавный повелитель, ныне
Тебе, Ян Петр Сапега, указали
Идти войной на царских супостатов,
Сидельцев Троицы Живоначальной
Монастыря, и промышлять над ними.
Поди к руке моей.

Сапега кланяется.

Повелеваем
Тебе, наш думный дьяк Денис Сафонов.
И написать, и в войске объявить
Охочим людям, буде пожелают,
Идти с Петром Сапегою на наших
Изменников, которые доселе

Челом мне, государю, не добили
И вин своих не принесли; пусть идут,
Надежные на милости господни
И Богородицы его пречистой,
Великого Николы-чудотворца,
И жалованье царско неисчетно
Великое мое.

(Рожинскому.)

Великий гетман.
В моем стану и войске все ль спокойно?

Рожинский

Великий царь, давно пора тебе
Сидеть в Москве на дедовских престолах,
А здесь пока во временном стоянье,
Под Тушином селом, и день вчерашний,
И ночь прошли, Бог дал, благополучно.
Нельзя сказать, чтоб вовсе без греха,
А не было беды большой. Казаки
Московского гонца вчера поймали
И отдали его на береженье

Из выходцев московских дворянину,
А тот его не устерег.

Дмитрий

Повесить!

Рожинский

Поссорился вчера Буявский ротмистр
С товарищем за дружеской попойкой
И во хмелю убил до смерти.

Дмитрий

На-ко!

Рожинский

Мы строгостью такою всех разгоним.
Буявского, я думаю, простить.
Поляки нам за жалованье служат,
Они пришли на помощь — наши гости,
А не рабы, мы жалованье прежде
Должны отдать.

Дмитрий

И отдадим в Москве.

Рожинский

О деньгах речь, так жди; а за провинность

Казнить сейчас, — какая ж будет правда!

И кто ж служить поедет к нам из Польши?

Дмитрий

А кто ж из русских в Тушино пойдет,

Когда казнить мы будем только русских

И миловать поляков виноватых.

Полякам ты заступник, а за русских

Не вымолвишь и слова. Виноваты

Равно они, равно достойны казни;

Коль миловать, так надобно обоих.

Сапега

Рожинский-князь, проси за поляка,

А я челом за русского ударю.

Мне русские нужней; я в сердце Руси

Веду войну; разведать путь-дорогу

И корм найти свои скорее могут,

И лишнему я рад. Не сотню тысяч

Веду с собой, мне каждый ратник дорог.
Великий царь, пусти его со мною
Под Троицу!

Рожинский

Ждут милости иль казни
Буявский пан и Редриков Максим
У твоего крыльца.

Дмитрий

Привесть виновных.
Вводят Максима Редрикова и поляка.
Хоть оба вы, за ваши воровства,
И довелись до лютой смертной казни,
Для радости свидания с женой,
Мариной Юрьевной всея России,
Прощаю вас.

Кланяются.

Спроси его, Сафонов,
Пойдет ли он под Троицу с Сапегой
Охотою?

Сафонов

По царскому указу

Петр Павлович Сапега, царский ротмистр,

Войной идет на недругов, сидельцев

У Троицы в обители святой,

И вольно звать ему людей охочих.

Ты, Редриков, желаешь ли идти

Под Троицу и крепко, нерушимо

Стоять против врага, и всякий поиск,

И тесноту чинить по силе-мочи?

Максим Редриков

А что ж нейти?

Сафонов

Святыни не боишься?

Максим Редриков

Уж заодно мне Богу отвечать.

Коль в Тушино пошел, так, значит, Бога

Не побоюсь.

Сафонов

Молчи ты, смерд! Ты служишь

Здесь, в Тушино, природному царю.

Максим Редриков

А разве я его не величаю
Димитрием Иванычем, природным
И подлинным царем? К нему на службу
Я из Москвы пришел. Такая служба
Мне по сердцу. Служа ему, мы грабить
И разорять в Московском государстве
Все города у Шуйского должны.
А Сергиев, иной ли город грабить,
Уж все одно.

Дмитрий

Гоните вон его!
Повесить бы его вернее было
И Господу угодней! Вот разбойник!

Сапега

Таких-то мне и нужно, государь!

Дмитрий
(вставая)

Мне, право, жаль, что я его простил.

Все уходят.

Сцена шестая

ЛИЦА:
Третьяк Сеитов, воевода.
Людмила.
Николай Редриков.
Нянька и сенные девки.

В Ростове. Светлица в тереме воеводы.

Входят Людмила, нянька и две сенные девушки.

Людмила

Нашелся он, мой суженый, желанный,
Нашла его душа моя. По нем-то
В глухой тиши полночной снов горячка
Томит меня, а днем грызет тоска.
Придет пора, и девушке не плакать
Никак нельзя! Защемит ретивое,
Тоски и слез любовных не минуешь.
Я девушка, и плакать мне не диво;
Но долго я не стану убиваться.
Поплакала, и будет. Я на горе

Связать себя с немилым не позволю.
Ужели мне в одних забавах воля,
А в муже нет! Кого отец укажет,
За тем и жить! Отдать красу девичью
Немилому, постылому! Потешить
Родителя и погубить себя!
Потешь меня, старик, свое ты отжил,
И молодого счастья не губи!
Вы, девки, что стоите?

Девки

Ждем приказу.

Нянька

Все дело их, что за тобой ходить.

Людмила

Приказу ждете? Мой приказ короткий:
Подите вон!

Девки уходят.

А ты, старушка Божья,
Поближе стань, поговори со мной.

Нянька

Что, матушка боярышня, прикажешь
Рабе твоей?

Людмила

Утешь меня, старуха!

Нянька

Тебе, кажись, о чем бы тосковать!

Людмила

Ты видела мальчишку молодого,
Московского гонца?

Нянька

Не раз видала.
Пригоженький мальчишка, вот и все.

Людмила

Мальчишка, да! Ребенок-недоросток,
А высушил и вызнобил он сердце
Боярышни твоей.

Нянька

Ах он разбойник!

Людмила

Рассказывай! Ты видела, ты знаешь,

Пригож ли он, и вьются ль русы кудри,
И ясны ли его сокольи очи,
И весело ль глядят, или кручинны,
И любит ли меня?

Нянька

Ахти! Не знаю,
Какую речь вести, боюсь тебя.

Людмила

Не бойся, няня! Сядь со мной.

Нянька

Не смею.

Людмила

Садись, садись! Прилягу я легонько
На грудь твою. Меня ты приголубишь.

Садятся.

Тоскую я! Будь матушкой родимой,
Утешь меня, девицу-сиротинку.

(Прилегает к ней.)

Рассказывай про молодца-детинку,
Зазнобушку.

Нянька

Не знаю, что и молвить.

Людмила
(вставая)

Да говори же, старая карга!

Нянька
(с испугом)

Хорош… пригож… да только молод больно.

Людмила

Ну, вот беда! Состариться успеет.

За молодым-то веселее жить.

Уж так-то люб, уж так-то люб он, няня…

Нянька

А люб так люб. Не по-хорошу мил,

А по-милу хорош, моя голубка!

Да где ж его ты видела?

Людмила

Забыла

Ты, старая! А помнишь, на дороге

Мы съехались... А здесь в сенях отцовых
Два раза я тихонько поджидала,
Когда пойдет, и будто не нарочно
Встречалась с ним, и речи говорила,
И как зовут узнала: Николаем!

Нянька

Никак, идет наш батюшка, боярин!

(Встает.)
Входит Сеитов. Нянька уходит.
Людмила
(кланяется низко отцу, он ее целует)

Хорош отец! О дочке и не вспомнит,
Совсем забыл.

Сеитов
(садясь)

Заботы одолели
Великие. По царскому указу
Мне велено беречься от воров,
К Владимиру идти, крепить осаду
И воеводой быть во всем краю,
По городам сбирать детей боярских,
Из Суздали, из Юрьева, из Шуи,

А скоро ль их сберешь! Сидят в поместьях,
Не двинутся, как пни, покуда силой
Не выбьют их на службу батожьем.
Кругом мятеж, остроги наши плохи,
Запасов нет и отсидеться не в чем.

Людмила

Я дел твоих не знаю воеводских
И знать-то не хочу. Ужли ты часу
Не выберешь для дочери-сиротки?
На возрасте, на выданье теперь
Я, девушка, со скуки пропадаю,
Одна как перст я у тебя,

Сеитов

Родная,
Прости меня! До солнышка проснулся
Сегодня я. Все утро собирался
Зайти к тебе, да не поспел; с делами
Замешкался в избе приказной. Надо
Московского гонца к царю отправить
С отпискою о нашем утесненье,

И скудости, и ветхости острогов,
И осыпе валов по городам,
Что зелья нет…

Людмила

Я вижу, ты, родимый,
Состарился и выжил из ума.
Ну, можно ли мальчишку с царским делом,
С отписками, послать в такую пору
Немирную? Пошли к царю другого,
Постарше кто; его оставь.

Сеитов

Не смею
Держать его, он прислан с оборотом.

Людмила

А если он отписки потеряет
Иль воры их отнимут у него,
Тогда-то что? При старости почтенной,
Ты в грамоте царевой прочитаешь,
Чтоб так тебе не дуровать вперед,

Иль хуже что. И самого-то вором,
Изменником перед царем поставят,
Нашепчут в уши злые шептуны,
Безбожные.

Сеитов

Ну что ты мне толкуешь!
Перед царем в ответе я не буду.
С кем прислано, я с тем и отпускаю.

Людмила

Ты, батюшка родименький, не любишь
Меня ничуть. Пойдешь ты на воров,
Подумай сам, меня-то на кого же
Покинешь ты!

Сеитов

Тебе не привыкать,
Не первый раз одна ты остаешься.

Людмила

Тогда не то, теперь другое время:
Я в Тушино попасться не желаю
К мятежникам.

Сеитов

Храни тебя Господь!
Оставлю я охрану понадежней.

Людмила

Не верю я твоей охране.

Сеитов

Кто же
Убережет тебя?

Людмила

Гонец московский.
Его оставь.

Сеитов

В уме ли ты, Людмила!
Не ты ль сама сейчас же говорила,
Что молод он и грамоты поверить
Нельзя ему? А как же я поверю
Тебя беречь!

Людмила

Ты вот что, мой родимый,
Послушайся меня хоть в жизни раз,

Не отпускай его в Москву.

Сеитов

Людмила,
Не говори таких речей безумных!
Ты дочь моя, Сеитова княжна.

Людмила

И он не смерд, слуга царю такой же.
Ты погоди, не называй безумной,
Я в разуме покуда. Если ж хочешь,
Чтоб вправду я осталась без ума,
Так отпусти его.

Сеитов

Молчи, Людмила!
Не заставляй отца седого слушать
Пустых речей твоих! Молчи, покуда
Не понял я бесстыдного их смысла.

Людмила

Ты любишь дочь иль нет? Моя погибель
Нужна тебе иль ты желаешь счастья
И радости для дочери твоей?

Сеитов встает.

Уходишь ты?

Сеитов

Прощай!

Людмила

Скажи мне толком,
Отпустишь ты гонца иль нет?

Сеитов

Не стоит
И говорить с тобою, полоумной!
Ты не стыди себя!

Людмила

И это слово
Последнее?

Сеитов

Последнее. Прощай!

Уходит. Входят нянька и девушки.

Людмила

Так вот она, неволя теремная!
Так вот когда высокий, чистый терем

Мне тесен стал и жизнь моя девичья
Наскучила. Душа на волю рвется,
Хочу любить, любить… Ты, злой старик,
Ты баловал меня и тешил прежде!
Ты вырастил на волюшке меня,
И дай ты мне ту волю дорогую
За милого пойти. Ты дашь мне волю!
Не дашь ее, так я сама возьму.
Ну, нянюшка, старушка, поживее
Веди ко мне любезного дружка
Николушку!

Нянька

Ах, батюшки! Да в чью же
Ты голову…

Людмила

Ступай без разговору!
Приказано и кончено.

Нянька уходит.

Девки

Пропали

Мы, бедные, несчастные...

Людмила

Завыли!
На лестницу ступайте, стерегите,
Чтоб не вошел боярин невзначай!

Девушки уходят.

Пускай себе другие девки плачут
По теремам высоким взаперти
И ждут в слезах себе неволи злее:
С немилым жить, с неровней вековать
И девичьи коротенькие слезы
Сменять на бабьи слезы без конца;
Не стану я томить себя слезами,
Ретивому сердечку волю дам
И девичий обычай свой потешу!

Входят нянька и Николай Редриков.

Нянька

Побережней иди! Вот видишь, глупый,
Какая честь тебе! Ты не болтай,
Не сказывай, что я тебя водила
К боярышне, а то себя погубишь,

Ее и нас.

Николай Редриков

Да ладно.

Людмила

Ты не бойся!
Поди ко мне, мой писаный красавчик!
Бывал ли ты в девичьем терему?
Ну, сказывай.

Николай Редриков

Ни разу не случалось,
А хорошо у вас, как словно в сказке,
Не вышел бы.

Людмила

Ты любишь ли кого?

Николай Редриков

Я всех люблю. У матушки учился
Сыздетства я речам ее любовным
И ласковым словам; она велела
Мне всех любить и миленькими звать.

Людмила

А кто учил любить красу девичью?

Николай Редриков

Своим умом дошел.

Людмила

Меня ты любишь?

Николай Редриков

Любить люблю, сказать боюсь; погонишь

Из терема.

Людмила

Не погоню, не бойся.

Николай Редриков

Так я скажу.

Людмила

Ты говори, да больше!

Любовных слов не слышим мы совсем,

А сердце их желает.

Николай Редриков

Мне на свете

Одна лишь ты и жизнь и радость.

Знаю,
Что ты неровня мне, а все тоскую
И плачу по тебе. Со мной ты шутишь
И посмеешься после надо мной,
А мне в тоске сидеть да убиваться
В своем углу.

Людмила

Постой! Постой! Неправда!

Николай Редриков

Тебе игра, а мне навеки мука,
И все-таки люблю тебя.

Людмила

Постой!

(Протягивает руку.)

Возьми себе на память перстенечек!
Бери любой!

Николай Редриков

Вот этот дай!

Людмила

Изволь!

Редриков берет перстень.
Ну, что же ты стоишь? Иль не умеешь
Благодарить?

Николай Редриков

Умею, да не смею.

Людмила

Благодари.

Николай Редриков
(целует ее)

Спасибо! Мой возьми!
Серебряный и плохенький, а дорог,
Он матушкин подарок.

Людмила

Вот спасибо!

Нянька

Боярышня, беда! Отец идет!

Людмила
(Редрикову)

Беги скорей ко мне в опочивальню
И спрячься там! Не выходи, покуда

Не позову сама.

Николай Редриков уходит. Входит Сеитов.

Сеитов

Послушай, дочка!
Немного мне на свете жить осталось.
Последних дней срамить я не хочу.
Давал тебе я волю и поблажку,
Но с той поры, когда в девичий терем,
Забывши стыд, водить ты парней стала,
Запру тебя и сторожей поставлю
С дубинами у окон и дверей.
И всякого, кто в терем твой заглянет,
В тюрьме сгною, тебя в монастыре.

Людмила

Мне поздно в монастырь, теперь я замуж
Задумала, ты раньше бы хватился.

Сеитов

Где Редриков?

Людмила

В моей опочивальне.
И выйдет он со мной оттуда в церковь
Иль в озеро.

Сеитов

Не выйдете вы вовсе
Из терема; кругом законопатить
Все выходы велю, и умирайте
С любовником голодной смертью оба.
Мне вас не жаль.

Людмила

Тебе меня не жаль?
Ты что сказал? Морить голодной смертью
Родную дочь? Спасибо! Вот спасибо!
Любовь твою я вижу. Эка дура!
За что же я любила старика!
За что же я его любила столько!

(Отворяет опочивальню.)

Поди сюда, благодари отца!
Редриков входит.
Скорей ко мне бегите, няньки, мамки!

Входят нянька и сенные девушки.
Боярина благодарить за милость!
Челом ему! валитесь в ноги все!
Послушайте, как дочь свою он любит!
Прошу его: родитель-государь,
Дозволь ты мне, девице-сиротинке,
За рабскую мою тебе покорность,
За скучное сиденье теремное,
За слезные молитвы по тебе,
Позволь ты мне пойти, девице, замуж
За милого, — мне Бог его послал;
Отдай ты мне, рабе твоей, на выбор:
Иль с милым жить тебе и нам на радость,
Иль умереть с моим желанным вместе!
И батюшка пожаловал меня:
Он, государь, на милость тороватый,
Родную дочь и зятя запереть
И уморить сулит голодной смертью,
И закопать в одну могилу вместе.
Ну, кланяйтесь ему, благодарите.

Я говорить не стану с ним. Не долго
На свете жить, наговориться с милым
Потороплюсь.

(Редрикову.)

Ты смерти не боишься?

Николай Редриков

Чего же мне бояться! Я с тобою
Увидел рай; еще такой отрады
Мне в жизни не видать, зачем и жить!
Умрем с тобой, друг другу в очи глядя,
Целуяся, милуяся любовно.

Сеитов

Упряма ты! Упряма, как железо.
Лукавая лиса!

Людмила

Послушай, милый!
Не верит он, что мы друг друга любим,
А то бы нас жалел он погубить.
А видит Бог, тебя я полюбила —
Я так любила только одного,
Один лишь был на белом свете дорог

И так же мил — седой старик, отец,
Пока моим он не был душегубом.

Сеитов

Ну, Бог с тобой! Забудь мою обиду,
Поди ко мне.

Людмила

Мы неразлучны стали;
Я не пойду одна.

Сеитов

Подите оба!
Не жаль тебя мне, девки полоумной,
А жаль любви твоей. Пускай же дочка
Сеитова смеется над отцом,
Да только бы не назвала злодеем.
Благословлю и обвенчаю вас
И на воров пойду. Живите с Богом.
Пойдемте вниз, пошлемте за попом.

Людмила

Теперь опять тебя я полюбила,
Упрямого и злого старика.

Сеитов
(Редрикову)

А ты горазд на девок! Как сошелся
И видел где ты дочь мою?

Людмила

Расскажем
Мы после все.

Николай Редриков

Я, батюшка боярин,
Давно люблю ее. Не погнушайся
И прикажи, боярин, мне, холопу,
Любить тебя.

Сеитов

Люби и почитай,
Отцом родным зови меня, разбойник,
И всякого приказу слушай!

Николай Редриков

Ладно!

Уходят.

Сцена седьмая

ЛИЦА:
Епифанец.
Чика.
Асан-Ураз.
Беспута.
Максим Редриков.
Савлуков.
Казаки.

Окопы Лисовского под Троицким монастырем. Земляной вал; за валом вдали видны стены монастыря. Ненастные осенние сумерки; дождь и сильный ветер.

(12 октября 1608 года)

Епифанец лежит у костра. Есаул и несколько казаков поддерживают огонь. Вдали музыка и пальба из пушек и ружей. На валу казаки.

Епифанец
(громко)

Смотреть с валов, не видно ли чего
В монастыре.

Казак

(с валу)

Покуда не видали.
Светлеет что-то!

Епифанец

Господи, помилуй
Рабов твоих!

Казак

Сиянье по стенам.

Епифанец

Смотри верней, да с верою, со страхом,
А после нам скажи, коль что увидишь.

Входит Чика с казаками.

Присядь к огню, погрейся, обсушись.

Чика

И холодно, и вьюга-непогода
Слепит глаза, и угощают знатно
Калеными орехами со стен.
С добра-ума убрался с казаками
Целехонек от келаревой башни,
Из-под огня, и больше не пойду.

Есаул

Помилуй Бог! помилуй Бог! Охота ль
На драку лезть ни с чем.

Чика

Поляки бойки,
Ну, пусть они и бьются в стены лбом!
Не прошибить — крепки, да и толсты:
Сажен пяти от низу до зубцов,
А в толщину — где три, а где и больше;
Попрыгают поляки на бахметях,
Полаются на каменные стены,
Как пес на месяц — съел бы, да высоко,
И с тем уйдут.

Есаул

Не мало их поляжет!
Монахи им живые не дадутся.

Епифанец

Монахи что! Угодники Господни
Монастырю дают святую помощь;
Мы с музыкой идем, с гуденьем, с во-
пом,

Пьянехоньки, — а там святые старцы
Молитвою укреплены, постом,
И ратники с благословеньем божьим
Отпор дают под звоном колокольным.
Я сунулся, да тоже взял назад,
Бежал, как вор, дрожа как лист, как Каин
От Господа. Повел свои я сотни,
Когда совсем стемнело. Вот идем,
Потупившись, глаза поднять боимся
На темную ограду, что-то давит,
Гнетет тебя. Я раз взглянул и два —
И помертвел: в сиянии небесном
Угодники со стен на нас грозятся
И от врагов обитель ограждают
Каждением и крестным осененьем.
Святой водой кропят. Великий трепет
Объял меня! Махнул своим казакам
Скорей назад, назад, давай бог ноги.
Да вот и здесь еще лежу, трясусь
И думаю: да что мы, черти, что ли,
Что воевать пришли святое место.

Немного тут возьмешь! Сбираться на Дон,

Домой идти, покаяться скорее,

Замаливать свой грех, покуда жив.

Ведь есть одно у нас святое дело —

Крушить татар ногайских; мало нам!

Епитимью возьму себе на сотню, —

Ты думаешь поклонов? нет, голов

Татар поганых, — может, Бог простит.

Входит Ураз с татарами, за ним раненый Беспута.

Ну, что, Асан, не много взял?

Ураз

Молчи!

Аллах! Аллах! Такой война не нада!

Беспута
(грозит кулаком монастырю)

Дождетесь вы! Молитвы не помогут

И не спасут колокола. Беспута

Заплатит вам за раны и увечье

Сторицею! Пробьем до вас дорогу,

Не пушками, так саблями продолбим,
Натешится душа моя.

Чика

Беспута,
Ты о каком увечье говоришь?

Беспута

Нога болит, рукою не владею,
Я в ров упал; стрелою угодили
Под левое плечо.

Чика

А, видно, ловко
Попал тебе; кольчугу продавило,
И хмель прошел!

Беспута

Мы двигали тарасы
И лестницы, вдруг свистнуло в ушах,
И я, как сноп, лечу.

Епифанец

Щиты, тарасы
К монастырю свезли, а сами прочь

Ни с чем ушли. Спасибо завтра скажут
Монахи вам, — им топки на две будет,
На братский хлеб, на монастырский квас.
К монастырю тарасы! Пан Лисовский
С Сапегою и на небо полезут
По лестницам.

Беспута

До неба нам высоко,
А монастырь возьмем. Не отсидятся
Монахи в нем, хотя бы на защиту
К ним ангелы явились.

Епифанец

Ошибетесь.

Беспута

Спалим огнем его, порубим ратных,
Мучительски монахов перемучим
И поживем награбленным добром
До сытости и до отвалу.

Епифанец

Будто?

Поди-ка ты, какой проворный стал.

Беспута

А вы зачем бежали?

Епифанец

Надо было.
Не твоему уму про это ведать.
Без нужды я не побегу.

Беспута

Вы трусы!

Ураз

Болтай, болтай! Бежал, боялся Бога.
А ты пошел, рука-нога болит,
Еще пошел, совсем кончал.

Епифанец

Робятки!
Давайте нам поесть чего-нибудь.

Входит Максим Редриков.

Максим Редриков

Хвастливое-то слово гнило. Утром
Хвалились нам паны, что монастырь

Возьмут они взятьем; что мы недолго
Под Троицей в окопах простоим
И двинемся к Переяславлю ратью,
Потом в Ростов и дальше.

Епифанец

Не поверить
Панам нельзя, поверишь — ошибешься.

Максим Редриков

Придется нам зазимовать.

Епифанец

Пробьемся
И год, и два, и больше. Хорошенько
Насмотримся на каменные стены
Издалека, а близко не подпустят,
И прочь пойдем.

Максим Редриков

Утеха не велика.
Тоска возьмет и совесть одолеет.
Я по себе скажу: по воле царской
Стоим мы здесь; да, видно, Бог не хочет

В разор отдать святыни монастырской.

Зараз бы взять, и разговор короткий,

Покаялся б уж после заодно

За все грехи. А год бороться с Богом

И каждый день, вставая и ложась,

На те ж кресты молиться, по которым

Из пушек бьем; сшибать колокола

И с музыкой ходить против святыни,

Разбойником быть мало, — окаянным

Быть надобно.

Епифанец

Что правда, друг, то правда.

Они поют молебны, по стенам

С иконами, с крестами, с водосвятьем,

А мы по них стреляем из наряда.

Максим Редриков

Ползи к стене в потемках, не защита

Железная кольчуга от пищалей.

Убьют тебя — не страшно: умирать же

Когда-нибудь, от смерти не уйдешь;
А вот беда: Господь-то запятнает
Да жизнь продлит; всего поискалечит,
Сведет дугой, отнимет ноги-руки
И знаменье положит на челе.
Живи потом на свете, людям на смех,
Калекою, детям на поруганье,
Отмеченный, что ты боролся с Богом.
Готов служить царю я, государю
Димитрию Иванычу, и буду
Изменников его и жечь и грабить,
Да только укажи другое место.
Хоть свой же дом спалю, а здесь неволей
Опустишь руки, голову повесишь.

Входит Савлуков.

Несколько голосов

Здорово, брат! — Откуда?

Савлуков

В Переславле
Замешкался. Работы много было.
Да труд зато недаром; переславцы

Взялись за ум, в измене повинились
И в Тушино отправили гонца
С повинною. Сбираются к Ростову
Отплачивать старинные обиды
И приводить ростовцев ко кресту
Природному царю и государю
Димитрию. Мне гетман пан Лисовский
Приказывал собрать людей немногих,
Кому стоять под Троицкою скучно,
В Ростов вести, на помощь переславцам.
Пожива есть; кто хочет, собирайся
В Ростов идти.

Максим Редриков

На свадьбу, на веселье
Зови меня, так, может, не пойду;
А вот в Ростов, так полечу на крыльях.
Давно я жду отрады, добираюсь
До города Ростова. Ну, Беспута,
Ты жечь и грабить лют; тебя беру я
В товарищи. Ростовским воеводой
Обижен я, пойдем считаться с ним!

Я головы жалеть не буду, только б
Сойтиться с ним лицом к лицу, напомнить
Про старое. Недаром я божился,
Зарок давал его обиды кровной
Не забывать.

Савлуков

Ты мне скажи спасибо,
Что я тебя и в Тушино привел
И указал в Ростов дорогу.

Максим Редриков

После.
Душа горит теперь, и сплю и вижу
В Ростове быть, в гостях у воеводы
Сеитова, незваным и нежданным,
И задушить хозяина руками,
И на ветер пустить его хоромы;
Тогда тебе я в ножки поклонюсь.

Савлуков

Соснем часок и, чуть забрезжит утро,
Сбираться в путь, в Ростов.

Ураз

Айда в Ростов!

Максим Редриков

Идем! Идем! За мной не станет дело!

Беспута и **Чика**

И мы пойдем, товарищу поможем.

Все уходят.

Сцена восьмая

ЛИЦА:
Сеитов.
Дементий Редриков.
Николай Редриков.
Людмила, жена его.
Максим Редриков.
Беспута.
Ураз.
Скурыгин.
Стрелецкий сотник.
Боярский сын.
Нянька.
Лисовский.
Слуги воеводские.
Стрельцы.

Терем в доме Сеитова, в Ростове.

Входят Дементий Редриков, Николай Редриков и Людмила.

Людмила

Вот, батюшка, ты радости дождался:
Сынка женил и дочку взял.

Николай Редриков

Родимый,
По сердцу ли тебе моя женитьба?

Дементий Редриков

Чего ж еще? По сыну мне почет,
По дочери защита, от приказных
Ее отец, мой сват, оборонит.
Домой приехать да сказать старухе, —
Не вспомнится от радости.

Людмила

Мы вместе
Поехали б; сбираемся в Москву,
Дорог-то нет, заложены ворами.

Дементий Редриков

Проселками проедем. Все дорожки
Мне ведомы лесные. Ты старуху
Полюбишь ли? Она простая баба,
А ты княжна и дочка воеводы,
Богатая и знатная.

Людмила

Да если
Ее сынка любимого люблю я,
Так как же мать не полюбить!

Дементий Редриков

Ну то-то!
Люби ее, хорошая старуха!
Добра, кротка и терпелива. Сына
Ты любишь ли?

Людмила
(обнимая Николай Редрикова)

Его-то не любить!
Он жизнь моя, одна отрада, душу
Я за него отдам.

Дементий Редриков

Ну, так и надо,
Закон велит. Он тоже парень тихий,
Незлобивый, он матушкин сынок
И весь в нее. А ты, Никола, любишь
Жену свою?

Николай Редриков

Спроси у вольной птички,

Мила ли ей свобода в поднебесье;
Потом спроси, мила ли мне жена.

Дементий Редриков

Не гневайтесь на старика. Привязчив,
Пытлив старик и любит приказать;
Хоть дети уж давно его умнее,
А все ж нельзя, такой порядок. Право,
Не гневайтесь.

Николай Редриков

Помилуй Бог! За что же?

Людмила

Приказывай!

Дементий Редриков

Да только и приказу
Услышите: любите нас с старухой,
И меж собой живите поладней!
Ты думала, какой приказ мудреный,
А вот и все!

Людмила

Послушаем приказу.

Друг друга нам любить и так уж сладко,

А по приказу слаще будет.

Дементий Редриков

Ну-ка,

Невестушка! я не видал покуда,

Ты как его целуешь?

Людмила

Ох, уж стыдно;

А для тебя изволь.

(Целует мужа.)

Дементий Редриков

А ты, Никола,

Целуешь ли жену когда?

Николай Редриков

Бывает,

Что изредка, для вида, поцелую.

Дементий Редриков

Не постыдись отца, целуй.

Николай Редриков

Из воли

Не выходить отцовской. Что же делать!

Уж как ни горько, надо целовать!

Дементий Редриков

Веселые вы детки. Утешайтесь!

Пошли Господь вам горя не видать!

Входит Сеитов.

Сеитов

Дурная весть пришла. Переяславцы,

Забыв Господень гнев, заворовали

И таборскому вору отдались.

Идут в Ростов.

Дементий Редриков

Крепить осаду надо

И расписать людей по башням.

Сеитов

Сват,

Родня ты мне, а все же погодил бы

Указывать! В Ростове воеводой

Покамест я, а ты припека сбоку.

Дементий Редриков

Не обессудь! Тебе я не указчик,
Ни по родству, ни по чему. Сказалось
От жалости, мне дороги родные
Ростовские, и сын, и дочка.

Сеитов

Знаю.
И мне они родные. Что с тобою
И толковать! Крепить осаду нечем;
Не слушают, нейдет никто. Навстречу
Ворам пойду я в поле.

Людмила

Ты давно уж
Сбираешься, а все нейдешь; дождешься,
Что нас они врасплох застанут.

Сеитов

Дочка,
Уж не тебя ль поставить воеводой!
Ты разом бы вскочила на коня
И прямо в бой.

Людмила

Мне жаль, что я не парень!
Не завелись бы воры вкруг Ростова,
Когда б не ты, а я на воеводстве
Сидела здесь.

Сеитов

Отцу митрополиту
Я сказывал, что здесь сиденье плохо,
И в Ярославль с собою звал, нейдет.
Посадские туда бегут.

Людмила

А мы-то
Чего же ждем?

Сеитов

Бегите в Ярославль!
А я сберусь, пойду не нынче-завтра
Воров громить.

Входит стрелецкий сотник.

Сотник

Поймали перелета;
Мутит народ. Его было связали
И в озеро хотели с камнем бросить,

Да не дал я. Кричит, чтоб к воеводе
Вели его; желает повиниться
И замыслы воров, переяславцев.
Открыть тебе. Он здесь.

Сеитов

Сюда ведите.

Сотник отворяет дверь; двое стрельцов вводят Скурыгина.

Ты кто таков?

Скурыгин

Подьячий из Москвы.

Сеитов

Зачем в Ростов попал?

Скурыгин

На богомолье
К Леонтию-угоднику.

Сеитов

За что же
Топить тебя, святого человека,
Народ хотел, не скажешь ли?

Скурыгин

Не знаю,
Народ такой нескладный.

Сеитов

Ты не знаешь?
Ну, жаль тебя; пришел на богомолье,
А попадешь в застенок.

Скурыгин

Ой! Что нужно,
Я так скажу.

Сеитов

Далеко ль переславцы?

Скурыгин

Сбираются. Гляди, на той неделе
Пожалуют к Ростову. Берегитесь,
Не мало их, и с ними воры, Дон
Иванович Крузатов.

Сеитов

Вот спасибо!
А все-таки в застенок отведите.

Скурыгин

Постой, не всё! Я полагаю так,
Что неравно они и раньше придут.
Вы ждите их! Оплошно вы живете.
Крепить острог скорее.

Сеитов

Эй! В застенок!
Пытать его, да крепче.

Скурыгин

Ой! Всю правду
Скажу сейчас! Сегодня дожидайтесь!
Круг озера идут, лесами.

Вбегает боярский сын, за ним нянька и несколько прислуги.

Боярский сын

Воры
Со всех сторон!

Сеитов

И близко?

Боярский сын

Близко.

Сеитов
(боярскому сыну)

На конь.

Садитесь все! Сбирай детей боярских!

(Сотнику.)

Стрельцов скорей расставить по острогу!

С посаду всех, от мала до велика,

Сбивайте в город; пусть с дубьем иль с вилой

По городу становятся порядком,

Кто с чем попало. Ну, прощайте, дети!

(Обнимает детей.)
Николай Редриков

И я с тобой!

Сеитов
(сотнику)

Подьячего повесить!

Стрельцы уводят Скурыгина.

Посад зажечь! Кольчугу мне! Коня!

(Уходит.)

Николай Редриков

(обнимая Людмилу)

Прощай, жена!

Людмила

Прощай!

Николай Редриков

Не лей напрасно
Горючих слез, меня ты не удержишь.

Людмила

Я не держу тебя.

Николай Редриков

Теперь я воин,
Я лютый зверь. Гнездо мое родное!
Гнездо мое! Жена моя! Отец!
Иду за вас! Иду! В огонь пойду,
Доколе силы хватит буду биться.
На тысячу смертей пойду без страха!
Мне умереть легко: я умираю
За родину, за милую жену!

Людмила

Мой милый друг, ты жизни не жалей
И за жену не бойся! Я живая
Врагам моим не дамся в руки! Помни!
Иди скорей!

Николай Редриков

Прощай же!

(Отцу.)

Сколько силы
В твоей руке осталось, защищай
Жену мою и дочь свою; не сможешь, —
Убей ее!

(Убегает.)

Нянька

Боярыня, куда бы
Укрыться нам?

Людмила

Куда укрыться? Ножик
Подай сюда, другой себе возьми.

Нянька

Не можем мы оборониться.

Людмила

Сможем
Себя убить — вот бабья оборона,
Надежная и верная.

Нянька

И вправду.

(Уходит.)

Людмила

Какой-то шум! Не слышишь ты?

Дементий Редриков

Не слышу.

Людмила

Разбей окно, послушаем.

Дементий Редриков
(выбивая раму)

Набаты,
Стрельба кругом и крик, народ толпится,
Сюда бегут.

Людмила

Свои или чужие?

Дементий Редриков

Не разберу. Никак, чужие! Воры!

Ну, дочушка, они и есть!

Людмила

(ломая руки)

Где ж наши?

Где муж, отец?

Дементий Редриков

Не знаю, воля Божья.

Бог милостив! Не плачь! За дело взяться!

(Снимает бердыш со стены.)

Мне, старому, остался старый бердыш,

Заржавленный, изрубленный, как я.

Пришел к рукам.

(К бердышу.)

Давай сослужим службу

Последнюю.

Людмила

Вперед меня убей.

Дементий Редриков

Постой-ка ты! Тебя убить поспею,
Ты дай царю немного послужить,
Воров его убавить.
Слышны шаги.
Ну-ка, первый!
Благослови Господь!

(Замахивается.)
Вбегает Максим Редриков и несколько времени отражает удары.

Максим Редриков

Отец!

Дементий Редриков

Максим!

Максим Редриков

Зачем ты здесь?

Дементий Редриков

Ростов святое место,
Не Тушино.

Максим Редриков

Не вовремя приехал
Молиться ты; с ростовским воеводой
Я счет веду за старую обиду
И головы его ищу.

Дементий Редриков

Обижен
Не ты один, я тоже; только скоро
Простил ему; мы сваты с ним. Коль хочешь
Ты зло сорвать свое, убей уж вместе:
Его, меня и братнину жену.

Максим Редриков

Ах, батюшка, зачем ты породнился
С врагом моим!

Дементий Редриков

Мы все твои враги!
Ты тушинец, мы слуги государя
Василия Иваныча; ты вору,
А мы царю-помазаннику служим.
Скажи ты мне: неволей иль охотой
Ты к тушинцам пристал?

Максим Редриков

Своей охотой.

Дементий Редриков

Да будет же…

Максим Редриков

Постой! Не проклинай!
Я пригожусь! Ничем не виноваты
Ни ты, ни дочь Сеитова, ни брат,
Я вас спасу.

Нянька
(выбегает из опочивальни)

Горим, горим! Спасайтесь!
Боярыня, твою опочивальню
И девичью зажгли со всех углов.

Людмила уходит в опочивальню, нянька — к выходу.

Максим Редриков

Приставлю к вам десяток молодцов
Оберегать тебя с сестрой! Скорее!
Пожар в дому.

Дементий Редриков

(оглядываясь)

А где ж она?

Максим Редриков

Я после

Найду ее и приведу.

Дементий Редриков
(громко)

Людмила!

Максим Редриков

Скорей иди, а то сгоришь.

Дементий Редриков
(громко)

Людмила!

Максим Редриков насильно уводит его. Людмила выбегает из опочивальни, преследуемая Уразом.

Ураз

Ты, девка, мой!

Людмила

Не тронь меня!

Ураз

Послушай,
Не бойсь мене, я добрый!

Входит Беспута с награбленной парчой.

Беспута

(бросая парчу)

Стой, татарин!
Она моя! Твоей ли образине
Красавица такая!

(Отнимает Людмилу.)

Ураз

Девка мой!

Беспута

Уйди добром!

Ураз

(бросается на него с саблею)

Башка долой!

Беспута

Далеко
До головы моей тебе, татарин!
Твоя скорей слетит!

Дерутся. Ураз падает.

Лежи, собака!
Сгореть тебе в хоромах воеводских!
Не сжалюсь я, ты лучше не проси,
Не вытащу.

Людмила

Спасите, Бога ради!
В огонь! В огонь меня!

Беспута

Я не расстанусь
С тобой теперь! Уж только разве руки
Мне по локоть отрубят. Ты утешься,
Красавицу такую не обижу.
Я в бархаты, в парчу тебя одену;
Награблено в монастырях довольно.

Вбегает Максим Редриков, за ним Дементий Редриков.

Максим Редриков

Остановись! Она сестра моя!

Беспута

Ну, вот беда! С тобою породниться

За честь сочту!

Максим Редриков

Не спорь со мной, Беспута!
В последний раз прошу: оставь ее!
Сказал — оставь, я не шучу с тобой.
Оставишь ты? А то возьму насильно!

Беспута

Пугай других, а мне тебя не страшно!
Асан убит, с тобою будет то же.

Николай Редриков с ножом показывается в окне.

Максим Редриков

Я породню тебя с моею саблей,
Разбойника!

(Убивает Беспуту.)

Беспута

Будь проклят!

Максим Редриков

Издыхай же!
Она моя!

Николай Редриков

(ударяя его ножом)

И не твоя, а Божья!

Максим Редриков падает.

Дементий Редриков

Кого убил ты, погляди! Максима!
Родной тебе!

Николай Редриков

Туда ему дорога,
Изменнику!

Дементий Редриков

От Божьего суда
Ты не ушел, Максим! Отцову руку
Отвел Господь; рукой родного брата
Отмстил тебе за крестопреступленье.

Людмила

Отец? Отец?

Николай Редриков

В плену с митрополитом.

Людмила

Спасенья нет?

Николай Редриков

Все улицы ворами
Наполнились. Куда бежать с тобой?
Разлучат нас, разлука хуже смерти.

Людмила
(подходит к Дементию Редрикову)

Благослови, отец, на жизнь иную,
На вечное житье твоих детей!

(Показывает на огонь.)

Спасенье там! Туда я с милым мужем
Без трепета пойду.

(Подходит к горящим покоям.)
Дементий Редриков

И я за вами.
Зачем мне жить? Что видеть? Святотатство,
Грабеж церквей! Мученье беззащитных!
Девиц и жен позор! И поруганье
Святынею и иноческим чином!
Детей, убийц своих отцов седых!
Все лютости ужасной той годины,

Предсказанной пророками издревле,

Когда идет с ножом на брата брат!

Николай Редриков и Людмила становятся на колени.

Да будет вам мое благословенье!

На всякого мудреца довольно простоты*

Комедия в пяти действиях

Действие первое

ЛИЦА:

Егор Дмитрич Глумов, молодой человек.

Глафира Климовна Глумова, его мать.

Нил Федосеич Мамаев, богатый барин, дальний родственник Глумова.

Егор Васильич Курчаев, гусар.

Голутвин, человек, не имеющий занятий.

Манефа, женщина, занимающаяся гаданьем и предсказаньем.

Человек Мамаева.

Чистая, хорошо меблированная комната, письменный стол, зеркало; одна дверь во внутренние комнаты, на правой стороне другая — входная.

Явление первое

Глумов и Глафира Климовна за сценой.

Глумов (*за сценой*). Вот еще! Очень нужно! Идти напролом, да и кончено дело. (*Выходя из боковой двери.*) Делайте, что вам говорят, и не рассуждайте!

Глумова (*выходя из боковой двери*). Зачем ты

заставляешь меня писать эти письма! Право, мне тяжело.

Глумов. Пишите, пишите!

Глумова. Да что толку? Ведь за тебя не отдадут. У Турусиной тысяч двести приданого, родство, знакомство, она княжеская невеста или генеральская. И за Курчаева не отдадут; за что я взвожу на него, на бедного, разные клеветы и небывальщины!

Глумов. Кого вам больше жаль: меня или гусара Курчаева? На что ему деньги? Он все равно их в карты проиграет. А еще хнычете: я тебя носила под сердцем.

Глумова. Да если бы польза была!

Глумов. Уж это мое дело.

Глумова. Имеешь ли ты хоть какую-нибудь надежду?

Глумов. Имею. Маменька, вы знаете меня: я умен, зол и завистлив, весь в вас. Что я делал до сих пор? Я только злился и писал эпиграммы на всю Москву, а сам баклуши бил. Нет, довольно. Над глупыми людьми не надо смеяться, надо уметь пользоваться их слабостями. Конечно, здесь карьеры не составишь — карьеру составляют и дело делают в Петербурге, а здесь только говорят. Но и здесь можно добиться теплого ме-

ста и богатой невесты — с меня и довольно. Чем в люди выходят? Не все делами, чаще разговором. Мы в Москве любим поговорить. И чтоб в этой обширной говорильне я не имел успеха! Не может быть! Я сумею подделаться и к тузам и найду себе покровительство, вот вы увидите. Глупо их раздражать — им надо льстить грубо, беспардонно. Вот и весь секрет успеха. Я начну с неважных лиц, с кружка Турусиной, выжму из него все, что нужно, а потом заберусь и повыше. Подите, пишите! Мы еще с вами потолкуем.

Глумова. Помоги тебе Бог! (*Уходит.*)

Глумов (*садится к столу*). Эпиграммы в сторону! Этот род поэзии, кроме вреда, ничего не приносит автору. Примемся за панегирики. (*Вынимает из кармана тетрадь.*) Всю желчь, которая будет накипать в душе, я буду сбывать в этот дневник, а на устах останется только мед. Один, в ночной тиши, я буду вести летопись людской пошлости. Эта рукопись не предназначается для публики, я один буду и автором и читателем. Разве со временем, когда укреплюсь на прочном фундаменте, сделаю из нее извлечение.

Входят Курчаев и Голутвин; Глумов встает и прячет тетрадь в карман.

Явление второе

Глумов, Курчаев и Голутвин.

Курчаев. Bonjour!

Глумов. Очень рад; чему обязан?

Курчаев (*садясь к столу на место Глумова*). Мы за делом. (*Указывает на Голутвина.*) Вот, рекомендую.

Глумов. Да я его знаю давно. Что вы его рекомендуете?

Голутвин. Тон мне ваш что-то не нравится. Да-с.

Глумов. Это как вам угодно. Вы, верно, господа, порядочно позавтракали?

Курчаев. Малым делом. (*Берет карандаш и бумагу и чертит что-то.*)

Глумов. То-то, оно и видно. У меня, господа, времени свободного немного. В чем дело? (*Садится, Голутвин тоже.*)

Курчаев. Нет ли у вас стихов?

Глумов. Каких стихов? Вы, верно, не туда зашли.

Голутвин. Нет, туда.

Глумов (*Курчаеву*). Не марайте, пожалуйста, бумагу!

Курчаев. Нам эпиграмм нужно. Я знаю, что у

вас есть.

Глумов. Никаких нет.

Курчаев. Ну, полно вам! Все знают. У вас на весь город написаны. Вон он хочет сотрудником быть в юмористических газетах.

Глумов (*Голутвину*). Вот как! Вы писали прежде?

Голутвин. Писал.

Глумов. Что?

Голутвин. Все: романы, повести, драмы, комедии.

Глумов. Ну, и что же?

Голутвин. Ну, и не печатают нигде, ни за что; сколько ни просил, и даром не хотят. Хочу за скандальчики приняться.

Глумов. Опять не напечатают.

Голутвин. Попытаюсь.

Глумов. Да ведь опасно.

Голутвин. Опасно? А что, прибьют?

Глумов. Пожалуй.

Голутвин. Да говорят, что в других местах бьют, а у нас что-то не слыхать.

Глумов. Так пишите!

Голутвин. С кого мне писать-то, я никого не знаю.

Курчаев. У вас, говорят, дневник какой-то есть,

где вы всех по косточке разобрали.

Голутвин. Ну, вот и давайте, давайте его сюда!

Глумов. Ну да, как же не дать!

Голутвин. А уж мы бы их распечатали.

Глумов. И дневника никакого у меня нет.

Курчаев. Разговаривайте! Видели его у вас.

Голутвин. Ишь как прикидывается; а тоже ведь наш брат, Исакий.

Глумов. Не брат я вам, и не Исакий.

Голутвин. А какие бы мы деньги за него взяли…

Курчаев. Да, в самом деле, ему деньги нужны. «Будет, говорит, на чужой счет пить; трудиться хочу». Это он называет трудиться. Скажите пожалуйста!

Глумов. Слышу, слышу.

Голутвин. Материалов нет.

Курчаев. Вон, видите, у него материалов нет. Дайте ему материал, пусть его трудится.

Глумов (*вставая*). Да не марайте же бумагу!

Курчаев. Ну, вот еще, что за важность!

Глумов. Каких-то петухов тут рисуете.

Курчаев. Ошибаетесь. Это не петух, а мой уважаемый дядюшка, Нил Федосеич Мамаев. Вот (*дорисовывает*), и похоже, и хохол похож.

Голутвин. А интересная он личность? Для меня,

например?

Курчаев. Очень интересная. Во-первых, он считает себя всех умнее и всех учит. Его хлебом не корми, только приди совета попроси.

Голутвин. Ну вот, подпишите под петухом-то: новейший самоучитель!

Курчаев подписывает.

Да и пошлем напечатать.

Курчаев. Нет, не надо, все-таки дядя. (*Отталкивает бумагу, Глумов берет и прячет в карман.*)

Голутвин. А еще какие художества за ним водятся?

Курчаев. Много. Третий год квартиру ищет. Ему и не нужна квартира, он просто ездит разговаривать, все как будто дело делает. Выедет с утра, квартир десять осмотрит, поговорит с хозяевами, с дворниками; потом поедет по лавкам пробовать икру, балык; там рассядется, в рассуждения пустится. Купцы не знают, как выжить его из лавки, а он доволен, все-таки утро у него не пропало даром. (*Глумову.*) Да, вот еще, я и забыл сказать. Тетка в вас влюблена, как кошка.

Глумов. Каким же это образом?

Курчаев. В театре видела, все глаза проглядела, шею было свернула. Все у меня спрашивала: кто такой? Вы этим не шутите!

Глумов. Я не шучу, вы всем шутите.

Курчаев. Ну, как хотите. Я бы на вашем месте… Так вы стихов дадите?

Глумов. Нет.

Голутвин. Что с ним разговаривать! Поедем обедать!

Курчаев. Поедем! Прощайте! (*Кланяется и уходит.*)

Глумов (*останавливая Курчаева*). Зачем вы с собой его возите?

Курчаев. Умных людей люблю.

Глумов. Нашли умного человека.

Курчаев. По нас и эти хороши. Настоящие-то умные люди с какой стати станут знакомиться с нами? (*Уходит.*)

Глумов (*вслед ему*). Ну, смотрите! Маменька!

Входит Глумова.

Явление третье

Глумов и Глумова.

Глумов (*показывает портрет Мамаева*). Поглядите! Вот с кем нужно мне сойтись прежде всего.

Глумова. Кто это?

Глумов. Наш дальний родственник, мой дядюшка, Нил Федосеич Мамаев.

Глумова. А кто рисовал?

Глумов. Все тот же гусар, племянничек его, Курчаев. Эту картинку надо убрать на всякий случай. (*Прячет ее.*) Вся беда в том, что Мамаев не любит родственников. У него человек тридцать племянников; из них он выбирает одного и в пользу его завещание пишет, а другие уж и не показывайся. Надоест любимец, он его прогонит и возьмет другого, и сейчас же завещание перепишет. Вот теперь у него в милости этот Курчаев.

Глумова. Вот кабы тебе…

Глумов. Трудно, но попробую. Он даже не подозревает о моем существовании.

Глумова. А хорошо бы сойтись. Во-первых, наследство, потом отличный дом, большое знакомство, связи.

Глумов. Да! Вот еще обстоятельство: я понравился тетке, Клеопатре Львовне, она меня где-то видела. Вы это на всякий случай запомните! Сблизиться с Мамаевым для меня первое дело — это первый шаг на моем поприще. Дядя познакомит меня с Крутицким, с Городучиным; во-первых, это люди с влиянием; во-вторых, близкие знакомые Турусиной. Мне бы только войти к ней а дом, а уж я женюсь непременно.

Глумова. Так, сынок, но первый-то шаг самый трудный.

Глумов. Успокойтесь, он сделан. Мамаев будет здесь.

Глумова. Как же это случилось?

Глумов. Тут ничего не случилось, все это было рассчитано вперед. Мамаев любит смотреть квартиры, вот на эту удочку мы его и поймали.

Входит человек Мамаева.

Человек. Я привез Нила Федосеича.

Глумов. И прекрасно. Получай! (*Дает ему ассигнацию.*) Веди его сюда.

Человек. Да, пожалуй, они рассердятся: я сказал, что квартира хорошая.

Глумов. Я беру ответственность на себя. Ступайте, маменька, к себе; когда нужно будет, я вас кликну.

Человек Мамаева уходит. Глумов садится к столу и делает вид, что занимается работой. Входит Мамаев, за ним человек его.

Явление четвертое

Глумов, Мамаев и человек Мамаева.

Мамаев (*не снимая шляпы, оглядывает комнату*). Это квартира холостая.

Глумов (*кланяется и продолжает работать*). Холостая.

Мамаев (*не слушая*). Она недурна, но холостая.

(*Человеку.*) Куда ты, братец, меня завел?

Глумов (*подвигает стул и опять принимается писать*). Не угодно ли присесть?

Мамаев (*садится*). Благодарю. Куда ты меня завел? я тебя спрашиваю!

Человек. Виноват-с!

Мамаев. Разве ты, братец, не знаешь, какая нужна мне квартира? Ты должен сообразить, что я статский советник, что жена моя, а твоя барыня, любит жить открыто. Нужна гостиная, да не одна. Где гостиная? я тебя спрашиваю.

Человек. Виноват-с!

Мамаев. Где гостиная? (*Глумову.*) Вы меня извините!

Глумов. Ничего-с, вы мне не мешаете.

Мамаев (*человеку*). Ты видишь, вон сидит человек, пишет! Может быть, мы ему мешаем; он, конечно, не скажет по деликатности; а все ты, дурак, виноват.

Глумов. Не браните его, не он виноват, а я. Когда он тут на лестнице спрашивал квартиру, я ему указал на эту и сказал, что очень хороша; я не знал, что вы семейный человек.

Мамаев. Вы хозяин этой квартиры?

Глумов. Я.

Мамаев. Зачем же вы ее сдаете?

Глумов. Не по средствам.

Мамаев. А зачем же нанимали, коли не по средствам? Кто вас неволил? Что вас, за ворот, что ли, тянули, в шею толкали? Нанимай, нанимай! А вот теперь, чай, в должишках запутались? На цугундер тянут? Да уж конечно, конечно. Из большой-то квартиры да придется в одной комнате жить; приятно это будет?

Глумов. Нет, я хочу еще больше нанять.

Мамаев. Как так больше? На этой жить средств нет, а нанимаете больше! Какой же у вас резон?

Глумов. Никакого резона. По глупости.

Мамаев. По глупости? Что за вздор!

Глумов. Какой же вздор! Я глуп.

Мамаев. Глуп! это странно. Как же так, глуп?

Глумов. Очень просто, ума недостаточно. Что ж тут удивительного! Разве этого не бывает? Очень часто.

Мамаев. Нет, однако это интересно! Сам про себя человек говорит, что глуп.

Глумов. Что ж мне, дожидаться, когда другие скажут? Разве это не все равно? Ведь уж не скроешь.

Мамаев. Да, конечно, этот недостаток скрыть довольно трудно.

Глумов. Я и не скрываю.

Мамаев. Жалею.

Глумов. Покорно благодарю.

Мамаев. Учить вас, должно быть, некому?

Глумов. Да, некому.

Мамаев. А ведь есть учителя, умные есть учителя, да плохо их слушают — нынче время такое. Ну, уж от старых и требовать нечего: всякий думает, что коли стар, так и умен. А если мальчишки не слушаются, так чего от них ждать потом? Вот я вам расскажу случай. Гимназист недавно бежит чуть не бегом из гимназии; я его, понятное дело, остановил и хотел ему, знаете, в шутку поучение прочесть: в гимназию-то, мол, тихо идешь, а из гимназии домой бегом, а надо, милый, наоборот. Другой бы еще благодарил, что для него, щенка, солидная особа среди улицы останавливается, да еще ручку бы поцеловал; а он что ж?

Глумов. Преподавание нынче, знаете…

Мамаев. «Нам, говорит, в гимназии наставления-то надоели. Коли вы, говорит, любите учить, так наймитесь к нам в надзиратели. А теперь, говорит, я есть хочу, пустите!» Это мальчишка-то, мне-то!

Глумов. На опасной дороге мальчик. Жаль!

Мамаев. А куда ведут опасные-то дороги, знаете?

Глумов. Знаю.

Мамаев. Отчего нынче прислуга нехорошая? Оттого, что свободна от обязанности выслушивать поучения. Прежде, бывало, я у своих подданных во всякую малость входил. Всех поучал, от мала до велика. Часа по два каждому наставления читал; бывало, в самые высшие сферы мышления заберешься, а он стоит перед тобой, постепенно до чувства доходит, одними вздохами, бывало, он у меня истомится. И ему на пользу, и мне благородное занятие. А нынче, после всего этого… Вы понимаете, после чего?

Глумов. Понимаю.

Мамаев. Нынче поди-ка с прислугой попробуй! Раза два ему метафизику-то прочтешь, он и идет за расчетом. Что, говорит, за наказание! Да, что, говорит, за наказание!

Глумов. Безнравственность!

Мамаев. Я ведь не строгий человек, я все больше словами. У купцов вот обыкновение глупое: как наставление, сейчас за волосы, и при всяком слове и качает, и качает. Этак, говорит, крепче, понятнее. Ну, что хорошего! А я все словами, и то нынче не нравится.

Глумов. Да-с, после всего этого, я думаю, вам неприятно.

Мамаев (*строго*). Не говорите, пожалуйста об этом, я вас прошу. Как меня тогда кольнуло насквозь вот в это место (*показывает на грудь*), так до сих пор словно кол какой-то…

Глумов. В это место?

Мамаев. Повыше.

Глумов. Вот здесь-с?

Мамаев (*с сердцем*). Повыше, я вам говорю.

Глумов. Извините, пожалуйста! Вы не сердитесь! Уж я вам сказал, что я глуп.

Мамаев. Да-с, так вы глупы… Это нехорошо. То есть тут ничего недурного, если у вас есть пожилые, опытные родственники или знакомые.

Глумов. То-то и беда, что никого нет. Есть мать, да она еще глупее меня.

Мамаев. Ваше положение действительно дурно. Мне вас жаль, молодой человек.

Глумов. Есть, говорят, еще дядя, да все равно, что его нет.

Мамаев. Отчего же?

Глумов. Он меня не знает, а я с ним и видеться не желаю.

Мамаев. Вот уж я за это и не похвалю, молодой человек, и не похвалю.

Глумов. Да помилуйте! Будь он бедный человек, я бы ему, кажется, руки целовал, а он человек

богатый; придешь к нему за советом, а он подумает, что за деньгами. Ведь как ему растолкуешь, что мне от него ни гроша не надобно, что я только совета жажду, жажду — алчу наставления, как манны небесной. Он, говорят, человек замечательного ума, я готов бы целые дни и ночи его слушать.

Мамаев. Вы совсем не так глупы, как говорите.

Глумов. Временем это на меня просветление находит, вдруг как будто прояснится, а потом и опять. Большею частию я совсем не понимаю, что делаю. Вот тут-то мне совет и нужен.

Мамаев. А кто ваш дядя?

Глумов. Чуть ли я и фамилию-то не забыл. Мамаев, кажется, Нил Федосеич.

Мамаев. А вы-то кто?

Глумов. Глумов.

Мамаев. Дмитрия Глумова сын?

Глумов. Так точно-с.

Мамаев. Ну, так этот Мамаев-то — это я.

Глумов. Ах, боже мой! Как же это! Нет, да как же! Позвольте вашу руку! (*Почти со слезами.*) Впрочем, дядюшка, я слышал, вы не любите родственников; вы не беспокойтесь, мы можем быть так же далеки, как и прежде. Я не посмею явиться к вам без вашего приказания; с меня довольно и

того, что я вас видел и насладился беседой умного человека.

Мамаев. Нет, ты заходи, когда тебе нужно о чем-нибудь посоветоваться.

Глумов. Когда нужно! Мне постоянно нужно, каждую минуту. Я чувствую, что погибну без руководителя.

Мамаев. Вот заходи сегодня вечером.

Глумов. Покорно вас благодарю. Позвольте уж мне представить вам мою старуху, она недальняя, но добрая, очень добрая женщина.

Мамаев. Что ж, пожалуй.

Глумов (*громко*). Маменька!

Выходит Глумова.

Явление пятое

Те же и Глумова.

Глумов. Маменька! Вот! (*Указывая на Мамаева.*) Только не плакать! Счастливый случай привел к нам дядюшку, Нила Федосеича, которого вы так порывались видеть.

Глумова. Да, батюшка братец, давно желала. А вы вот родных и знать-то не хотите.

Глумов. Довольно, маменька, довольно! Дядюшка имеет на то свои причины.

Мамаев. Родня родне рознь.

Глумова. Позвольте, батюшка братец, поглядеть на вас! Жорж! а ведь не похож?

Глумов (*дергает ее за платье*). Полноте, маменька, перестаньте!

Глумова. Да что перестаньте! Не похож, совсем не похож.

Мамаев (*строго*). Что вы шепчете? На кого я там не похож? Я сам на себя похож.

Глумов (*матери*). Очень нужно толковать пустяки.

Мамаев. Уж коли начали, так говорите.

Глумова. Я говорю, что портрет на вас не похож.

Мамаев. Какой портрет? Откуда у вас портрет?

Глумова. Вот видите, у нас бывает иногда Егор Васильич Курчаев. Он, кажется, вам родственник тоже доводится?

Глумов. Такой отличный, веселый малый.

Мамаев. Да: ну, так что ж?

Глумова. Он все вас рисует. Покажи, Жорж!

Глумов. Да я, право, не знаю, куда я его дел.

Глумова. Поищи хорошенько! Еще он давеча рисовал, ну, помнишь. С ним был, как их называют? Вот что критики стихами пишут. Курчаев говорит: я тебе дядю буду рисовать, а ты подписи подписывай. Я ведь слышала, что они говорили.

Мамаев. Покажи мне портрет! Покажи сейчас!

Глумов (*подавая портрет*). Никогда, маменька, не нужно говорить таких вещей, которые другому могут вред сделать.

Мамаев. Да вот, учи мать-то лицемерию. Не слушай, сестра, живи по простоте! По простоте лучше. (*Рассматривает портрет.*) Ай да молодец племянничек!

Глумов. Бросьте, дядюшка! И непохоже совсем, и подпись к вам не подходит: «Новейший самоучитель».

Мамаев. Похоже-то оно похоже, и подпись подходит; ну, да это уж до тебя не касается, это мое дело. (*Отдает портрет и встает.*) Ты на меня карикатур рисовать не будешь?

Глумов. Помилуйте! за кого вы меня принимаете! Что за занятие!

Мамаев. Так ты вот что, ты непременно приходи ужо вечером. И вы пожалуйте!

Глумова. Ну, я-то уж… я ведь, пожалуй, надоем своими глупостями.

Мамаев уходит, Глумов его провожает.

Кажется, дело-то улаживается. А много еще труда Жоржу будет. Ах, как это трудно и хлопотно в люди выходить!

Глумов возвращается.

Явление шестое

Глумова, Глумов и потом Манефа.

Глумов. Маменька, Манефа идет. Будьте к ней внимательнее, слышите! Да не только внимательнее — подобострастнее, как только можете.

Глумова. Ну, уж унижаться-то перед бабой.

Глумов. Вы барствовать-то любите; а где средства? Кабы не моя оборотливость, так вы бы чуть не по миру ходили. Так помогайте же мне, помогайте же мне, я вам говорю. (*Заслышав шаги, бежит в переднюю и возвращается вместе с Манефой.*)

Манефа (*Глумову*). Убегай от суеты, убегай!

Глумов (*с постным видом и со вздохами*). Убегаю, убегаю!

Манефа. Не будь корыстолюбив!

Глумов. Не знаю греха сего.

Манефа (*садясь и не обращая внимания на Глумову, которая ей часто кланяется.*) Летала, летала, да к вам попала.

Глумов. Ох, чувствуем, чувствуем!

Манефа. Была в некоем благочестивом доме, дали десять рублей на милостыню. Моими руками творят милостыню. Святыми-то руками доходчивее, нечем грешными.

Глумов (*вынимая деньги*). Примите пятнадцать рублей от раба Егорья.

Манефа. Благо дающим!

Глумов. Не забывайте в молитвах!

Манефа. В оноем благочестивом доме пила чай и кофей.

Глумова. Пожалуйте, матушка, у меня сейчас готово.

Манефа встает, они ее провожают под руки до двери.

Глумов (*возвращается и садится к столу*). Записать! (*Вынимает дневник.*) Человеку Мамаева три рубля, Манефе пятнадцать рублей. Да уж кстати весь разговор с дядей. (*Пишет.*)

Входит Курчаев.

Явление седьмое

Глумов и Курчаев.

Курчаев. Послушайте-ка! Был дядя здесь?

Глумов. Был.

Курчаев. Ничего он не говорил про меня?

Глумов. Ну вот! С какой стати! Он даже едва ли знает, где был. Он заезжал, по своему обыкновению, квартиру смотреть.

Курчаев. Это интрига, адская интрига!

Глумов. Я слушаю, продолжайте!

Курчаев. Представьте себе, дядя меня встретил на дороге и…

Глумов. И… что?

Курчаев. И не велел мне показываться ему на глаза. Представьте!

Глумов. Представляю.

Курчаев. Приезжаю к Турусиной — не принимают; высылают какую-то шлюху-приживалку сказать, что принять не могут. Слышите?

Глумов. Слышу.

Курчаев. Объясните мне, что это значит?

Глумов. По какому праву вы требуете от меня объяснения?

Курчаев. Хоть по такому, что вы человек умный и больше меня понимаете.

Глумов. Извольте! Оглянитесь на себя: какую вы жизнь ведете.

Курчаев. Какую? Все ведут такую — ничего, а я виноват. Нельзя же за это лишать человека состояния, отнимать невесту, отказывать в уважении.

Глумов. А знакомство ваше! Например, Голутвин.

Курчаев. Ну что ж Голутвин?

Глумов. Язва! такие люди на все способны. Вот вам и объяснение! И зачем вы его давеча привели ко мне? Я на знакомства очень осторожен — я

берегу себя. И поэтому я вас прошу не посещать меня.

Курчаев. Что вы, с ума сошли!

Глумов. Дядюшка вас удалил от себя, а я желаю этому во всех отношениях достойному человеку подражать во всем.

Курчаев. А! Теперь я, кажется, начинаю понимать.

Глумов. Ну, и слава богу!

Курчаев. Послушайте-ка вы, миленький, уж это не вы ли? Если мои подозрения оправдаются, так берегитесь! Такие вещи даром не проходят. Вы у меня того… вы берегитесь!

Глумов. Буду беречься, когда будет нужно; а теперь пока серьезной опасности не вижу. Прощайте!

Курчаев. Прощайте! (*Уходит.*)

Глумов. Дядя его прогнал. Первый шаг сделан.

Действие второе

ЛИЦА:

Мамаев.

Клеопатра Львовна Мамаева, его жена.

Крутицкий, старик, очень важный господин.

Иван Иванович Городулин, молодой, важный господин.

Глумов.

Глумова.

Человек Мамаева.

Зала; одна дверь входная, две по сторонам.

Явление первое

Мамаев и Крутицкий выходят из боковой двери.

Мамаев. Да, мы куда-то идем, куда-то ведут нас; но ни мы не знаем — куда, ни те, которые ведут нас. И чем все это кончится?

Крутицкий. Я, знаете ли, смотрю на все это как на легкомысленную пробу и особенно дурного ничего не вижу. Наш век, век, по преимуществу, легкомысленный. Все молодо, неопытно, дай то

попробую, другое попробую, то переделаю, другое переменю. Переменять легко. Вот возьму да поставлю всю мебель вверх ногами, вот и перемена. Но где же, я вас спрашиваю, вековая мудрость, вековая опытность, которая поставила мебель именно на ноги? Вот стоит стол на четырех ножках, и хорошо стоит, крепко?

Мамаев. Крепко.

Крутицкий. Солидно?

Мамаев. Солидно.

Крутицкий. Дай попробую поставить его вверх ногами. Ну, и поставили.

Мамаев (*махнув рукой*). Поставили.

Крутицкий. Вот и увидят.

Мамаев. Увидят ли, увидят ли?

Крутицкий. Что вы мне говорите! Странное дело! Ну, а не увидят, так укажут, есть же люди.

Мамаев. Есть, есть! Как не быть! Я вам скажу, и очень есть, да не слушают, не слушают. Вот в чем вся беда: умных людей, нас не слушают.

Крутицкий. Мы сами виноваты: не умеем говорить, не умеем заявлять своих мнений. Кто пишет? Кто кричит? Мальчишки. А мы молчим да жалуемся, что нас не слушают. Писать надо, писать — больше писать.

Мамаев. Легко сказать: писать! На это нужен

навык, нужна какая-то сноровка. Конечно, это вздор, но все-таки нужно. Вот я1 Говорить я хоть до завтра, а примись писать — и бог знает что выходит. А ведь не дурак, кажется. Да вот и вы. Ну, как вам писать!

Крутицкий. Нет, про меня вы не говорите! Я пишу, я пишу, я много пишу.

Мамаев. Да! Вы пишете? Не знал. Но ведь не от всякого же можно этого требовать.

Крутицкий. Прошло время, любезнейший Нил Федосеич, прошло время. Коли хочешь приносить пользу, умей владеть пером.

Мамаев. Не всякому дано.

Крутицкий. Да, вот кстати. Нет ли у вас на примете молодого человека, поскромнее и образованного, конечно, чтобы мог свободно излагать на бумаге разные там мысли, прожекты, ну и прочее.

Мамаев. Есть, есть именно такой.

Крутицкий. Он не болтун, не из нынешних зубоскалов?

Мамаев. Ни-ни-ни! Только прикажите, будет нем, как рыба.

Крутицкий. Вот видите ли, у меня написан очень серьезный прожект, или записка, как хотите назовите; но ведь вы сами знаете, я человек

старого образования…

Мамаев. Крепче было, крепче было.

Крутицкий. Я с вами согласен. Излагаю я стилем старым, как бы вам сказать? Ну, близким к стилю великого Ломоносова.

Мамаев. Старый стиль сильнее был. Куда! Далеко нынче.

Крутицкий. Я согласен; но все-таки, как хотите, в настоящее время писать стилем Ломоносова или Сумарокова, ведь, пожалуй, засмеют. Так вот, может ли он дать моему труду, как это говорится? Да, литературную отделку.

Мамаев. Может, может, может.

Крутицкий. Ну, я заплачу ему там, что следует.

Мамаев. Обидите, за счастье почтет.

Крутицкий. Ну вот! С какой же стати я буду одолжаться! А кто он?

Мамаев. Племянник, племянничек, да-с.

Крутицкий. Так скажите ему, чтобы зашел как-нибудь пораньше, часу в восьмом.

Мамаев. Хорошо, хорошо. Будьте покойны.

Крутицкий. Да скажите, чтобы ни-ни! Я не хочу, чтобы до поры до времени был разговор; это ослабляет впечатление

Мамаев. Господи! Да понимаю. Внушу, внушу.

Крутицкий. Прощайте!

Мамаев. Я сам с ним завтра же заеду к вам.

Крутицкий. Милости просим. (*Уходит, Мамаев его провожает.*)

Выходят Клеопатра Львовна и Глумова.

Явление второе

Мамаева и Глумова.

Мамаева. Молод, хорош собой, образован, мил! Ах!

Глумова. И при всем при этом он мог погибнуть в безвестности, Клеопатра Львовна.

Мамаева. А кто ж ему велел быть в безвестности! Уж довольно и того, что он молод и хорош собою.

Глумова. Коли нет родства хорошего или знакомства, где людей-то увидишь? где протекцию найдешь?

Мамаева. Ему не надо было убегать общества, мы бы его заметили, непременно заметили.

Глумова. Чтобы заметным-то быть, нужно ум большой; а людям обыкновенным трудно, ох как трудно!

Мамаева. Вы к сыну несправедливы, у него ума очень довольно. Да и нет особенной надобности в большом уме, довольно и того, что он хорош собою. К чему тут ум? Ему не профессором быть.

Поверьте, что красивому молодому человеку, просто из сострадания, всегда и в люди выйти помогут, и дадут средства жить хорошо. Если вы видите, что умный человек бедно одет, живет в дурной квартире, едет на плохом извозчике — это вас не поражает, не колет вам глаз, так и нужно, это идет к умному человеку, тут нет видимого противоречия. Но если вы видите молодого красавца, бедно одетого, — это больно, этого не должно быть и не будет, никогда не будет!

Глумова. Какое у вас сердце-то ангельское!

Мамаева. Да нельзя!.. Мы этого не допустим, мы, женщины. Мы поднимем на ноги мужей, знакомых, все власти; мы его устроим. Надобно, чтобы ничто не мешало нам любоваться на него. Бедность! Фи! Мы ничего не пожалеем, чтобы… Нельзя! Нельзя! Красивые молодые люди так редки…

Глумова. Кабы все так думали…

Мамаева. Все, все. Мы вообще должны сочувствовать бедным людям., это наш долг, обязанность, тут и разговаривать нечего. Но едва ли вынесет чье-нибудь сердце видеть в бедности красивого мужчину, молодого. Рукава потерты или коротки, воротнички нечисты. Ах, ах! ужасно, ужасно! Кроме того, бедность уби-

вает развязность, как-то принижает, отнимает этот победный вид, эту смелость, которые так простительны, так к лицу красивому молодому человеку.

Глумова. Все правда, все правда, Клеопатра Львовна!

Явление третье

Глумова, Мамаева, Мамаев.

Мамаев. А, здравствуйте!

Глумова. Я уж не знаю, кому на вас жаловаться, Нил Федосеич!

Мамаев. А что такое?

Глумова. Сына у меня совсем отбили. Он меня совсем любить перестал, только вами и грезит. Все про ваш ум да про ваши разговоры; только ахает да удивляется.

Мамаев. Хороший мальчик, хороший.

Глумова. Он ребенком был у нас очень удивителен.

Мамаева. Да он и теперь почти дитя.

Глумова. Тихий, такой тихий был, что удивление. Уж никогда, бывало, не забудет у отца или у матери ручку поцеловать; у всех бабушек, у всех тетушек расцелует ручки. Даже, бывало, запрещаешь ему; подумают, что нарочно научили;

так потихоньку, чтоб никто не видал, подойдет и поцелует. А то один раз, было ему пять лет, вот удивил-то он нас всех! Приходит поутру и говорят: «Какой я видел сон! Слетаются ко мне, к кроватке, ангелы и говорят: люби папашу и мамашу и во всем слушайся! А когда вырастешь большой, люби своих начальников. Я им сказал: ангелы! я буду всех слушаться...» Удивил он нас, уж так обрадовал, что и сказать нельзя. И так мне этот сон памятен, так памятен...

Мамаев. Ну, прощайте, я еду, у меня дела-то побольше вашего. Я вашим сыном доволен. Вы ему так и скажите, что я им доволен. (*Надевая шляпу.*) Да, вот было забыл. Я знаю, что вы живете небогато и жить не умеете; так зайдите ко мне как-нибудь утром, я вам дам...

Глумова. Покорно благодарим.

Мамаев. Не денег — нет; а лучше денег. Я вам дам совет относительно вашего бюджета. (*Уходит.*)

Явление четвертое

Мамаева и Глумова.

Глумова. Довольны, так и слава богу! Уж никто так не умеет быть благодарным, как мой Жорж.

Мамаева. Очень приятно слышать.

Глумова. Он не то что благодарным быть, он может обожать своих благодетелей.

Мамаева. Обожать? Уж это слишком.

Глумова. Нет, не слишком. Такой характер, душа такая. Разумеется, матери много хвалить сына не годится, да и он не любит, чтобы я про него рассказывала.

Мамаева. Ах, сделайте одолжение! я ему ничего не передам.

Глумова. Он даже ослеплен своими благодетелями, уж для него лучше их на свете нет. По уму, говорит, Нилу Федосеичу равных нет в Москве, а уж что про вашу красоту говорит, так печатать, право, печатать надо.

Мамаева. Скажите пожалуйста!

Глумова. Какие сравнения находит!

Мамаева. Неужели?

Глумова. Да он вас где-нибудь прежде видал?

Мамаева. Не знаю. Я его видела в театре.

Глумова. Нет, должно быть, видал.

Мамаева. Почему же?

Глумова. Да как же? Он так недавно вас знает, и вдруг такое…

Мамаева. Ну, ну! Что же?

Глумова. И вдруг такое родственное расположение почувствовал.

Мамаева. Ах, милый мальчик!

Глумова. Даже непонятно. Дядюшка, говорит, такой умный, такой умный, а тетушка, говорит, ангел, ангел, да…

Мамаева. Пожалуйста, пожалуйста, говорите! Я, право, очень любопытна.

Глумова. Да вы не рассердитесь за мою глупую откровенность?

Мамаева. Нет, нет.

Глумова. Ангел, говорит, ангел; да ко мне на грудь, да в слезы…

Мамаева. Да, вот что… Как же это? Странно.

Глумова (*переменив тон*). Уж очень он рад, что его, сироту, обласкали; от благодарности плачет.

Мамаева. Да, да, с сердцем мальчик, с сердцем!

Глумова. Да уж что говорить! Натура — кипяток.

Мамаева. Это в его возрасте понятно и… извинительно.

Глумова. Уж извините, извините его. Молод еще.

Мамаева. Да в чем же мне его извинить? Чем он передо мною виноват?

Глумова. Ну, знаете ли, ведь, может быть, в первый раз в жизни видит такую красавицу женщину; где ж ему было! Она к нему ласкова,

снисходительна… конечно, по-родственному… Голова-то горячая, поневоле с ума сойдешь.

Мамаева (*задумчиво*). Он очень мил, очень мил!

Глумова. Оно, конечно, его расположение родственное… А ведь как хотите… близость-то такой очаровательной женщины в молодые его года… ведь ночи не спит, придет от вас, мечется, мечется…

Мамаева. Он к вам доверчив, он от вас своих чувств не скрывает?

Глумова. Грех бы ему было. Да ведь чувства-то его детские.

Мамаева. Ну, конечно, детские… Ему еще во всем нужны руководители. Под руководством умной женщины он со временем… да, он может…

Глумова. Поруководите его! Ему это для жизни очень нужно будет. Вы такая добрая…

Мамаева (*смеется*). Да, да, добрая. Но ведь это, вы знаете, ведь это опасно; можно и самой… увлечься.

Глумова. Вы, право, такая добрая.

Мамаева. Вы, я вижу, очень его любите.

Глумова. Один, как не любить!

Мамаева (*томно*). Так давайте его любить вместе.

Глумова. Вы меня заставите завидовать сыну. Да, именно он себе счастье нашел в вашем семействе. Однако мне и домой пора. Не сердитесь на меня за мою болтовню… А беда, если сын узнает, уж вы меня не выдайте. Иногда и стыдно ему, что у меня ума-то мало, иногда бы и надо ему сказать: какие вы, маменька, глупости делаете, а ведь не скажет. Он этого слова избегает из почтения к родительнице. А уж я бы ему простила, только бы вперед от глупостей остерегал. Прощайте, Клеопатра Львовна!

Мамаева (*обнимает ее*). Прощайте, душа моя, Глафира Климовна! На днях я к вам, мы с вами еще потолкуем о Жорже. (*Провожает ее до двери.*)

Явление пятое

Мамаева, потом Глумов.

Мамаева. Какая болтушка! Ну, если б услыхал ее сын, не сказал бы ей спасибо. Он так горд, подходит ко мне с такой холодною почтительностью, а дома вон что делает. Значит, я могу еще внушить молодому человеку истинную страсть. Так и должно быть. В последнее время, конечно, очень был чувствителен недостаток в обожателях; но ведь это оттого, что окружающие меня

люди отжили и износились. Ну, вот, наконец-то. А, мой милый! Теперь я буду смотреть за тобой. Как он ни робок, но истинная страсть должна же прорываться. Это очень интересно наблюдать, когда вперед знаешь, что человек влюблен в тебя.

Входит Глумов, кланяется и останавливается в почтительной позе.

Подите, подите сюда.

Глумов робко подходит.

Что же вы стоите? Разве племянники ведут себя так?

Глумов (*целует ей руку*). Здравствуйте, Клеопатра Львовна, с добрым утром.

Мамаева. Браво! Как это вы осмелились наконец, я удивляюсь!

Глумов. Я очень робок.

Мамаева. Будьте развязнее! Чего вы боитесь? Я такой же человек, как и все. Будьте доверчивее, откровенней со мной, поверяйте мне свои сердечные тайны! Не забывайте. что я ваша тетка.

Глумов. Я был бы откровеннее с вами, если бы…

Мамаева. Если б что?

Глумов. Если б вы были старуха.

Мамаева. Что за вздор такой! Я совсем не хочу быть старухой.

Глумов. И я тоже не желаю. Дай вам бог цвести как можно долее. Я говорю только, что мне тогда было бы не так робко, мне было бы свободнее.

Мамаева. Отчего же? Садитесь сейчас ко мне ближе и рассказывайте все откровенно, отчего вам было бы свободнее, если б я была старухой.

Глумов (*берет стул и садится подле нее*). У молодой женщины есть свои дела, свои интересы; когда же ей заботиться о бедных родственниках! А у старухи только и дела.

Мамаева. Отчего ж молодая не может заботиться о родных?

Глумов. Может, но ее совестно просить об этом; совестно надоедать. У ней на уме веселье, забавы, развлечения, а тут скучное лицо племянника, просьбы, вечное нытье. А для старухи это было бы даже удовольствием; она бы ездила по Москве, хлопотала. Это было. бы для нее, и занятие от скуки, и доброе дело, которым она после могла бы похвастаться.

Мамаева. Ну, если б я была старуха, о чем бы вы меня попросили?

Глумов. Да. если б вы были; а ведь вы не старуха, а напротив, очень молодая женщина. Вы меня ловите.

Мамаева. Все равно, все равно, говорите!

Глумов. Нет, не все равно. Вот, например, я знаю, что вам стоит сказать только одно слово Ивану Иванычу, и у меня будет очень хорошее место.

Мамаева. Да, я думаю, что довольно будет одного моего слова.

Глумов. Но я все-таки не буду беспокоить вас этой просьбой.

Мамаева. Почему же?

Глумов. Потому, что это было бы насилие. Он так вами очарован.

Мамаева. Вы думаете?

Глумов. Я знаю наверное.

Мамаева. Какой вы всеведущий. Ну, а я?

Глумов. Уж это ваше дело.

Мамаева (*про себя*). Он не ревнив, это странно.

Глумов. Он не смеет отказать вам ни в чем. Потом, ему ваша просьба будет очень приятна; заставить вас просить — все равно что дать ему взятку.

Мамаева. Все это вздор, фантазии! Так вы не желаете, чтоб я за вас просила?

Глумов. Решительно не желаю. Кроме того, мне не хочется, быть у вас в долгу. Чем же я могу заплатить вам?

Мамаева. А старухе чем вы заплатите?

Глумов. Постоянным угождением: я бы ей носил собачку, подвигал под ноги скамейку, целовал постоянно руки, поздравлял со всеми праздниками и со всем, с чем только можно поздравить. Все это только для старухи имеет цену.

Мамаева. Да, конечно.

Глумов. Потом, если старуха действительно добрая, я мог бы привязаться к ней, полюбить ее.

Мамаева. А молодую разве нельзя полюбить?

Глумов. Можно, но не должно сметь.

Мамаева (*про себя*). Наконец-то!

Глумов. И к чему же бы это повело? Только лишние страдания.

Входит человек.

Человек. Иван Иваныч Городулин-с.

Глумов. Я пойду к дядюшке в кабинет, у меня есть работа-с. (*Кланяется очень почтительно.*)

Мамаева (*человеку*). Проси!

Человек уходит, входит Городулин.

Явление шестое

Мамаева и Городулин.

Городулин. Имею честь представиться.

Мамаева (*упреком*). Хорош, хорош! Садитесь! Каким ветром, какой бурей занесло вас ко мне?

Городулин (*садится*). Ветром, который у меня

в голове, и бурей страсти, которая бушует в моем сердце.

Мамаева. Благодарю. Очень мило с вашей стороны, что вы не забыли меня, заброшенную, покинутую.

Городулин. Где он? Где тот несчастный, который вас покинул? Укажите мне его! Я нынче в особенно воинственном расположении духа.

Мамаева. Вы первый, вас-то и надобно убить, или что-нибудь другое.

Городулин. Уж лучше что-нибудь другое.

Мамаева. Я уж придумала вам наказание.

Городулин. Позвольте узнать. Объявите решение, без того не казнят. Если вы решили задушить меня в своих объятиях, я апеллировать не буду.

Мамаева. Нет, я хочу явиться к вам проситель.

Городулин. То есть поменяться со мной ролями?

Мамаева. Разве вы проситель? вы сами там где-то чуть ли не судья.

Городулин. Так, так-с. Но перед дамами я всегда…

Мамаева. Полно вам болтать-то. У меня серьезное дело.

Городулин. Слушаю-с.

Мамаева. Моему племяннику нужно…

Городулин. Что же нужно вашему племяннику? Курточку, панталончики?

Мамаева. Вы мне надоели. Слушайте и не перебивайте! Мой племянник совсем не ребенок, он очень милый молодой человек, очень хорош собой, умен, образован.

Городулин. Тем лучше для него и хуже для меня.

Мамаева. Ему нужно место.

Городулин. Какое прикажете?

Мамаева. Разумеется, хорошее! У него отличные способности.

Городулин. Отличные способности? Жаль! С отличными способностями теперь некуда деться; он остается лишний. Такие все места заняты: одно Бисмарком, другое Бейстом[3].

Мамаева. Послушайте, вы меня выведете из терпения, мы с вами поссоримся. Говорите, есть ли у вас в виду место?

Городулин. Для обыкновенного смертного найдется.

Мамаева. И прекрасно.

Городулин (*нежно*). Нам люди нужны. Поз-

---

[3] Примечания: 3

Бейст Фридрих-Фердинанд (1809–1886) — министр-президент и канцлер Австрии.

вольте мне хоть одним глазком взглянуть на этот феномен: тогда я вам скажу определительно, на что он годен и на какое место можно будет его рекомендовать.

Мамаева. Егор Дмитрич! Жорж! Подите сюда. (*Городулину.*) Я вас оставлю с ним на несколько времени. Вы после зайдите ко мне! Я вас подожду в гостиной.

Глумов входит.

Представляю вам моего племянника. Егор Дмитрич Глумов. (*Глумову.*) Иван Иваныч хочет с вами познакомиться. (*Уходит.*)

Явление седьмое

Городулин и Глумов.

Городулин (*подавая Глумову руку*). Вы служите?

Глумов (*развязно*). Служил, теперь не служу, да и не имею никакой охоты.

Городулин. Отчего?

Глумов. Уменья не дал бог. Надо иметь очень много различных качеств, а у меня их нет.

Городулин. Мне кажется, нужно только ум и охоту работать.

Глумов. Положим, что у меня за этим дело не станет, но что толку с этими качествами?

сколько ни трудись, век будешь канцелярским чиновником. Чтобы выслужиться человеку без протекции, нужно совсем другое.

Городулин. А что же именно?

Глумов. Не рассуждать, когда не приказывают, смеяться, когда начальство вздумает сострить, думать и работать за начальников и в то же время уверять их со всевозможным смирением, что я, мол, глуп, что все это вам самим угодно было приказать. Кроме того, нужно иметь еще некоторые лакейские качества, конечно в соединении с известной долей грациозности: например, вскочить и вытянуться, чтобы это было и подобострастно и неподобострастно, и холопски и вместе с тем благородно, и прямолинейно, и грациозно. Когда начальник пошлет за чем-нибудь, надо уметь производить легкое порханье, среднее между галопом, марш-марш и обыкновенным шагом. Я еще и половины того не сказал, что надо знать, чтоб дослужиться до чего-нибудь.

Городулин. Прекрасно. То есть все это очень скверно, но говорите вы прекрасно; вот важная вещь. Впрочем, все это было прежде, теперь совсем другое.

Глумов. Что-то не видать этого другого-то. И притом, все бумага и форма. Целые стены, целые

крепости из бумаг и форм. И из этих крепостей только вылетают, в виде бомб, сухие циркуляры и предписания.

Городулин. Как это хорошо! Превосходно, превосходно! Вот талант!

Глумов. Я очень рад, что вы сочувствуете моим идеям. Но как мало у нас таких людей!

Городулин. Нам идеи что! Кто же их не имеет, таких идей? Слова, фразы очень хороши. Знаете ли, вы можете сделать для меня великое одолжение.

Глумов. Все, что вам угодно.

Городулин. Запишите все это на бумажку!

Глумов. Извольте, с удовольствием. На что же вам?

Городулин. Вам-то я откроюсь. Мы с вами оба люди порядочные и должны говорить откровенно. Вот в чем дело: мне завтра нужно спич говорить за обедом, а думать решительно некогда.

Глумов. Извольте, извольте!

Городулин (*жмет ему руку*). Сделайте для меня это по-дружески.

Глумов. Стоит ли говорить, помилуйте! Нет, вы дайте мне такую службу, где бы я мог лицом к лицу стать с моим меньшим братом. Дайте мне

возможность самому видеть его насущные нужды и удовлетворять им скоро и сочувственно.

Городулин. Отлично, отлично! Вот уж и это запишите! Как я вас понимаю, так вам, по вашему честному образу мыслей, нужно место смотрителя или эконома в казенном или благотворительном заведении?

Глумов. Куда угодно. Я работать не прочь и буду работать прилежно, сколько сил хватит, но с одним условием: чтобы моя работа приносила действительную пользу, чтобы она увеличивала количество добра, нужного для благосостояния массы. Переливать из пустого в порожнее, считать это службой и получать отличия — я не согласен.

Городулин. Уж и это бы кстати: «Увеличивать количество добра». Прелесть!

Глумов. Хотите, я вам весь спич напишу?

Городулин. Неужели? Вот видите, долго ли порядочным людям сойтись! Перекинули несколько фраз — и друзья. А как вы говорите! Да, нам такие люди нужны, нужны, батюшка, нужны! (*Взглянув на часы.*) Заезжайте завтра ко мне часу в двенадцатом. (*Подает ему руку.*) Очень приятно, очень приятно. (*Уходит в гостиную.*)

Входит Мамаев.

Явление восьмое

Мамаев и Глумов.

Мамаев. А, ты здесь! Поди сюда! (*Таинственно.*) Крутицкий давеча заезжал ко мне посоветоваться об одном деле. Добрый старик! Он там написал что-то, так нужно ему обделать, выгладить слог. Я указал на тебя. Он у нас в кружке не считается умным человеком и написал, вероятно, глупость какую-нибудь, но ты, когда увидишься с ним, польсти ему несколько.

Глумов. Вот, дядюшка, чему вы меня учите.

Мамаев. Льстить нехорошо, а польстить немного позволительно. Похвали что-нибудь из пятого в десятое, это приятно будет старику. Он может вперед пригодиться. Ругать его будем мы, от этого он не уйдет, а ты все-таки должен хвалить, ты еще молод. Мы с тобой завтра к нему поедем. Да, вот еще одно тонкое обстоятельство. В какие отношения ты поставил себя к тетке?

Глумов. Я человек благовоспитанный, учтивости меня учить не надо.

Мамаев. Ну вот и глупо, ну вот и глупо. Она еще довольно молода, собой красива, нужна ей твоя учтивость! Врага, что ли, ты нажить себе хочешь?

Глумов. Я, дядюшка, не понимаю.

Мамаев. Не понимаешь, так слушай, учись! Слава богу, тебе есть у кого поучиться. Женщины не прощают тому, кто не замечает их красоты.

Глумов. Да, да, да! Скажите! Из ума вон!

Мамаев. То-то же, братец! Хоть ты и седьмая вода на киселе, а все-таки родственник; имеешь больше свободы, чем просто знакомый; можешь иногда, как будто по забывчивости, лишний раз ручку поцеловать, ну, там глазами что-нибудь. Я думаю, умеешь?

Глумов. Не умею.

Мамаев. Экий ты, братец! Ну, вот так. (*Заводит глаза кверху.*)

Глумов. Полноте, что вы! Как это можно!

Мамаев. Ну, да ты перед зеркалом хорошенько поучись. Ну, иногда вздохни с томным видом. Все это немножко щекочет их самолюбие!

Глумов. Покорнейше вас благодарю

Мамаев. Да и для меня-то покойнее. Пойми, пойми!

Глумов. Опять не понимаю.

Мамаев. Она женщина темперамента сангвинического, голова у ней горячая, очень легко может увлечься каким-нибудь франтом, черт его знает что за механик попадется, может быть,

совсем каторжный. В этих прихвостнях Бога нет. Вот оно куда пошло! А тут, понимаешь ты, не угодно ли вам, мол, свой, испытанный человек. И волки сыты, и овцы целы… Ха, ха, ха! Понял?

Глумов. Ума, ума у вас, дядюшка!

Мамаев. Надеюсь.

Глумов. А вот еще обстоятельство! Чтоб со стороны не подумали чего дурного, ведь люди злы, вы меня познакомьте с Турусиной. Там уж я открыто буду ухаживать за племянницей, даже, пожалуй, для вас, если вам угодно, посватаюсь. Вот уж тогда действительно будут и волки сыты, и овцы целы.

Мамаев. Вот, вот, вот! Дело, дело!

Глумов. Клеопатре Львовне мы, разумеется, не скажем про Турусину ни слова. Не то что ревность, а, знаете, есть такое женское чувство.

Мамаев. Кому ты говоришь! Знаю, знаю. Нини-ни! и заикаться не надо.

Глумов. Когда же мы к Турусиной?

Мамаев. Завтра вечером. Ну, теперь ты знаешь, что делать тебе?

Глумов. Что делать? Удивляться уму вашему.

Входят Мамаева и Городулин.

Явление девятое

Мамаев, Глумов, Мамаева и Городулин.

Городулин (*Мамаевой тихо*). Через две недели он будет определен.

Мамаева. Через две недели я вас поцелую.

Мамаев. А, Иван Иваныч! Я к вам заезжал сегодня, я хотел дать вам совет по клубному делу.

Городулин. Извините, Нил Федосеич, некогда. (*Подает руку Глумову.*) До свиданья.

Мамаев. Так поедемте вместе, я вам дорогой. Мне в сенат нужно.

Уходят.

Явление десятое

Мамаева и Глумов.

Мамаева (*садится на кресло*). Целуйте ручку, ваше дело улажено.

Глумов. Я вас не просил.

Мамаева. Нужды нет, я сама догадалась.

Глумов (*целует руку*). Благодарю вас. (*Берет шляпу.*)

Мамаева. Куда же вы?

Глумов. Домой. Я слишком счастлив. Я побегу поделиться моей радостью с матерью.

Мамаева. Вы счастливы? Не верю.

Глумов. Счастлив, насколько можно.

Мамаева. Значит, не совсем; значит, вы еще не всего достигли?

Глумов. Всего, на что только я смел надеяться.

Мамаева. Нет, вы говорите прямо: всего ли вы достигли?

Глумов. Чего же мне еще! Я получу место…

Мамаева. Не верю, не верю. Вы хотите в таких молодых годах показать себя материалистом, хотите уверить меня, что думаете только о службе, о деньгах.

Глумов. Клеопатра Львовна…

Мамаева. Хотите уверить, что у вас никогда не бьется сердце, что вы не мечтаете, не плачете, что вы не любите никого.

Глумов. Клеопатра Львовна, я не говорю этого.

Мамаева. А если любите, можете ли вы не желать, чтобы и вас любили?

Глумов. Я не говорю этого.

Мамаева. Вы говорите, что всего достигли.

Глумов. Я достиг всего возможного, всего, на что я могу позволить себе надеяться.

Мамаева. Значит, вы не можете позволить себе надеяться на взаимность. В таком случае, зачем вы даром тратите ваши чувства? Ведь это перлы

души. Говорите, кто эта жестокая?

Глумов. Но ведь это пытка. Клеопатра Львовна.

Мамаева. Говорите, негодный, говорите сейчас! Я знаю, я вижу по вашим глазам, что вы любите. Бедный! Вы очень, очень страдаете?

Глумов. Вы не имеете права прибегать к таким средствам. Вы знаете, что я не посмею ничего скрыть от вас.

Мамаева. Кого вы любите?

Глумов. Сжальтесь!

Мамаева. Стоит ли она вас?

Глумов. Боже мой, что вы со мною делаете!

Мамаева. Умеет ли она оценить вашу страсть, ваше прекрасное сердце?

Глумов. Хоть убейте меня, я не смею!

Мамаева (*шепотом*). Смелее, мой друг, смелее!

Глумов. Кого люблю я?

Мамаева. Да.

Глумов (*падая на колено*). Вас!

Мамаева (*тихо вскрикивая*). Ах!

Глумов. Я ваш раб на всю жизнь. Карайте меня за мою дерзость, но я вас люблю. Заставьте меня молчать, заставьте меня не глядеть на вас, запретите мне любоваться вами, еще хуже — заставьте меня быть почтительным; но не сердитесь на

меня! Вы сами виноваты. Если б вы не были так очаровательны, так снисходительны ко мне, я, может быть, удержал бы мою страсть в пределах приличия, чего бы мне это ни стоило. Но вы, ангел доброты, вы, красавица, из меня, благоразумного человека, вы сделали бешеного сумасброда! Да, я сумасшедший! Мне показалось, что меня манит блаженство, и я не побоялся кинуться в пропасть, в которой могу погибнуть безвозвратно. Простите меня! (*Склоняет голову*)

Мамаева (*целуя его в голову*). Я вас прощаю.

Глумов, почтительно кланяясь, уходит. Мамаева провожает его долгим взглядом.

Действие третье

ЛИЦА:

Софья Игнатьевна Турусина, богатая вдова, барыня, родом из купчих.

Машенька, ее племянница.

Манефа.

Приживалка 1-я.

Приживалка 2-я.

Крутицкий.

Городулин.

Мамаев.

Глумов.

Григорий, человек Турусиной.

Богатая гостиная на даче в Сокольниках, одна дверь посредине, другая сбоку.

Явление первое

Машенька и Турусина выходят из средней двери.

Машенька. Поедемте, ma tante! Поедемте! Ну, пожалуйста, поедемте!

Турусина. Нет, мой друг, нет! Ни за что на свете!

Я уж велела лошадей отложить.

Машенька. Помилуйте, ma tante, на что же это похоже! В кои-то веки мы сберемся выехать, и то не в час; десяти шагов от ворот не отъехали, и назад.

Турусина (*садясь*). Мой друг, я очень хорошо знаю, что делаю. Зачем напрасно подвергать себя опасности, когда можно избежать ее?

Машенька. Но почему же нам непременно угрожала опасность?

Турусина. О чем ты еще спрашиваешь, я не понимаю? Ты сама видела: в самых воротах нам перешла дорогу какая-то женщина. Я хотела приказать остановиться, но так уж, скрепя сердце, поехала дальше, и вдруг встреча…

Машенька. Да что ж такое, что встреча?

Турусина. Да, если б с левой стороны, а то с правой.

Машенька. Да и с правой, и с левой все равно.

Турусина. Не говори так, я этого не люблю. Я не терплю вольнодумства в моем доме. Я и так довольно слышу кощунства от гостей, которые бывают у нас. Посторонним я запретить не могу, а тебе запрещаю. Мы должны беречь свою жизнь. Конечно, слишком много заботиться о себе грех, но беречь свою жизнь мы обязаны. Не надо быть

упрямым! Мало ли мы видим несчастных случаев: разобьют лошади, сломается экипаж, кучер напьется пьян и завезет в канаву. Провидение печется о людях. Если тебе прямо говорят: не езди туда-то, ты подвергнешь себя опасности, — так кто же виноват, если ты не послушаешь благого совета и сломишь себе голову?

Машенька. Нам никто не говорил: не езди!..

Турусина. Разве непременно нужны слова! Дурная встреча красноречивей всяких слов. Еще если б была крайняя необходимость, ну, уж нечего делать, а то ехать бог знает зачем! Для того только, чтоб провести весь вечер в пустых разговорах, в пересудах о ближнем, и для этого пренебрегать указаниями свыше и подвергать себя очевидной опасности! Нет уж, покорно благодарю. Я понимаю, зачем тебе хочется ехать туда! Ты думаешь встретить там Курчаева, самого нераскаянного безбожника, которого я к себе пускать не велю. Вот ты и тянешь тетку, нисколько не рассуждая о том, что я из-за твоего удовольствия могу переломить ногу или руку.

Машенька. Я не понимаю, ma tante, что вам не понравился Курчаев?

Турусина. Как он может мне понравиться? Он смеется в моем присутствии над самыми священ-

ными. вещами.

Машенька. Когда же, ma tante, когда?

Турусина. Всегда, постоянно, он смеется над моими странницами, над юродивыми.

Машенька. Вы говорите, что он смеется над священными вещами.

Турусина. Ну конечно; я ему говорю как-то: посмотрите, у моей Матреши от святости уж начинает лицо светиться; это, говорит, не от святости, а от жиру. Уж этого я ему никогда в жизни не прощу. До чего вольнодумство-то доходит, до чего позволяют себе забываться молодые люди! Я в людях редко ошибаюсь; вот и оказалось, что он за человек. Я вчера два письма получила. Прочти, если хочешь.

Машенька. Разве верят безымянным письмам?

Турусина. Если б одно, можно бы еще сомневаться, а то вдруг два и от разных лиц.

Входит человек и подает Турусиной письмо.

Григорий. Скитающие люди пришли-с.

Турусина. Что он говорит, бог его знает. Ну, да все равно, вероятно, богомольцы. Вели их накормить. (*Человек уходит. Турусина читает письмо.*) Вот еще письмо. Видно, что пишет женщина солидная. (*Читает вслух.*) «Милостивая

государыня Софья Игнатьевна, хотя я не имею счастия…» (*Читает про себя.*) Вот слушай! «Выбор вами такого человека, как Егор Васильевич Курчаев, заставляет меня заранее проливать слезы об участи бедной Машеньки…» Ну, и так далее.

Машенька. Удивительно! Я не знаю, что и думать об этом…

Турусина. Неужели ты и теперь станешь спорить со мной? Впрочем, мой друг, если ты непременно желаешь, так выходи за него. (*Нюхает спирт.*) Я не хочу, чтоб меня звали тиранкой. Только ты знай, что ты меня этим огорчаешь и что едва ли ты вправе будешь жаловаться, если я тебе…

Машенька. Не дадите денег…

Турусина. И, главное-то, благословения.

Машенька. Нет, ma tante, не бойтесь! Я московская барышня, я не пойду замуж без денег и без позволения родных. Мне Жорж Курчаев очень нравится: но если вам неугодно, я за него не пойду и никакой чахотки со мной от этого не будет. Но, ma tante, пожалейте меня! У меня благодаря вам есть деньги. Мне хочется пожить.

Турусина. Понимаю, мой друг, понимаю.

Машенька. Найдите мне жениха какого угодно, только порядочного человека, я за него пойду без

всяких возражений. Мне хочется поблестеть, покрасоваться. Так жить, как мы живем, подумайте сами, мне скучно, очень скучно.

Турусина. Я вхожу в твое положение. Суетность в твоем возрасте извинительна.

Машенька. Когда я буду постарше, ma tante, я весьма вероятно, буду жить так же, как и вы, — это у нас в роду.

Турусина. Дай бог, я тебе от всей души желаю. Это прямой путь, настоящий.

Машенька. Так, ma tante, но мне прежде надо выйти замуж.

Турусина. Не хочу скрывать от тебя, что я в большом затруднении. Нынче молодежь так испорчена, что очень трудно найти такого человека, который бы мне понравился; ты мои требования знаешь.

Машенька. Ах, ma tante, уж в Москве-то не найти! Чего-чего в ней нет! Все, что угодно. У вас такое большое знакомство. Можно обратиться к тому — другому; Крутицкий, Мамаев, Городулин вам помогут, укажут или найдут для вас точно такого жениха, какого вам нужно. Я в этом уверена.

Турусина. Крутицкий, Городулин! Ведь они люди, Marie! Они могут обмануть или сами обмануться.

Машенька. Но как же быть?

Турусина. Надо ждать указания. Без особого указания я никак не решусь.

Машенька. Но откуда же явится это указание?

Турусина. Ты скоро узнаешь откуда; оно явится сегодня же.

Машенька. Курчаеву не отказывайте от дому, пусть ездит.

Турусина. Только ты знай, что он тебе не жених.

Машенька. Я вполне полагаюсь на вас; я ваша покорная, самая покорная племянница.

Турусина (*целует ее*). Ты милое дитя.

Машенька. Я буду богата, буду жить весело. Ведь и вы прежде весело жили, ma tante?

Турусина. Откуда ты знаешь?

Машенька. Я знаю, знаю, что вы жили очень весело.

Турусина. Да, ты знаешь кое-что, но ты не можешь и не должна всего знать.

Машенька. Все равно. Вы самая лучшая женщина, какую я знаю, и вас я беру примером для себя. (*Обнимает тетку.*) Я тоже хочу жить очень весело; если согрешу, я покаюсь. Я буду грешить и буду каяться так, как вы.

Турусина. Празднословие, Marie! Празднослo-

вие!

Машенька (*сложив руки*). Виновата!

Турусина. Уж ты разговорилась очень. Я устала, дай мне отдохнуть, немного успокоиться. (*Целует Машеньку; она уходит.*) Милая девушка! На нее и сердиться нельзя; она и сама, я думаю, не понимает, что болтает. Где же ей понимать? Так лепечет. Я все силы употреблю, чтобы она была счастлива; она вполне этого заслуживает. Сколько в ней благоразумия и покорности! Она меня тронула почти до слез своею детскою преданностью. Право, так взволновала меня. (*Нюхает спирт.*)

Входит Григорий.

Григорий. Господин Крутицкий.

Турусина. Проси!

Входит Крутицкий.

Явление второе

Турусина и Крутицкий.

Крутицкий (*берет ее за руки*). Что, все нервы? а?..

Турусина. Нервы.

Крутицкий. Нехорошо! Вот и руки холодные. Уж вы того, очень…

Турусина. Что?

Крутицкий. Очень, то есть прилежно… ну, очень изнурять себя… не надо очень-то…

Турусина. Я уж вас просила не говорить мне об этом.

Крутицкий. Ну, ну, не буду.

Турусина. Садитесь.

Крутицкий. Нет, ничего, я не устал. Я вот гулять пошел, ну, дай, думаю, зайду навестить старую знакомую, приятельницу старую… хе, хе, хе!.. Помните, ведь мы…

Турусина. Ах, не вспоминайте! я теперь…

Крутицкий. А что ж такое! Что не вспоминать-то… У вас в прошедшем было много хорошего. А если и было кой-что на ваш взгляд дурное, так уж вы, вероятно, давно покаялись. Я, признаться вам сказать, всегда с удовольствием вспоминаю и нисколько не раскаиваюсь, что…

Турусина (*с умоляющим видом*). Перестаньте!

Входит Григорий.

Григорий. Сударыня, уродливый пришел.

Крутицкий. Что такое?

Турусина. Григорий, как тебе не стыдно! Какой уродливый? Юродивый. Вели его накормить.

Григорий уходит.

Как глупы эти люди, самого обыкновенного назвать не умеют.

Крутицкий. Ну, я не скажу, чтобы в нынешнее время юродивые были очень обыкновенны. Кроме вас, едва ли их где встретишь. Обращаюсь к прежнему разговору. Вы извините, я хотел вам только сказать, что прежде, когда вы вели другой образ жизни, вы были здоровее.

Турусина. Здоровее телом, но не душою.

Крутицкий. Ну, уж этого я не знаю, это не мое дело. Вообще вы с виду были здоровее. Вы еще довольно молоды… Вам бы еще можно было пожить как следует.

Турусина. Я живу как следует.

Крутицкий. Ну, то есть рано бы ханжить-то.

Турусина. Я вас просила…

Крутицкий. Ну, виноват, виноват! не буду.

Турусина. Вы странный человек.

Входит Григорий.

Григорий. Сударыня, странный человек пришел.

Турусина. Откуда он, ты не спрашивал?

Григорий. Говорит, из стран неведомых.

Турусина. Пустить его и посадить за стол вместе с теми.

Григорий. Да вместе-то они, сударыня, пожалуй…

Турусина. Поди, поди!

Григорий уходит.

Крутицкий. Вы у этих, что из неведомых-то стран приходят, хоть бы паспорты велели спрашивать.

Турусина. Зачем?

Крутицкий. Затем, что с ними до беды недолго. Вон у одного тоже три странника спасались.

Турусина. Так что же?

Крутицкий. Ну, все трое и оказались граверы хорошие.

Турусина. Что ж за беда?

Крутицкий. Да ремесло-то плохое.

Турусина. Чем же плохо ремесло — гравирование?

Крутицкий. Не портреты же они в землянках-то гравируют.

Турусина (*тихо*). Лики?

Крутицкий. Как же не лики! Целковые.

Турусина (*с испугом*). Ах, что вы!

Крутицкий (*садится*). Вот то-то же! Добродетель добродетелью, а и осторожность не мешает. Вам особенно надо беречься. Уж это дело известное, коли барыня чересчур за добродетель возьмется, так уж тут мошенникам пожива. Потому что обмануть вас в это время очень просто.

Турусина. Я делаю добро для добра, не разбирая

людей. Я с вами хотела посоветоваться об одном очень важном деле.

Крутицкий (*подвигаясь*). Что такое? говорите! Я рад, рад вам служить, чем могу.

Турусина. Вы знаете, что Машенька теперь уж в таком возрасте, что…

Крутицкий. Да, да, знаю.

Турусина. Нет ли у вас на примете молодого человека? Вы знаете, какого мне нужно?

Крутицкий. Какого вам нужно. Вот это-то и закорючка. Мало ли молодых людей… Да постойте же! Есть, именно такой есть, какого вам нужно.

Турусина. Верно?..

Крутицкий. Я вам говорю. Скромен не по летам, умен, дворянин, может сделать отличную карьеру. Вообще славный малый… малый славный. Его рекомендовали мне для некоторых занятий; ну, я того, знаете ли, попытал его, что, мол, ты за птица! Парень хоть куда! Далеко пойдет, далеко, вот увидите.

Турусина. А кто он?

Крутицкий. Как его! Дай бог память! Да вот, постойте, он мне адрес дал, он мне теперь не нужен, люди знают. (*Вынимает бумагу.*) Вот! (*Читает.*) Егор Дмитриевич Глумов! Каково пишет! Чисто, ровно, красиво! По почерку сейчас можно узнать

характер! Ровно — значит, аккуратен… кругло, без росчерков, ну, значит, не вольнодумец. Вот возьмите, может быть, и пригодится.

Турусина (*берет адрес*). Благодарю вас.

Крутицкий. Что за благодарность! Вот еще! Наш долг! (*Встает.*) Прощайте. Заходить, а? Или сердитесь?

Турусина. Ах, что вы всегда, всегда рада.

Крутицкий. То-то! Я ведь любя. Жаль!

Турусина. Навещайте.

Крутицкий. По старой памяти? хе, хе, хе!.. Ну, до свиданья! (*Уходит.*)

Турусина. Вот и старый человек, а как легкомыслен. Как ему поверить! (*Прячет адрес в карман.*) А все-таки надо будет справиться об этом Глумове.

Входит Григорий.

Григорий. Господин Городулин.

Турусина. Проси.

Григорий уходит. Входит Городулин.

Явление третье

Турусина и Городулин.

Турусина. Очень рада вас видеть. Не стыдно вам! Что вы пропали?

Городулин. Дела, дела. То обеды, то вот желез-

ную дорогу открывали.

Турусина. Не верится что-то. Просто вам скучно у меня. Ну, да спасибо и зато, что вот изредка навещаете. Что наше дело?

Городулин. Какое дело?

Турусина. Вы уж и забыли? Вот прекрасно! Покорно вас благодарю. Да и я-то глупо сделала, что поручила вам. Вы человек, занятый, важными делами, когда вам помнить о бедных несчастных, угнетенных! Стоит заниматься этой малостью.

Городулин. Угнетенных, вы изволите говорить? Насчет угнетенных я не могу припомнить ничего-с. А вот позвольте, я теперь вспомнил: вы, кажется, изволили просить меня справиться насчет ворожеи?

Турусина. Не ворожеи, а гадальщицы, — это большая разница; к ворожее я бы не поехала ни за что.

Городулин. Извините! Я сознаюсь в своем невежестве: я в этих тонкостях не силен. Одним словом, вдова коллежского регистратора Улита Шмыгаева.

Турусина. Какого бы она звания ни была, это все равно, во всяком случае, она дама почтенная, строгой жизни, и я горжусь тем, что пользовалась ее особенным расположением.

Городулин. Особенным-то ее расположением, как из дела видно, пользовался отставной солдат.

Турусина. Что вы говорите! Это все вздор, клевета! Она имела успех, имела знакомство с лучшими домами, ей позавидовали и оклеветали ее. Но я надеюсь, что ее оправдали, невинность должна торжествовать.

Городулин. Нет-с, ей по Владимирке.

Турусина (*привстав*). Как! Вот он, ваш хваленый суд! Сослать невинную женщину! За что же? За то, что она приносит пользу другим?

Городулин. Да ведь ее не за гаданье судили.

Турусина. Нет, вы мне не говорите! Все это сделано в угоду нынешнему модному неверию.

Городулин. Ее судили за укрывательство заведомо краденых вещей, за пристанодержательство и за опоение какого-то купца.

Турусина. Ах, боже мой! Что вы говорите!

Городулин. Святую истину. Жена этого купца просила у нее приворотного зелья для мужа, чтобы больше любил; ну, и сварили зелье по всем правилам, на мадере: только одно забыли — спросить дозволение медицинской управы.

Турусина. Что же купец?

Городулин. Подействовало. Умер было, только

не от любви.

Турусина. Вам все это смешно, я вижу. У юристов и у медиков сердца нет. И неужели не нашлось ни одного человека, который бы заступился за эту бедную женщину?

Городулин. Помилуйте, ее защищал один из лучших адвокатов. Красноречие лилось, клубилось, выходило из берегов и наконец стихло в едва заметное журчанье. Ничего сделать было нельзя, сама призналась во всем. Сначала солдат, который пользовался ее особенным расположением, потом она.

Турусина. Я этого не ожидала! Как легко ошибиться! Нельзя жить на свете!

Городулин. Не то что нельзя, а при смутном понимании вещей действительно мудрено. Теперь учение о душевных болезнях довольно подвинулось, и галлюцинации…

Турусина. Я вас просила не говорить со мною об этом.

Городулин. Виноват, забыл.

Турусина. Пусть я ошибаюсь в людях. Пусть меня обманывают. Но помогать людям, хлопотать о несчастных — для меня единственное блаженство.

Городулин. Блаженство — дело не шуточное.

Нынче так редко можно встретить блаженного человека.

Григорий входит.

Григорий. Блаженный человек пришел.

Городулин. Неужели?

Турусина. Кто он такой?

Григорий. Надо полагать, из азиатцев-с.

Городулин. И я тоже полагаю.

Турусина. Почему ты думаешь, что азиатец?

Григорий. Уж очень страшен-с. Так даже жутко глядеть-с. Ежели сударыня, к вечеру, не приведи господи!

Турусина. Как страшен? что за вздор!

Григорий. Такая свирепость необыкновенная-с. Оброс весь волосами, только одни глаза видны-с.

Турусина. Грек, должно быть.

Григорий. Не очень, чтобы грек-с, еще цветом не дошел. А как вот есть, венгерец-с.

Турусина. Какой венгерец? Что ты глупости говоришь!

Григорий. Вот что мышеловки продают.

Турусина. Принять его, накормить и спросить, не нужно ли чего ему.

Григорий. Его, я думаю, особенно-с…

Турусина. Ну, ступай, не рассуждай!

Григорий. Слушаю-с. (*Уходит.*)

Турусина. У меня к вам просьба, Иван Иваныч.

Городулин. Весь в внимании.

Турусина. Я насчет Машеньки Нет ли у вас кого на примете?

Городулин. Жениха? Пощадите! Что за фантазия пришла вам просить меня! Ну, с какой стороны я похож на сваху московскую? Мое призвание — решить узы, а не связывать. Я противник всяких цепей, даже и супружеских.

Турусина. А сами носите.

Городулин. Оттого то я и не желаю их никакому лихому татарину.

Турусина. Кроме шуток, нет ли?

Городулин. Постойте, кого-то я на днях видел; так у него крупными буквами на лбу и написано: хороший жених. Вот так, того и гляди, что сию минуту женится на богатой невесте.

Турусина. Вспомните, вспомните.

Городулин. Да, да… Глумов.

Турусина. Хороший человек?

Городулин. Честный человек, я больше ничего не знаю. Кроме шуток, отличный человек.

Турусина. Постойте, как вы назвали? (*Вынимает бумагу из кармана.*)

Городулин. Глумов.

Турусина. Егор Дмитрич?

Городулин. Да.

Турусина. Вот и Крутицкий мне про него же говорил.

Городулин. Ну, значит, ему и быть, так у него на лбу, то есть на роду, написано. Прощайте. (*Кланяется и уходит.*)

Турусина. Что это за Глумов? В другой раз сегодня я слышу имя этого человека. И хотя я не верю ни Крутицкому, ни Городулину, но все-таки тут что-нибудь да есть, коли его хвалят люди совершенно противоположных убеждений. (*Звонит.*)

Входит Григорий.

Зови барышню и скажи, чтобы все шли сюда.

Григорий уходит.

Какая потеря для Москвы, что умер Иван Яковлич! Как легко и просто было жить в Москве при нем. Вот теперь я ночи не сплю, все думаю, как пристроить Машеньку: ну, ошибешься как-нибудь, на моей душе грех будет. А будь жив Иван Яковлич, мне бы и думать не о чем: съездила, спросила — и покойна. Вот когда мы узнаем настоящую-то цену человеку, когда его нет! Не знаю, заменит ли его Манефа, а много и от нее сверхъестественного.

Входят Машенька, 1-я приживалка с колодой карт, которую держит перед собой, как книгу,

2-я приживалка, с собачкой на руках.

Явление четвертое

1-я приживалка садится у стола, 2-я приживалка садится на скамейке у ног Турусиной.

1-я приживалка. Прикажете разложить?

Турусина. Погоди! Ну, Машенька, я говорила о тебе и с Крутицким и с Городулиным.

Машенька (*с волнением*). Говорите. Продолжайте. Я покорилась вашей воле и теперь с трепетом жду решения.

Турусина. Они оба рекомендовали одного человека, точно сговорились.

Машенька. И прекрасно. Значит, человек достойный. Кто же он?

Турусина. Но я им не верю.

1-я приживалка. Прикажете?

Турусина. Гадай! правду ли они говорили? (*Машеньке.*) Я им не верю, они могут ошибаться.

Машенька. Почему же, ma tante?

Турусина. Они люди. (*2-й приживалке.*) Не урони собачку!

Машенька. Кому же вы поверите, ma tante? оракулу? Мне что-то страшно.

Турусина. Очень естественно. Так и надо, и должно быть страшно. Мы не можем, не должны

без страха поднимать завесу будущего. Там, за этой завесой, и счастье, и несчастье, и жизнь, и смерть твоя.

Машенька. Кто же нам приподнимет завесу?

Турусина. Тот, кто имеет власть.

Входит Григорий.

Григорий. Манефа-с.

Турусина. Вот кто! (*Встает, идет навстречу Манефе, и все за ней*).

Входит Манефа.

Явление пятое

Те же и Манефа.

Турусина. Милости просим, пожалуйте!

Манефа. И то иду! Пошла шабала и пришла шабала.

1-я приживалка (*с умилением*). Ох, батюшки мои!

Турусина (*грозно*). Молчи!

Манефа (*садясь*). Пришла да села, как квашня.

2-я приживалка (*со вздохом*). О, о, о, ох! Ах, премудрость!

1-я приживалка. Привел Господь, дожили!

Манефа (*тише*). Что вы бельмы-то выпучили?

Турусина. Очень рады, что сподобились видеть тебя.

1-я приживалка. Ох, сподобились!

2-я приживалка. Все сподобились.

Турусина. Ждем! что скажешь, мати Манефа.

Манефа. Ждем! ждали в сапогах, а приехали в лаптях.

1-я приживалка. Батюшки, батюшки! Запоминайте, запоминайте хорошенько!

Турусина. Я хотела спросить тебя…

Манефа. Не спрашивай, вперед знаю. Знайка бежит, а незнайка лежит. Девкой меньше, так бабой больше.

2-я приживалка. Так, так, так!

Турусина. Нам человека-то знать нужно. Не скажешь ли чего рабе Марии? Может быть, во сне или в видении тебе…

Манефа. Было видение, было. Идет Егор с высоких гор.

2-я приживалка. Скажите! Егор!

Машенька (*тихо Турусиной*). Ведь и Курчаев Егор.

Турусина. Погоди. Кто же он такой?

Манефа. А я почем знаю? Увидишь, так узнаешь!

Турусина. Когда же мы его увидим?

Манефа. Желанный гость зову не ждет.

1-я приживалка. Замечайте! Замечайте!

Турусина. Ты нам хоть приметы скажи.

2-я приживалка. Первое дело: надо спросить, волосом каков. Всегда так спрашивают, как это вы не знаете!

Турусина. Ну, уж ты молчи! Волосом каков?

Манефа. К кому бедокур, а к вам белокур.

Машенька. Белокурый. Ведь и Курчаев белокурый. Может быть, он.

Турусина. Да ведь ты слышала — видение было. Разве может гусар благочестивым людям в видениях являться? Какая ты легкомысленная!

1-я приживалка. Ах, даже удивительно! И по картам выходит Егор.

Турусина. Что ты мелешь! Как ты по картам имя увидала?

1-я приживалка. Тьфу ты! Обмолвилась. Язык-то наш… то есть белокурый по картам-то.

Турусина (*Манефе*). Тебе все известно, а мы грешные люди, мы в сомнении. Егоров много и белокурых тоже довольно.

Манефа. Чуж чуженин далеко, а суженый у ворот.

Турусина и прочие. У ворот?

Манефа. Сряжайтеся, сбирайтеся, гости будут.

Турусина. Когда?

Манефа. В сей час, в сей миг.

Все обращаются к дверям. Входит Григорий.

Приехали с орехами. (*Встает.*)

Григорий. Нил Федосеич Мамаев.

Турусина. Один?

Григорий. С ними молодой барин, такой белокурый.

1-я приживалка. Ах! Будем ли мы живы?

2-я приживалка. Не во сне ли мы все это видели?

Турусина. Проси! (*Обнимая Машеньку.*) Ну, Машенька, услышаны мои молитвы! (*Садится, нюхает спирт.*)

Машенька. Это так необыкновенно, ma tante, я вся дрожу.

Турусина. Поди, успокойся, друг мой: ты после выйдешь.

Машенька уходит.

Манефа. Конец — всему делу венец. (*Идет к двери.*)

Турусина (*приживалкам*). Возьмите ее под руки, да чаю ей, чаю.

Манефа. Кто пьет чай, тот отчаянный.

Турусина. Ну, чего только ей угодно.

Приживалки берут под руки Манефу и идут к двери: в дверях останавливаются.

1-я приживалка. Одним бы глазком взглянуть.

2-я приживалка. Умрешь, таких чудес не увидишь.

Входят Мамаев и Глумов.

Явление шестое

Турусина, Мамаев, Глумов, Манефа и приживалки.

Мамаев. Софья Игнатьевна, позвольте представить вам моего племянника, Егора Дмитриевича Глумова.

Приживалки (*в дверях*). Ах, Егор! Ах, белокурый!

Мамаев. Полюбите его.

Турусина (*встает*). Благодарю вас! Я полюблю его, как родного сына.

Глумов почтительно целует ей руку.

Действие четвертое
Сцена первая

ЛИЦА:
Крутицкий.
Глумов.
Мамаева.
Человек Крутицкого.

Приемная у Крутицкого. Дверь выходная, дверь направо в кабинет, налево — в гостиную. Стол и один стул.

Явление первое

Входит Глумов, человек у двери, потом Крутицкий.

Глумов. Доложи!

Человек (*заглядывая в дверь кабинета*). Сейчас выдут-с!

Выходит Крутицкий. Человек уходит.

Крутицкий (*кивая головой*). Готово?

Глумов. Готово, ваше превосходительство. (*Подает тетрадь.*)

Крутицкий (*берет тетрадь*). Четко, красиво,

отлично. Браво, браво! Трактат, отчего же не прожект?

Глумов. Прожект, ваше превосходительство, когда что-нибудь предлагается новое; у вашего превосходительства, напротив, все новое отвергается… (*с заискивающею улыбкой*) и совершенно справедливо, ваше превосходительство.

Крутицкий. Так вы думаете, трактат?

Глумов. Трактат лучше-с.

Крутицкий. Трактат? Да, ну пожалуй. «Трактат о вреде реформ вообще». «Вообще»-то не лишнее ли?

Глумов. Это главная мысль вашего превосходительства, что все реформы вообще вредны.

Крутицкий. Да, коренные, решительные; но если неважное что-нибудь изменить, улучшить, я против этого ничего не говорю.

Глумов. В таком случае это будут не реформы, а поправки, починки.

Крутицкий (*ударяя себя карандашом по лбу*). Да, так, правда! Умно, умно! У вас есть тут, молодой человек, есть. Очень рад; старайтесь!

Глумов. Покорнейше благодарю, ваше превосходительство.

Крутицкий (*надевая очки*). Пойдем далее! Любопытствую знать, как вы начинаете экспликацию

моей главной цели. «Артикул 1-й. Всякая реформа вредна уже по своей сущности. Что заключает в себе реформа? Реформа заключает в себе два действия: 1) отмену старого и 2) поставление на место оного чего-либо нового. Какое из сих действий вредно? И то и другое одинаково: 1-е) отметая старое, мы даем простор опасной пытливости ума проникать причины, почему то или другое отметается, и составлять таковые умозаключения: отметается нечто непригодное; такое-то учреждение отметается, значит, оно непригодно. А сего быть не должно, ибо сим возбуждается свободомыслие и делается как бы вызов обсуждать то, что обсуждению не подлежит». Складно, толково.

Глумов. И совершенно справедливо.

Крутицкий (*читает*). «2-е) поставляя новое, мы делаем как бы уступку так называемому духу времени, который есть не что иное, как измышление праздных умов». Ясно изложено. Надеюсь, будет понятно для всякого; так сказать, популярно.

Глумов. Мудрено излагать софизмы, а неопровержимые истины…

Крутицкий. Вы думаете, что это неопровержимые истины?

Глумов. Совершенно убежден, ваше превосхо-

дительство.

Крутицкий (*оглядывается*). Что это они другого стула не ставят?

Глумов. Ничего-с, я и постою, ваше превосходительство.

Крутицкий. Конечно, нельзя всякому дозволить: другой, пожалуй, рассядется… магазинщик со счетом, или портной приедет…

Глумов. Не извольте беспокоиться, ваше превосходительство. Я должен буду просить извинения у вашего превосходительства.

Крутицкий. Что такое, мой любезный, что такое?

Глумов. В вашем трактате некоторые слова и выражения оставлены мной без всякого изменения.

Крутицкий. Почему?

Глумов. Слаб современный язык для выражения всей грациозности ваших мыслей.

Крутицкий. Например?

Глумов. В двадцать пятом артикуле, о положении мелких чиновников в присутственных местах…

Крутицкий. Ну?

Глумов. Вашим превосходительством весьма сильно выражена прекрасная мысль о том, что

не следует увеличивать содержание чиновникам и вообще улучшать их положение, что, напротив, надобно значительное увеличение жалованья председателям и членам.

Крутицкий. Не помню. (*Перелистывает тетрадь.*)

Глумов. Я, ваше превосходительство, помню наизусть, да не только этот параграф, а весь трактат.

Крутицкий. Верю, но удивляюсь. Для чего?

Глумов. У меня ведь целая жизнь впереди; нужно запасаться мудростию; не часто может представиться такой случай; а если представится, так надо им пользоваться. Не из журналов же учиться уму-разуму.

Крутицкий. Еще бы!

Глумов. Молодому человеку и свихнуться не трудно.

Крутицкий. Похвально, похвально. Приятно видеть такой образ мыслей в молодом человеке. Что там ни толкуй, а благонамеренность хорошее дело.

Глумов. Первое, ваше превосходительство.

Крутицкий. Ну, так что ж у меня там, в двадцать пятом артикуле?

Глумов. Артикул двадцать пятый. «Увели-

чение окладов в присутственных местах, если почему-либо таковое потребуется, должно быть производимо с крайней осмотрительностию, и то только председателям и членам присутствия, а отнюдь не младшим чиновникам. Увеличение окладов старшим может быть произведено на тот конец, дабы сии наружным блеском поддерживали величие власти, которое должно быть ей присуще. Подчиненный же сытый и довольный получает несвойственные его положению осанистость и самоуважение, тогда как, для успешного и стройного течения дел, подчиненный должен быть робок и постоянно трепетен».

Крутицкий. Да, так, верно, верно!

Глумов. Вот слово: «трепетен», ваше превосходительство, меня очаровало совершенно.

Крутицкий (*погрузившись в чтение, изредка взглядывает на Глумова. Как бы мельком*). Коли куришь, так кури. Спички на камине.

Глумов. Я не курю, ваше превосходительство. А впрочем, как прикажете?

Крутицкий. Вот еще! Мне-то какое дело! Дядя не видал твоей работы?

Глумов. Как можно! Как же бы я осмелился!

Крутицкий. Ну, то-то же. Он только говорит, что умен, а ведь он болван совершенный.

Глумов. Не смею спорить с вашим превосходительством.

Крутицкий. Он только других учит, а сам попробуй написать, вот мы и увидим. А жена тоже ведь дура замечательная.

Глумов. Не заступлюсь и за нее.

Крутицкий. Как ты с ними уживаешься, не понимаю.

Глумов. Нужда, ваше превосходительство.

Крутицкий. Ты служишь?

Глумов. Поступаю. По протекции тетушки Иван Иваныч Городулин обещал достать место.

Крутицкий. Вот еще нашли человека. Определит он тебя. Ты ищи прочного места; а эти все городулинские-то места скоро опять закроются, вот увидишь. Он у нас считается человеком опасным. Ты это заметь.

Глумов. Я не по новым учреждениям…

Крутицкий. Да, да. А уж я думал… Ну, что ж, поступай. Без службы болтаться хуже. Потом, если хочешь, я тебе могу письма дать в Петербург — перейдешь; там служить виднее. У тебя прошедшее-то хорошо, чисто совершенно? Тебя можно рекомендовать?

Глумов. Я ленив был учиться, ваше превосходительство.

Крутицкий. Ну, что ж, это не важно. Очень-то заучишься, так оно, пожалуй, и хуже. Нет ли чего важнее?

Глумов. Мне совестно признаться перед вашим превосходительством.

Крутицкий (*с серьезным видом*). Что такое? Уж ты лучше говори прямо.

Глумов. В молодости грешки, увлечения…

Крутицкий. Говори, не бойся.

Глумов. В студенческой жизни, ваше превосходительство… только я больше старых обычаев придерживался.

Крутицкий. Каких старых обычаев? Что ты, раскольник, что ли?

Глумов. То есть не так вел себя, как нынешние студенты.

Крутицкий. А как же?

Глумов. Покучивал, ваше превосходительство; случались кой-какие истории не в указные часы, небольшие стычки с полицией.

Крутицкий. И только?

Глумов. Больше ничего, ваше превосходительство. Сохрани меня Бог! сохрани Бог!

Крутицкий. Что ж, это даже очень хорошо. Так и должно быть. В молодых летах надо пить, кутить. Чего тут стыдиться? Ведь ты не барыш-

ня. Ну, так, значит, я на твой счет совершенно покоен. Я не люблю оставаться неблагодарным. Ты мне с первого раза понравился, я уж за тебя замолвил в одном доме словечко.

Глумов. Мне сказывала Софья Игнатьевна. Я не нахожу слов благодарить ваше превосходительство.

Крутицкий. Ты присватался, что ли? Тут ведь куш очень порядочный.

Глумов. Я на деньги глуп, ваше превосходительство; девушка очень хороша.

Крутицкий. Ну, не умею тебе сказать. Они, брат, все одинаковы; вот тетка, знаю, что ханжа.

Глумов. Любовь нынче не признают, ваше превосходительство: я знаю по себе, какое это великое чувство.

Крутицкий. Пожалуй, не признавай, никому от того ни тепло, ни холодно; а как заберет, так скажешься. Со мной было в Бессарабии, лет сорок тому назад: я было умер от любви. Что ты смотришь на меня?

Глумов. Скажите, пожалуйста, ваше превосходительство!

Крутицкий. Горячка сделалась. Вот ты и не признавай. Ну, что ж, давай Бог, давай тебе Бог! Я очень рад. Будешь капиталистом, найдем тебе

место видное, покойное. Нам такие люди нужны. Ты ведь будешь из наших? Нам теперь поддержка нужна, а то молокососы одолевать начали. Но, однако, мой милый, сколько же я тебе должен за твой труд?

Глумов. Не обижайте, ваше превосходительство!

Крутицкий. Ты меня не обижай!

Глумов. Если уж хотите вознаградить меня, так осчастливьте, ваше превосходительство!

Крутицкий. Что такое? В чем дело?

Глумов. Брак — такое дело великое, такой важный шаг в жизни… не откажитесь!.. благословение такого высокодобродетельного лица будет служить залогом… уже знакомство с особой вашего превосходительства есть счастие, а в некотором роде родство, хотя и духовное, это даже и для будущих детей.

Крутицкий. В посаженые отцы, что ли? Я что-то не пойму.

Глумов. Осчастливьте, ваше превосходительство!

Крутицкий. Изволь, изволь! Ты бы так и говорил. Это дело не мудреное.

Глумов. Я передам и Софье Игнатьвне.

Крутицкий. Передавай, пожалуй.

Глумов. Я не нужен вашему превосходительству?

Крутицкий. Нет.

Глумов. Честь имею кланяться.

Крутицкий. О моем маранье молчи. Оно скоро будет напечатано, без моего имени, разумеется; один редактор просил; он, хотя это довольно странно, очень порядочный человек, пишет так учтиво: ваше превосходительство, осчастливьте, ну и прочее. Коли будет разговор о том, кто писал, будто ты не знаешь.

Глумов. Слушаю, ваше превосходительство! (*Кланяется и уходит.*)

Крутицкий. Прощай, мой любезный! Что уж очень бранят молодежь! Вот, значит, есть же и из них: и с умом, и с сердцем малый. Он льстив и как будто немного подленек; ну, да вот оперится, так это, может быть, пройдет. Если эта подлость в душе, так нехорошо, а если только в манерах, так большой беды нет; с деньгами и с чинами это постепенно исчезает. Родители, должно быть, были бедные, а мать попрошайка: «У того ручку поцелуй, у другого поцелуй»; ну, вот оно и въелось. Впрочем, это все-таки лучше, чем грубость.

Входит человек.

Человек. Госпожа Мамаева! Они в гостиной-с.

Я докладывал, что ее превосходительства дома нет-с.

Мамаева (*за дверью*). Не помешаю?

Крутицкий. Нет, нет! (*Человеку.*) Подай кресло!

Человек уходит, возвращается с креслом. Входит Мамаева.

Явление второе

Крутицкий и Мамаева.

Мамаева. Будет вам делами-то заниматься! Что бы с молодыми дамами полюбезничать! А то сидит в своем кабинете! Такой нелюбезный старичок!

Крутицкий. Где уж мне! Был конь, да уездился! Хе-хе-хе! Пора и молодым дорогу дать.

Мамаева (*садясь*). Нынче и молодежь-то хуже стариков.

Крутицкий. Жалуетесь?

Мамаева. Разве не правда?

Крутицкий. Правда, правда. Никакой поэзии нет, никаких благородных чувств. Я думаю, это оттого, что на театре трагедий не дают. Возобновить бы Озерова, вот молодежь-то бы и набиралась этих деликатных, тонких чувств. Да чаще давать трагедии, через день. Ну, и Сумарокова тоже. У меня прожект написан об улучшении нравствен-

ности в молодом поколении. Для дворян трагедии Озерова, для простого народа продажу сбитня дозволить. Мы, бывало, все трагедии наизусть знали, а нынче скромно! Они и по книге-то прочесть не умеют. Вот оттого в нас и рыцарство было, и честность, а теперь одни деньги. (*Декламирует.*)

Мне ждать ли, чтоб судьба прервала дней теченье,

Когда к страданию даны мне грустны дни?

Прерву.

Помните?

Мамаева. Ну, как же не помнить! Ведь, чай, этому лет пятьдесят — не больше, так как же мне не помнить!

Крутицкий. Извините, извините! Я считаю вас моей ровесницей. Ах, я и забыл вам сказать! Я вашим родственником очень доволен. Прекрасный молодой человек.

Мамаева. Не правда ли, мил?

Крутицкий. Да, да. Ведь уж и вы его балуете.

Мамаева. Да чем же?

Крутицкий. Позвольте, вспомнил еще. (*Декламирует.*)

О боги! Не прошу от вас речей искус-

ства;

Но дайте ныне мне язык души и чувства!

Очаровательно!

Мамаева. Чем же балуем?

Крутицкий. Ну, да как же! жените. Какую невесту нашли…

Мамаева *(с испугом)*. Какую? Вы ошибаетесь.

Крутицкий (*декламирует*).

О матерь, слезный ток, коль можно, осуши!

А ты, сестра, умерь уныние души!

Мамаева. На ком же, на ком?

Крутицкий. Да, Боже мой! На Турусиной. Будто не знаете? Двести тысяч приданого.

Мамаева (*встает*). Не может быть, не может быть, я говорю вам.

Крутицкий (*декламирует*).

При вести таковой задумчив пребываешь;

Вздыханья тяжкие в груди своей скрываешь,

И горесть мрачная в чертах твоих видна!

Мамаева. Ах, вы надоели мне с вашими стихами!

Крутицкий. Но он, кажется, парень с сердцем. Вы, говорит, ваше превосходительство, не подумайте, что я из-за денег. Звал меня в посаженые отцы: сделайте, говорит, честь. Ну, что ж не сделать! Я, говорит, не из приданого; мне, говорит, девушка нравится. Ангел, ангел, говорит, и так с чувством говорит. Ну, что ж, прекрасно! Дай ему бог. Нет, а вы возьмите, вот в «Донском». (*Декламирует.*)

Когда россиянин решится слово дать,

То без стыда ему не может изменять.

Мамаева. Ой!

Крутицкий. Что с вами?

Мамаева. Мигрень. Ах, я больна совсем!

Крутицкий. Ну, ничего. Пройдет. (*Декламирует.*)

Ты знаешь, что союз сей верен до того…

Мамаева. Ах, подите вы! Скажите вашей жене, что я хотела ее подождать, да не могу, очень дурно себя чувствую. Ах! Прощайте!

Крутицкий. Да ничего. Что вы? У вас вид такой

здоровый. (*Декламирует.*)

Чтоб при сопернице в измене обличить
И ревностью его веселье отравить…

Мамаева. Прощайте, прощайте! (*Быстро уходит.*)

Крутицкий. Что ее кольнуло? Поди вот с бабами! Хуже. чем дивизией командовать. (*Берет тетрадь.*) Заняться на досуге. Никого не принимать. (*Уходит в кабинет.*)

Сцена вторая

ЛИЦА:
Глумов.
Глумова.
Мамаева.
Голутвин.

Комната первого действия.

Явление первое

Глумов выходит из боковой двери с дневником, потом Глумова.

Глумов. Насилу кончил. Интересный разговор с Крутицким записан весь. Любопытный памятник

для потомства! Чего стоило весь этот вздор запомнить! Я, кажется, в разговоре с ним пересолил немного. Еще молод, увлекаюсь, увлекаюсь. Ну, да это не мешает, кашу маслом не испортишь. Вот дядюшка у меня прелесть! Сам научил за женой ухаживать. И тут я увлекся. Это дело уж не шуточное! Тут надо держать ухо востро. Как мы от нее ни скрываем наше сватовство, а все же узнает; пожалуй, и помешает, хоть не из любви, так из ревности; женщины завистливы, любить-то не всякая умеет, а ревновать-то всякая мастерица.

Входит Глумова.

Маменька, вы к Турусиной?

Глумова. К Турусиной.

Глумов (*глядя на часы и строго*). Вы немного поздно, маменька! Туда надо с утра идти. И каждый день, каждый день. Так и живите там.

Глумова. Можно и надоесть.

Глумов. Ну, да уж что делать. Сойдитесь с прислугой, с гадальщицами с странницами, с приживалками; не жалейте для них никаких подарков. Зайдите теперь в город, купите две табакерки серебряных, небольших. Все эти приживалки табак нюхают зло и очень любят подарки.

Глумова. Хорошо, хорошо!

Глумов. Главное, блюдите все входы и выходы.

Чтоб ничто сомнительное ни под каким видом не могло проникнуть в дом. Для этого ублажайте прислугу: у прислуги чутье хорошее. Ну, прощайте! Торопите, чтоб поскорее парадный сговор.

Глумова. Говорят, ближе, как через неделю, нельзя. (*Уходит.*)

Глумов. Ух, долго! Измучаешься. Богатство само прямо в руки плывет; прозевать такой случай будет жалко, но грех непростительный. Садится к столу. Что-то я хотел добавить в дневник? Да расход записать. (*Записывает.*) Две табакерки приживалкам. (*Заслыша стук экипажа, подходит к окну.*) Это кто? Клеопатра Львовна. Что за чудо! Знает она или не знает? Сейчас увидим.

Явление второе

Глумов и Мамаева.

Глумов. Мог ли я ожидать такого счастия! Если бы все олимпийские боги сошли с неба…

Мамаева. Не горячитесь, я не к вам: я зашла вашу матушку навестить.

Глумов (*про себя*). Не знает. (*Громко.*) Она только вышла перед вами.

Мамаева. Жаль!

Глумов (*подавая стул*). Присядьте! Осчастливьте мою хату, осветите ее своим блеском.

Мамаева (*садясь*). Да, мы счастливим, а нас делают несчастными.

Глумов. Несчастными! Да вы знаете ли, какое это преступление? Даже огорчить-то вас чем-нибудь, и то надо иметь черную душу и зверское сердце.

Мамаева. Черную душу и зверское сердце! Да, вы правду говорите.

Глумов. Ни черной души, ни зверского сердца у меня нет, значит…

Мамаева. Что «значит»?

Глумов. Значит, я и не огорчу вас ничем.

Мамаева. Верить прикажете?

Глумов. Верьте!

Мамаева. Будем верить.

Глумов (*про себя*). Не знает. (*Громко.*) Как мне огорчить вас! Я, страстный, робкий юноша, давно искал привязанности, давно искал теплого женского сердца, душа моя ныла в одиночестве. С трепетом сердца, с страшной тоской я искал глазами ту женщину, которая бы позволила мне быть ее рабом. Я бы назвал ее своей богиней, отдал ей всю жизнь, все свои мечты и надежды. Но я был беден, незначителен, и от меня отворачивались. Мои мольбы, мои вздохи пропадали, гасли даром. И вот явились передо мною вы, сердце

мое забилось сильней прежнего: но вы не были жестокой красавицей, вы не оттолкнули меня, вы снизошли к несчастному страдальцу, вы согрели бедное сердце взаимностью, и я счастлив, счастлив, бесконечно счастлив! (*Целует руку.*)

Мамаева. Вы женитесь?

Глумов. Как! Нет… да… но!

Мамаева. Вы женитесь?

Глумов. То есть ваш муж хочет женить меня, а я не думал. Да я и не расположен совсем и не желаю.

Мамаева. Как он вас любит, однако! Против воли хочет сделать счастливым!

Глумов. Он хочет женить меня на деньгах. Не все же мне быть бедным писарьком, пора мне быть самостоятельным человеком, иметь значение. Очень естественно, он хочет мне добра; жаль только, что не справился о моих чувствах.

Мамаева. На деньгах? А невеста вам не нравится?

Глумов. Конечно, не нравится. Да разве может…

Мамаева. Так вы ее не любите?

Глумов. Да могу ли я! Кого же я буду обманывать: ее или вас?

Мамаева. Может быть, обеих.

Глумов. За что вы меня мучаете подозрениями? Нет, я вижу, это надо кончить.

Мамаева. Как кончить?

Глумов. Пусть дядюшка сердится, как хочет, я скажу ему решительно, что не хочу жениться.

Мамаева. Правда?

Глумов. Сегодня же скажу.

Мамаева. И прекрасно. Без любви что за брак!

Глумов. И вы могли подумать! И вам не совестно?

Мамаева. Теперь, когда я вижу такое бескорыстие, разумеется, совестно.

Глумов (*с жаром*). Я ваш, ваш, всегда ваш! Только уж вы ни слова: ни дядюшке, никому, я сам все устрою. А то вы себя выдадите.

Мамаева. Конечно, конечно.

Глумов. Вот что значит застенчивость! Я боялся сказать прямо дядюшке, что не хочу жениться, отделывался полусловам: посмотрим, увидим, к чему спешить? А вот что из этого вышло! Я дал повод подозревать себя в низости. (*Звонок.*) Кто это? Вот очень нужно! (*Идет к дверям.*)

Мамаева (*про себя.*) Он меня обманывает. Это ясно. Ему хочется успокоить меня, чтоб я не мешала.

Глумов. Клеопатра Львовна, войдите в мамень-

кину комнату, кто-то пришел ко мне.

Мамаева уходит. Входит Голутвин.

Явление третье

Глумов и Голутвин.

Глумов (*пристально глядя на Голутвина*). Ну-с?

Голутвин. Во-первых, так не принимают, а во-вторых, я устал, потому что на своих к вам. (*Садится.*)

Глумов. Что вам нужно от меня?

Голутвин. Пустяки. Minimum двадцать пять рублей; а больше сколько хотите, я не обижусь.

Глумов. Да, вот что! На бедность? Да кто же вам сказал, что я имею возможность давать такую щедрую милостыню?

Голутвин. Я не милостыню прошу, я за труд.

Глумов. За какой?

Голутвин. Я ходил за вами, наблюдал, собирал сведения, черты из жизни вашей, написал вашу биографию и приложил портрет. В особенности живо изобразил последнюю вашу деятельность. Так не угодно ли вам купить у меня оригинал, а то я продам в журнал. Вы видите, я прошу недорого, ценю себя невысоко.

Глумов. Меня не испугаете. Печатайте! Кто вас

читает?

Голутвин. Да ведь я и не тысячу рублей прошу. Я знаю, что большого вреда вам сделать не могу; ну, а все таки неприятность, скандальчик. Ведь лучше для вас, если б его не было совсем, ну, так и заплатите!

Глумов. Знаете, как называется ваш поступок?

Голутвин. Знаю. Уменье пользоваться обстоятельствами.

Глумов. Да честно ли это?

Голутвин. Вот этого не знаю. А все-таки, должно быть, честнее, чем посылать безымянные письма.

Глумов. Какие письма? Чем вы докажете?

Голутвин. Не горячитесь! Заплатите лучше; я вам советую.

Глумов. Ни копейки!

Голутвин. У вас теперь богатая невеста в виду. Что хорошего, прочитает. «Ах!» скажет… Не ссорьтесь со мной, заплатите! И мне-то хлеб, и вам покойнее. Право, дешево прошу.

Глумов. За что платить? Вы этак, пожалуй, повадитесь, в другой раз придете.

Голутвин. Честное слово. За кого вы меня принимаете?

Глумов (*указывая на дверь*). Прощайте.

Голутвин. А то ведь в следующем нумере.

Глумов. В каком хотите!

Голутвин. Пять рублей уступлю, деньги пустые.

Глумов. Пяти копеек не дам.

Голутвин. Ну, как хотите. Папироски нет у вас?

Глумов. Нет. Освободите меня от вашего посещения.

Голутвин. Сейчас. Отдохну немного.

Глумов. Вас Курчаев подослал?

Голутвин. Нет, мы с ним поругались. Он тоже гусь порядочный, вроде вас.

Глумов. Ну, довольно.

Голутвин (*встает и заглядывает в дверь*). Что это у вас там?

Глумов. Что за низость! Убирайтесь!

Голутвин. Любопытно.

Глумов. Убирайтесь, говорю вам.

Голутвин (*уходя*). Вы не умеете ценить чужого благородства оттого, что в вас своего нет. (*Идет в переднюю.*)

Глумов. Вот еще принесло! Ну, да пусть печатает! (*Идет за Голутвиным.*)

Голутвин (*из двери*). Два слова только.

Глумов уходит за ним в переднюю и затворяет

дверь. Выходит Мамаева.

Явление четвертое

Мамаева одна, потом Глумов.

Мамаева. Никого нет. Куда же он делся? (*Подходит к столу*). Это что? Дневник его. Ай, ай. как зло! Это ужасно! А вот о невесте! Я так и знала; он меня обманывает! Какой глупый человек! Ах, Боже мой! Это про меня-то! Мне дурно, я падаю… Низкий, низкий человек! (*Отирает слезы. Подумавши.*) Вот мысль! Он никак не подумает на меня! (*Прячет дневник в карман и отходит от стола.*) О, как я могу его унизить! Как мне приятно будет видеть его унижение! Когда все отвернутся от него, бросят, выкинут его, как негодную вещь, какой кроткой овечкой он приползет ко мне.

Входит Глумов.

Глумов. Это уж из рук вон!

Мамаева. Кто был у вас?

Глумов. Таких людей нельзя пускать ни под каким видом. Написал ругательную статью на меня и пришел за деньгами, а то, говорит, напечатаю.

Мамаева. Что вы за ужасы говорите! Это те же брави[4]. Кто он такой, я желаю знать?

---

[4] Примечания: 4
Наемные убийцы (фр. bravi)

Глумов. Зачем вам?

Мамаева. Ну, хоть для того, чтобы беречься его.

Глумов. Голутвин.

Мамаева. Где живет?

Глумов. Где день, где ночь. Адрес можно узнать в редакции. Да зачем вам?

Мамаева. А если кто меня обидит, вот и мщение! Другого нет у женщин; дуэли для нас не существуют.

Глумов. Вы шутите?

Мамаева. Конечно, шучу. Вы дали ему денег?

Глумов. Немного. Он ведь не дорог. Все-таки покойнее. Всякий скандал нехорош.

Мамаева. А если ему дадут больше?

Глумов. Кому же нужно! У меня врагов нет.

Мамаева. Значит, вы покойны. Ах, бедный! Как он вас расстроил! Так вы решительно отказываетесь от невесты?

Глумов. Решительно.

Мамаева. Да вы знаете ли, чего вы себя лишаете?

Глумов. Денег. Променяю ли я рай на деньги?

Мамаева. Да ведь много денег, двести тысяч.

Глумов. Знаю.

Мамаева. Кто же это делает?

Глумов. Тот, кто истинно любит.

Мамаева. Да ведь этого не бывает.

Глумов. Вот вам доказательство, что бывает.

Мамаева. Вы герой! Вы герой! Ваше имя будет записано в историю. Придите в мои объятия. (*Обнимает его.*) Ну, прощайте, душа моя! Жду вас сегодня вечером. (*Уходит.*)

Явление пятое

Глумов (*один*). Ну, как гора с плеч! Пора к невесте. (*Берет шляпу и смотрится в зеркало.*) Разумеется, все это мелочи; но когда дело-то рискованное, так всего боишься. Прав-то у меня на эту невесту и, главное, на это приданое никаких. Все взято одной энергией. Целый замок висит на воздухе без фундамента. Все это может лопнуть и разлететься в прах каждую минуту. Поневоле будешь пуглив и осторожен. Ну, да теперь мне бояться нечего! Клеопатру Львовну успокоил. Голутвину заплачено. Пока я все уладил. (*Нараспев.*) Все уладил, все уладил. Я с этими хлопотами рассеян стал. Шляпа, перчатки… Где перчатки, где перчатки? Вот они. (*Подходит к столу.*) В этом кармане бумажник, в этом дневник. (*Не глядя, шарит рукой по столу, а другую опускает в задний карман.*) Платок здесь. (*Оборачивается*

к столу.) Что такое? Где же? (*Открывает ящик.*) Куда я его засунул? Да что же это такое? Вот еще беда-то! Да нет, не может быть! Я его здесь положил. Я сейчас видел его. А-ах!.. Где же он? Нельзя, нельзя… (*Стоит молча.*) Падает, все падает… и я валюсь, в глубокую пропасть валюсь. Зачем я его завел? Что за подвиги в него записывал? Глупую, детскую злобу тешил. Нет, уж если такие дела делать, так нечего их записывать! Ну, вот и предоставил публике «Записки подлеца, им самим написанные». Да что же я сам-то себя ругаю! Меня еще будут ругать, все ругать. Кто же это? Он или она? Если он, я выкуплю; он на деньги пойдет; еще беда не велика. А если она? Ну, тут уж одно красноречие. Женское сердце мягко. Мягко-то оно мягко; зато уж ведь и злей-то женщины ничего на свете нет, если ее обидеть чувствительно. Страшно становится. Женщина отомстит ужасно, она может такую гадость придумать, что мужчине и в голову не придет. Ну, уж делать нечего! Бездействие хуже. Пойду прямо в пасть к гиене. (*Уходит.*)

Действие пятое

ЛИЦА:
Турусина.
Машенька.
Мамаев.
Мамаева.
Крутицкий.
Городулин.
Глумов.
Курчаев.
Григорий.

Большая терраса на даче, прямо сад, по сторонам двери.

Явление первое

Курчаев и Машенька выходят из гостиной.

Курчаев. Как все это быстро сделалось.

Машенька. Я сама не понимаю. Тут или самая тонкая интрига, или…

Курчаев. Чудо, вы думаете?

Машенька. Я ничего не думаю; я просто голову потеряла.

Курчаев. Я его знаю давно и ничего особенного в нем не замечал; кажется, человек хороший.

Машенька. Он явился каким-то неотразимым. Все за него. Все знакомые тетушки рекомендуют прямо его, приживалки во сне его видят каждую ночь, станут на картах гадать — выходит он, гадальщицы указывают на него, странницы тоже: наконец Манефа, которую тетушка считает чуть не за святую, никогда не видав его, описала наружность и предсказала минуту, когда мы его увидим. Какие же тут могут быть возражения? Судьба моя в руках тетушки, а она им совершенно очарована.

Курчаев. Значит, отдадут ему вас, отдадут деньги — добродетель награждается, порок наказан. С вашей стороны возражений нет, а про меня и говорить нечего: я должен в молчании удалиться. Еще с кем другим я бы поспорил, а перед добродетельным человеком я пас; я никогда этим не занимался.

Машенька. Тише! Они идут.

Явление второе

Те же, Турусина и Глумов.

Турусина садится в кресло. Глумов останавливается с левой стороны и кладет руку на спинку

кресла. Курчаев стоит справа, несколько потупившись, в самой почтительной позе. Машенька у стола перелистывает книгу.

Глумов. Когда я почувствовал призвание к семейной жизни, я взглянул на это дело серьезно. Жениться для того, чтобы взять деньги, это не в моих правилах — это была бы торговая сделка, а не брак — установление священное! Жениться по любви… но ведь любовь чувство преходящее, плотское! Я понял, что в выборе подруги на всю жизнь должно быть нечто особое, нечто роковое для того, чтобы брак был крепок. Мне нужно было найти кроткое женское сердце, связать его с своим неразрывными узами; я говорю: судьба, укажи мне это сердце, и я покорюсь твоим велениям. Я вам признаюсь, я ждал чего-то чудесного! Чудесного много на свете, только мы не хотим заметить его.

Турусина. Я сама то же говорю, но не все верят. (*Взглядывает на Курчаева, тот шаркает ногой и кланяется.*)

Глумов. Я ждал чуда и дождался чуда.

Курчаев. Скажите! Дождались. Это чрезвычайно любопытно.

Глумов. Я поехал к одной благочестивой женщине.

Курчаев. Не к Манефе ли?

Глумов. Нет, к другой. Я Манефы не знаю. Только я вошел, не успел промолвить слова, она, даже не видя лица моего — она сидела ко мне задом, — заговорила: «Не ты невест ищешь, они тебя ищут. Ступай зажмурившись и найдешь». Куда идти, говорю, укажите мне! «Как войдешь, говорит, в первый незнакомый дом, где ты ни разу не бывал, там и ищи, там тебя знают!» Я, знаете ли, сначала удивился и как будто не совсем поверил. Поутру она мне это сказала, вечером дядюшка привез меня к вам. Тут есть невеста, и тут меня знают.

Турусина. Да, много чудесного, но мало избранных…

Курчаев. У нас тоже, когда мы стояли в Малороссии, был случай с одним евреем.

Турусина. Вы бы пошли по саду погуляли.

Курчаев шаркает ногой и кланяется.

Глумов. Не ясно ли тут предопределение! Я даже не успел еще хорошенько осведомиться о чувствах моей невесты… (*Машеньке.*) Извините, Марья Ивановна! Я довольствовался только ее согласием.

Турусина. Ничего больше и не нужно.

Глумов. Если я, может быть, не совсем нравлюсь теперь, так понравлюсь после. Такой брак

должен быть счастлив и благополучен.

Курчаев. Непременно.

Глумов. В этом браке нет людского произвола; следовательно, нет и ошибки.

Турусина. Вот правила! Вот у кого надо учиться, как жить.

Входит Григорий.

Григорий. Иван Иваныч Городулин.

Турусина. Я пойду, оденусь потеплее, здесь, сыро становится. (*Уходит.*)

Машенька (*Курчаеву*). Пойдемте в сад.

Уходят в сад.

Входит Городулин.

Явление третье

Глумов и Городулин.

Городулин. Здравствуйте! Сколько вы денег берете?

Глумов. Кажется, двести тысяч.

Городулин. Как же вы это сделали?

Глумов. Да ведь вы же сами меня рекомендовали; мне Софья Игнатьевна сказывала.

Городулин. Когда же? Да, да, помню! Да как же вы поладили с Турусиной; ведь вы вольнодумец.

Глумов. Я с ней не спорю.

Городулин. А если она вздор говорит?

Глумов. Ее исправить невозможно. К чему же трудиться?

Городулин. Да, так вы вот как! Это хорошо. Вы теперь будете иметь состояние. Я вас в клуб запишу.

Глумов (*тихо*). На днях будет напечатан трактат Крутицкого.

Городулин. Неужели? Вот бы его отделать хорошенько!

Глумов. Это очень легко.

Городулин. Еще бы, с вашими способностями. Но вам неловко, вы еще очень молодой человек, можете себе повредить. Вас надо будет выгородить. Вы напишите, а уж я, так и быть, пожертвую собой, выдам за свое. Надо их, старых, хорошенько.

Глумов. Надо, надо. Ведь только посмотрите, что пишут.

Городулин. Осмеять надо. Я бы и сам, да некогда. Очень рад вашему счастью. Поздравляю! Нам такие люди, как вы, нужны. Нужны. А то, признаться вам, чувствовался недостаток. Дельцы есть, а говорить некому, нападут старики врасплох. Ну, и беда. Есть умные из молодых людей, да очень молодые, в разговор пустить нельзя, с ними разговаривать не станут. Хор-то есть, да

запевалы нет. Вы будете запевать, а мы вам подтягивать. Где Марья Ивановна?

Глумов. Вон, в саду гуляет.

Городулин. Пойду поболтать с ней. (*Идет в сад.*)

Глумов (*вслед*). Я сейчас вас догоню. Кажется, Мамаевы приехали. Как я ее урезонил! Мало того что дала согласие на мой брак, но и сама приехала. Вот это мило с ее стороны.

Входит Мамаева.

Явление четвертое

Глумов и Мамаева.

Мамаева. Ну что, нашли?

Глумов. Нет. Голутвин клянется-божится, что не брал. Даже слезы на глазах у него показались. Я, говорит, без куска хлеба останусь, а такой гнусности не сделаю.

Мамаева. Кому же взять! Потеряли как-нибудь.

Глумов. И представить себе не могу.

Мамаева. Найдет кто-нибудь и бросит.

Глумов. Хорошо, как бросит.

Мамаева. А чего же вы боитесь, разве там было что-нибудь такое?

Глумов. Ничего особенного! Сердечные из-

лияния, любовные заметки, страстные тирады, стишки: очи, кудри. Все то. что пишется про себя и что в чужих руках видеть стыдно.

Мамаева. Так у вас в дневнике очи да кудри? Ну, так не беспокойтесь, никто не обратит внимания. Таких дневников бездна. Что же вы здесь один? Где ваша невеста?

Глумов. Гуляет в саду с молодыми людьми. Вот вам доказательство, что я женюсь не по склонности. Мне нужны деньги, нужно положение в обществе. Не все же мне быть милым молодым человеком, пора быть милым мужчиной. Посмотрите, каким молодцом я буду, каких лошадей заведу. Теперь меня не замечают, а тогда все вдруг заговорят: «Ах, какой красавец появился!» — точно как будто я из Америки приехал. И все будут завидовать вам.

Мамаева. Отчего же мне?

Глумов. Оттого, что я ваш.

Мамаева. Да хорошо, если б можно было взять деньги без невесты, а то у вас будет молодая жена.

Глумов. Это не мешает. Я предложил руку невесте, карман для денег, а сердце остается вам.

Мамаева. Вы опасный человек, вас слушаешь, слушаешь, да, пожалуй, и поверишь.

Глумов. На каких рысаках я буду подъезжать к вам!

Мамаева. Подъезжайте, подъезжайте! А теперь подите к невесте, нехорошо оставлять ее. Если она вам и не нравится, так вы хоть для виду, из приличия полюбезничайте с ней!

Глумов. Вот вы сами посылаете.

Мамаева. Ступайте, ступайте!

Глумов уходит.

Как он торжествует! Погоди, мой друг, не рано ли ты вздумал радоваться!

Входит Курчаев.

Явление пятое

Мамаева и Курчаев.

Мамаева. Куда вы?

Курчаев. Домой-с.

Мамаева. Домой, такой печальный? Погодите, я догадываюсь.

Курчаев кланяется.

Погодите! я вам говорю.

Курчаев кланяется.

Ах, какой противный. Подождите! я вам говорю. Мне вас нужно.

Курчаев кланяется и остается.

Вы влюблены?

Курчаев кланяется и хочет уйти.

Вы ничего не знаете?

Курчаев. Позвольте мне удалиться.

Мамаева. Я поеду домой рано одна, вы меня проводите.

Курчаев кланяется.

Что вы всегда молчите! Послушайте. Будьте со мной откровенны: я приказываю вам, как тетка Вы влюблены, я знаю. Она вас любит? Ну!

Курчаев кланяется.

Я уверена, что любит. Не теряйте надежды. Мало ли какие сюрпризы бывают.

Курчаев. Во всяком другом случае я мог бы…

Мамаева. А здесь что же?

Курчаев. Софья Игнатьевна заявляет такие требования…

Мамаева. Какие?

Курчаев. Я никак не мог ожидать этого. Притом же это несовместно с моею службой.

Мамаева. Что несовместно?

Курчаев. Я и воспитанием не приготовлен…

Мамаева. Я вас не понимаю.

Курчаев. Софья Игнатьевна ищет для племянницы…

Мамаева. Ну?

Курчаев. Мог ли я этого ожидать? это так редко

бывает…

Мамаева. Что, что?

Курчаев. Я никогда и не слыхивал…

Мамаева. Да объяснитесь хорошенько.

Курчаев. Она ищет добродетельного человека.

Мамаева. Ну, так что ж?

Курчаев. Я никаких добродетелей не имею.

Мамаева. Как никаких? Что же, в вас только пороки?

Курчаев. Я и пороков не имею, я просто обыкновенный человек. Это странно искать добродетельного человека. Ну, не будь Глумова, где бы она взяла? во всей Москве только он один и есть. И чудеса с ним бывают, и видения он видит. Ну, позвольте вас спросить, как же можно этого требовать от всякого?

Мамаева. Погодите, погодите! Может быть, это еще и лучше не иметь добродетелей, но не иметь и пороков.

Входит из сада Машенька.

Явление шестое

Мамаева, Курчаев, Машенька, потом Турусина, Мамаев и Крутицкий.

Мамаева. Поздравляю вас! Вы с каждым днем все больше расцветаете. Очень рада вашему

счастию.

Машенька. В господине Глумове так много хороших качеств, что мне становится страшно, я не считаю себя достойною такого мужа.

Мамаева. Где же и искать добродетелей, как не в вашем доме? Вы можете пользоваться и наставлением и примером от вашей тетушки.

Машенька. Я ей очень благодарна! Добродетельной быть действительно очень недурно, но из всех добродетелей я могу похвалиться только одною: послушанием.

Входят Турусина, Мамаев и Крутицкий.

Мамаев (*Крутицкому*). В принципе я с вами согласен, но в подробностях нет.

Крутицкий. Да почему же?

Мамаев. Зачем непременно трагедия, отчего не комедия?

Крутицкий. А затем, что комедия изображает низкое, а трагедия высокое, а нам высокое-то и нужно.

Мамаев. Да, но позвольте! Рассмотрим этот предмет со всех сторон.

Отходят в глубину.

Турусина (*Мамаевой*). У нас теперь принято не верить ничему, это в моде; только и слышишь, зачем вы пускаете к себе Манефу, она обманщица.

Вот бы я и пригласила господ неверующих посмотреть, какая она обманщица. Я очень рада за нее, она теперь войдет в моду, получит большую практику. И мне Москва должна быть благодарна, что я нашла такую женщину, я этим много для Москвы сделала.

Мамаева. Но где же ваш жених? я его не вижу.

Турусина. Машенька, где Егор Дмитрич?

Машенька. Он в саду с Городулиным.

Турусина. По рекомендациям всех моих знакомых и по некоторым другим причинам, я уже ожидала, что встречу примерного молодого человека. Но когда я познакомилась с Егором Дмитричем покороче, тут я увидала, что он превзошел все мои ожидания.

Мамаев (*подходя*). Кто это превзошел все ожидания?

Турусина. Ваш племянник.

Мамаев. Я знал, что вы будете меня благодарить за него. Знаю, кому что нужно, знаю. Не стал сватать ему другую невесту, прямо к вам.

Турусина. Вам бы грешно было; вы знаете, я сирота.

Крутицкий. Да, Глумов может далеко пойти.

Мамаев. Разумеется, с нашею помощью.

Входит Григорий.

Турусина. И за что мне такое счастие? Разве за мои… (*Григорию.*) Что тебе? Разве за мои добрые дела?

Человек подает конверт.

Что это такое? (*Распечатывает.*) Какая — то газета! Должно быть, не ко мне.

Мамаева (*берет конверт*). Нет, к вам. Вот видите, адрес.

Турусина. Это, должно быть, ошибка. Кто принес?

Григорий. Почтальон-с.

Турусина. Где он?

Григорий. Он давно ушел-с.

Мамаев. Дайте-ка сюда. Я вам разберу и объясню. (*Берет конверт и вынимает из него печатный лист.*) Во-первых, газета, да и не газета, а только один лист из газеты, одна статья.

Турусина. Но ведь это не из редакции?

Мамаев. Нет, кто-нибудь из знакомых прислал.

Турусина. Что же такое там?

Мамаев. А вот сейчас рассмотрим. Статья называется: «Как выходят в люди».

Турусина. Это до нас не касается. Бросьте.

Мамаев. Зачем же? Надо посмотреть. Вот и портрет с подписью: «Муж, каких мало». Ба, ба,

ба! Да это Егор Дмитрич!

Мамаева. Покажите сюда, это интересно.

Мамаев отдает газету.

Турусина. Это какая-нибудь гнусная интрига, у него должно быть много врагов.

Мамаев косо взглядывает на Курчаева.

Курчаев. Вы не меня ли подозреваете? Я в живописи не мастер, только вас и умею рисовать.

Мамаев (*строго*). Да, да… Я знаю.

Мамаева. Тот, кто писал эту статью, должен очень хорошо знать Егора Дмитрича; тут все малейшие подробности его жизни, если это только не выдумки.

Мамаев (*вынимает из конверта тетрадь*). Вот еще что-то.

Крутицкий. Это его рука, я к ней пригляделся. Его, его! чем хотите отвечаю!

Мамаев. Да, это его рука, а вот подпись другой рукой: «В доказательство того, что все в статье справедливо, прилагается сей дневник». Что нам читать: статью или дневник?

Крутицкий. Лучше уж оригинал.

Мамаев. Начнем с той страницы, которая заложена закладкой. Тут счет. «Манефе двадцать пять рублей, ей же еще двадцать пять рублей… Дура набитая, а берется предсказывать! Учил,

учил, насилу наладил. Ей же послано: бутылка рому. Ей же дано на дому у меня пятнадцать рублей… Очень неприятно, что таким прибыльным ремеслом занимаются глупые люди. Любопытно узнать, что она возьмет с Турусиной? спросить после! Двум приживалкам Турусиной за гаданье на картах и за рассказыванье снов, в которых они должны видеть каждый день меня, по семи рублей с полтиной и по серебряной табакерке, десять рублей за обе».

Турусина (*нюхая спирт*). Всех прогоню, всех! Злой быть грешно и доброй глупо! Как жить после этого?

Мамаева. Не жалуйтесь, не вас одних обманывают.

Мамаев. «За три анонимных письма к Турусиной пятнадцать коп…»

Машенька. Так вот откуда письма-то, ma tante!

Турусина. Вижу, мой друг. Извини меня! Я очень дурно сделала, что взяла на себя заботу устроить твою судьбу; я вижу, что это мне и не по уму, и не по силам. Располагай собой как хочешь, я тебе мешать не буду.

Машенька (*тихо*). Мой выбор уж сделан, ma tante.

Турусина. И прекрасно! В нем ты не обманешь-

ся, потому что он ничего хорошего и не обещает.

Курчаев кланяется.

А этих приживалок я прогоню непременно.

Крутицкий. И заведете себе других?

Турусина. Не знаю.

Мамаев. Прикажете продолжать?

Турусина. Уж теперь продолжайте, все равно.

Мамаев. «Человеку Мамаева, за то, что привез ко мне своего барина обманом, пользуясь его слабостью к отдающимся внаймы квартирам, — этому благодетелю моему три рубля. Чувствую, что мало». Тут дальше разговор со мной, совсем не интересный. «Первый визит Крутицкому. Муза! Воспоем доблестного мужа и его прожекты. Нельзя довольно налюбоваться тобой, маститый старец! Поведай нам, поведай миру, как ты ухитрился, дожив до шестидесятилетнего возраста, сохранить во всей неприкосновенности ум шестилетнего ребенка?»

Крутицкий. Ну, довольно! это пашквиль… Кому приятно?..

Явление седьмое

Те же и Городулин, потом Глумов.

Мамаев (*не замечая Городулина*). Позвольте, тут я вижу несколько слов о Городулине. «Городу-

лин в каком-то глупом споре о рысистых лошадях одним господином назван либералом; он так этому названию обрадовался, что три дня по Москве ездил и всем рассказывал, что он либерал. Так теперь и числится». А ведь похоже!

Крутицкий. Похоже! Вы про себя-то прочтите, похоже ли написано.

Городулин. Вы находите, что похоже?

Мамаев. Ах, Иван Иваныч! я вас и не приметил. Посмотрите, как нас тут расписали.

Городулин. Кто же этот современный Ювенал?

Мамаев. Мой племянник Глумов.

Турусина. Отдайте, Иван Иванович, эту рукопись автору и попросите его, чтобы он удалился незаметно.

Входит Глумов, Городулин почтительно подает ему дневник.

Глумов (*принимая дневник*). Зачем же незаметно? Я ни объясняться, ни оправдываться не стану. Я только скажу вам, что вы сами скоро пожалеете, что удалили меня из вашего общества.

Крутицкий. Милостивый государь, наше общество состоит из честных людей.

Все. Да, да, да!

Глумов (*Крутицкому*). А вы сами, ваше превосходительство, догадались, что я нечестный

человек? Может быть, вы вашим проницательным умом убедились в моей нечестности тогда, как я взялся за отделку вашего трактата? Потому что какой же образованный человек возьмется за такую работу? Или вы увидали мою нечестность тогда, когда я в кабинете у вас раболепно восторгался самыми дикими вашими фразами и холопски унижался перед вами? Нет, вы тогда готовы были расцеловать меня. И не попадись вам этот несчастный дневник, вы долго, долго, всегда считали бы меня честным человеком.

Крутицкий. Оно конечно, но…

Глумов (*Мамаеву*). Вы, дядюшка, тоже догадались сами, а? Не тогда ли, как вы меня учили льстить Крутицкому?.. Не тогда ли, как вы меня учили ухаживать за вашей женой, чтобы отвлечь ее от других поклонников, а я жеманился да отнекивался, что не умею, что мне совестно? Вы видели, что я притворяюсь, но вам было приятно, потому что я давал вам простор учить меня уму-разуму. Я давно, умнее вас, и вы это знаете, а когда я прикинусь дурачком и стану просить у вас разных советов, вы рады-радехоньки и готовы клясться, что я честнейший человек.

Мамаев. Ну, что нам с тобой считаться — мы свои люди.

Глумов. Вас, Софья Игнатьевна, я точно обманул, и перед вами я виноват, то есть не перед вами, а перед Марьей Ивановной, а вас обмануть не жаль. Вы берете с улицы какую-то полупьяную крестьянку и по ее слову послушно выбираете мужа для своей племянницы. Кого знает ваша Манефа, кого она может назвать? Разумеется, того, кто ей больше денег дает. Хорошо, что еще попался я, Манефа могла бы вам сосватать какого-нибудь беглого, и вы бы отдали, что и бывало.

Турусина. Я знаю одно, что на земле правды нет, и с каждым днем все больше в этом убеждаюсь.

Глумов. Ну, а вы, Иван Иваныч?

Городулин. Я ни слова. Вы прелестнейший мужчина! Вот вам рука моя. И все, что вы говорили про нас, то есть про меня — про других я не знаю, — правда совершенная.

Глумов. Я вам нужен, господа. Без такого человека, как я, вам нельзя жить. Не я, так другой будет. Будет и хуже меня, и вы будете говорить: эх, этот хуже Глумова, а все-таки славный малый. (*Крутицкому*.) Вы, ваше превосходительство, в обществе человек, что называется, обходительный; но когда в кабинете с глазу на глаз с вами молодой человек стоит навытяжку и, униженно

поддакивая, после каждого слова говорит «ваше превосходительство», у вас по всем вашим членам разливается блаженство. Действительно честному человеку вы откажете в протекции, а за того поскачете хлопотать сломя голову.

Крутицкий. Вы слишком злоупотребляете нашею снисходительностию.

Глумов. Извините, ваше превосходительство! (*Мамаеву.*) Вам, дядюшка, я тоже нужен. Даже прислуга ни за какие деньги не соглашается слушать ваших наставлений, а я слушаю даром.

Мамаев. Довольно! Если ты не понимаешь, мой милый, что тебе здесь оставаться долее неприлично, так я тебе растолкую…

Глумов. Понимаю. И вам, Иван Иваныч, я нужен.

Городулин. Нужен, нужен.

Глумов. И умных фраз позаимствоваться для спича…

Городулин. И умных фраз для спича.

Глумов. И критику вместе написать.

Городулин. И критику вместе написать…

Глумов. И вам, тетушка, нужен.

Мамаева. Я и не спорю, я вас и не виню ни в чем.

Крутицкий (*Мамаеву*). Я, знаете ли, в нем сразу

заметил…

Мамаев (*Крутицкому*). И я сразу. В глазах было что-то.

Глумов. Ничего вы не заметили. Вас возмутил мой дневник. Как он попал к вам в руки — я не знаю. На всякого мудреца довольно простоты. Но знайте, господа, что, пока я был между вами, в вашем обществе, я только тогда и был честен, когда писал этот дневник. И всякий честный человек иначе к вам относиться не может. Вы подняли во мне всю желчь. Чем вы обиделись в моем дневнике? Что вы нашли в нем нового для себя? Вы сами то же постоянно говорите друг про друга, только не в глаза. Если б я сам прочел вам, каждому отдельно, то, что про других писано, вы бы мне аплодировали. Если кто имеет право обижаться, сердиться, выходить из себя, беситься, так это я. Не знаю кто, но кто-нибудь из вас, честных людей, украл мой дневник. Вы у меня разбили все: отняли деньги, отняли репутацию. Вы гоните меня и думаете, что это все — тем дело и кончится. Вы думаете, что я вам прощу. Нет, господа, горько вам достанется. Прощайте! (*Уходит.*)

Молчание.

Крутицкий. А ведь он все-таки, господа, что ни

говори, деловой человек. Наказать его надо; но, я полагаю, через несколько времени можно его опять приласкать.

Городулин. Непременно.

Мамаев. Я согласен.

Мамаева. Уж это я возьму на себя.

Горячее сердце*

Действие первое

ЛИЦА:

Павлин Павлиныч Курослепов, именитый купец.

Матрена Харитоновна, жена его.

Параша, дочь его от первой жены.

Наркис, приказчик Курослепова (по дому).

Гаврило, приказчик (по лавке).

Вася Шустрый, сын недавно разорившегося купца.

Девушка.

Силан, дальний родственник Курослепова, живет в дворниках.

Двор: направо от зрителей крыльцо хозяйского дома, рядом дверь в комнату, где живут приказчики; налево флигелек, перед ним звено забора, перед флигелем кусты, большое дерево, стол и скамья, на заднем плане ворота.

Летний вечер, восьмой час.

Действие происходит лет 30 назад в уездном городе Калинове.

Явление первое

Гаврило (сидит на скамье с гитарой), Силан (с метлой стоит подле).

Силан. Слышал ты, пропажа-то у нас?

Гаврило. Слышал.

Силан. Вот она где у меня сидит, пропажа эта. По этому случаю, теперь, братцы мои — господа приказчики, У меня чтоб аккуратно: в девятом часу чтоб дома, и ворота на запор. А уж это, чтоб по ночам через забор лазить, — уж это заведение надо вам бросить; а то сейчас за ворот, да к хозяину.

Гаврило. Чудак ты человек, да коли нужно.

Силан. Мое дело: было б сказано, а там, как знаете! Я теперь необнаковенно зол, вот как зол, беда!

Гаврило бренчит на гитаре. Силан молча смотрит ему на руки.

Доходишь?

Гаврило. Дохожу помаленьку. *(Поет и аккомпанирует себе)*:

Ни папаши, ни мамаши,
Дома нету никого,
Дома нету никого,

Полезай, милый, в окно.

Силан. Песня важная.

Гаврило. Песня расчудесная, в какой хочешь компании пой; только вот перебор… смотри хорошенько! Видишь? не выходит, да и на поди!

Силан. Я так полагаю, друг любезный, тебе это самое занятие лучше бросить.

Гаврило. Зачем же мне его бросать, дядюшка Силантий? Что я труда положил, ты то подумай!

Силан. Много тебе муки мученицкой за него.

Гаврило. Мука-то ничего, а убытку много, это верно; потому гитара струмент ломкий.

Силан. Ежели ее с маху да об печку, тут ей и конец.

Гаврило. Конец, братец ты мой, конец, плакали денежки.

Силан. Об печку? А? Придумал же хозяин экую штуку; как увидит эту самую гитару и сейчас ее об печку! Чудно!

Гаврило *(со вздохом)*. Не все об печку, дядюшка Силантий, две об голову мою расшиб.

Силан. И довольно это, должно быть, смешно; потому гул по всему дому.

Гаврило. Кому смешно, а мне…

Силан. Больно? Само собой, если краем…

Гаврило. Ну, хоть и не краем… Да уж я за этим

не гонюсь, голова-то у меня своя, не купленая; а за гитары-то я деньги плачу.

Силам. И то правда. Голова-то поболит, поболит, да и заживет; а гитару-то уж не вылечишь.

Гаврило. А что, не убираться ли мне! Как бы хозяин не увидал.

Силан. Нет! Где! Он спит по обнаковению. Ночь спит, день спит; заспался совсем, уж никакого понятия нету, ни к чему; под носом у себя не видит. Спросонков-то, что наяву с ним было, что во сне видит, все это вместе путает; и разговор станет у него не явственный, только мычит; ну, а потом обойдется, ничего.

Гаврило *(громко поет)*:

Ни папаши, ни мамаши,

Дома нету никого,

Курослепов выходит на крыльцо.

Силан. Постой-ка! Никак вышел! И то! Уходи от греха! Или стой! Притулись тут; он дальше крыльца не пойдет, потому ленив.

Гаврило прячется.

Явление второе

Курослепов и Силан.

Курослепов *(садится на крыльцо и несколько*

времени зевает). И с чего это небо валилось? Так вот и валится, так вот и валится. Или это мне во сне, что ль? Вот угадай поди, что такое теперь на свете, утро или вечер? И никого, прах их… Матрена! Ни дома, ни на дворе, чтоб им!.. Матрена! Вот как оно страшно, когда не знаешь, что на свете… Жутко как-то. И сон это я видел али что? Дров будто много наготовлено и мурины. Для чего, говорю, дрова? Говорят: грешников поджаривать. Неужто ж это я в аде? Да куда ж это все провалились? И какой это на меня страх сегодня! А ведь небо-то никак опять валится? И то валится… Батюшки! А теперь вот искры. И что, ежели вдруг теперь светопреставление! Ничего мудреного нет! Оченно это все может случиться, потому… вот смолой откуда-то запахло и пел кто-то диким голосом и звук струнный или трубный, что ли… Не поймешь.

Бьют часы городские.

Раз, два, три, четыре, пять *(считает, не слушая)*, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать, двенадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать.

Часы, пробив восемь, перестают.

Только? Пятнадцать!.. Боже мой, боже мой! Дожили! Пятнадцать! До чего дожили! Пятнадцать.

Да еще мало по грехам нашим! Еще то ли будет! Ежели пойти выпить для всякого случаю? Да, говорят, в таком разе хуже, а надо чтобы человек с чистой совестью… *(Кричит.)* Силантий, эй!..

Силан. Не кричи, слышу.

Курослепов. Где ты пропадаешь? Этакое дело начинается…

Силан. Нигде не пропадаю, тут стою, тут, тебя берегу.

Курослепов. Слышал часы?

Силан. Ну, так что ж?

Курослепов. То-то, мол! Живы еще все покудова?

Силан. Кто?

Курослепов. Домочадцы и все православные христиане?

Силан. Ты очувствуйся! Умойся поди!

Курослепов. Источники водные еще не иссякли?

Силан. Нет. С чего им?

Курослепов. А где же теперь жена?

Силан. В гости ушла.

Курослепов. Вот этакий теперь случай; она должна при муже.

Силан. Ну, уж это ее дело.

Курослепов. Какие гости! Нашла время! Страх

этакий.

Силан. Какой?

Курослепов. Всем в услышание пятнадцать-то часов било.

Силан. Ну, пятнадцать, не пятнадцать, а девятый час это точно… ужинать теперь бы самое время, да опять спать.

Курослепов. Ты говоришь, ужинать?

Силан. Да, уж это беспременно. Уж ежели что положение, без того нельзя.

Курослепов. Так это, значит, мы вечером?

Силан. Вечером.

Курослепов. И все, как бывает завсегда? Ничего такого?

Силан. Да чему же?

Курослепов. А я было как испугался! Мало ли я тут, сидя, чего передумал. Представилось мне, что последний конец начинается. Да ведь и то сказать, долго ли.

Силан. Что толковать.

Курослепов. В соборе отошли?

Силан. Сейчас только.

Курослепов *(запевает)*. Но, яко… Ты ворота запер?

Силан. Запер.

Курослепов. Пойти посмотреть за тобой.

Силан. Пройдись малость, лучше тебе…

Куреслепов. Да, «пройдись малость!» Все твое несмотрение. Везде свой глаз нужен. У меня две тысячи рублей пропало. Шутка! Наживи поди!

Силан. А ты спи больше, так и всего обворуют.

Куреслепов. Вам разве хозяйского жаль! Еще я с тобой… погоди.

Силан. Ну да, как же! Испугался! С меня взять нечего. Я свое дело делаю, я всю ночь хожу, опять же собаки… Я хоть к присяге. Не токма что вор, муха-то не пролетит, кажется. У тебя где были деньги-то?

Куреслепов. Не успел я в сундук-то убрать, под подушкой были, в чулки спрятаны.

Силам. Ну, кому же возможно, сам посуди! В чулки прячешь, — так вот ты чулки-то и допроси хорошенько!

Куреслепов. Рассказывай. А вот взять тебя за волосы, да, как бабы белье полощут…

Силан. Руки коротки!

Куреслепов. Опять же вина не наготовишься, целыми бутылями пропадает.

Силан. С того ищи, кто пьет, а меня бог миловал.

Куреслепов. Кто бы это украл?

Силам. Диковина!

Курослепов. Уж, кажется, кабы…

Силам. Ну, да уж и я бы…

Курослепов *(нараспев)*. Но, яко… Так ужинать ты говоришь?

Силан. Одно дело.

Курослепов. Пойти приказать.

Силан. А что ж ворота?

Курослепов. После. Ты у меня… *(Грозит.)* Слушай! Я, брат, ведь нужды нет, что ты дядя. А у меня, чтоб всё, двери, замки, чтоб все цело! Пуще глазу, как зеницу ока, береги. Мне из-за вас не разориться.

Силан. Ну, да уж и довольно! Сказано, и будет.

Курослепов. Где приказчики?

Силан. А кто их знает.

Курослепов. Ежели которого нет, не отпирай, пусть за воротами ночует; только хозяйку пусти. А ежели посторонних кого к ним, хоть знакомый-раззнакомый, ни под каким видом. У меня тоже дочь невеста. *(Уходит в дом.)*

Явление третье

Силан, Гаврило и потом Вася Шустрый.

Силан *(подходит к Гавриле)*. Вылезай, ничего!

Гаврило. Ушел?

Силан. Ушел. Вот теперь поужинает, да опять

спать. А отчего это он спит так? Оттого, что капитал! А ты вот тут майся всю ночь. Награбил денег, а я ему их стереги! Две тысячи рублей! Легко сказать! От твоего, говорит, несмотрения! Каково мне на старости лет попреки слушать! Уж, кажется, кабы мне этого вора! Уж я б ему!.. То есть, кажется, зубами бы загрыз! Ну, вот покажись теперь, вот так метлой прямо ему… *(Увидав Васю, который показывается на заборе.)* Постой, постой! Вот он! Погоди, дай ему с забору-то слезть. *(Бросается на него с метлой.)* Караул!

Вася. Что ты, что ты! Не кричи, я свой!

Силан *(ухватив его за ворот)*. И то, никак, свой! О, чтоб тебя! Перепугал. Ты зачем же через забор-то? Кара…

Вася. Не кричи, сделай милость. Я к вам посидеть, больно скучно дома-то.

Силан. Коли ты к нам честью, на то есть ворота.

Вася. Ворота заперты, а стучать — пожалуй, хозяин услышит.

Силан *(держит его за ворот)*. А где ж это показано, чтоб через забор? Ка… ка…

Вася. Сделай такую милость! Ведь ты меня знаешь; разве я в первый раз?

Силан. Знаю я, что ты и прежде через забор

лазил, да раз на раз не приходит; прежде взыску не было, а теперь вон две тысячи рублей пропало. Вот оно что значит вас баловать!

Вася. Ведь не я украл, ты сам знаешь, какое ж мне до этого дело!

Силан *(трясет его за ворот)*. Тебе нет дела! — Тебе нет дела! Стало быть, я один за всех отвечай! Вам никому нет дела. Все я! Вот ты у меня теперь запоешь! Караул!

Гаврило. Да полно ты его мытарить-то.

Силан *(Васе)*. Кланяйся в ноги!

Вася кланяется.

Вот так! *(Берет его за ворот.)*

Вася. Зачем же ты меня опять за ворот-то взял?

Силан. Для всякой осторожности. Что, отец здоров?

Вася. Слава богу!

Силан. Знаю ведь я, зачем ты пришел; да нет ее дома, в гости ушла.

Вася. Да пусти.

Силан *(держа его за ворот)*. В гости ушла, друг любезный. Вот погоди, придет. Вот придет, так повидайся, что ж!

Вася. Да полно тебе мудрить-то надо мной. Что ты меня за ворот-то держишь?

Силан. А вот что: не свести ли мне тебя к хозя-

ину покудова?

Вася. Силантий Иваныч, есть ли на тебе крест?

Силан *(отпускает)*. Ну, бог с тобой. Сиди здесь! Только чтоб честно и благородно; а ежели что, сейчас руки назад и к хозяину. Понял?

Вася. Что же мне понимать-то?

Силан. Ну, то-то же. Мне было б сказано. *(Отходит и стучит в доску.)*

Гаврило. Что тебя не видать давно?

Вася. Недосужно было. Ну, Гаврик, какие я чудеса видел, так, кажется, всю жизнь не увидишь!

Гаврило. Где ж это?

Вася. У Хлынова был.

Гаврило. У подрядчика?

Вася. Да. Он уж теперь подряды бросил.

Гаврило. Разве у тебя уж делов теперь нет никаких?

Вася. Какие дела! Все врозь ползет, руки отваливаются. В люди итти не хочется от этакого-то капиталу; я тоже человек балованый…

Гаврило. А ведь поневоле пойдешь, как есть-то нечего будет.

Вася. Ну, там что бог даст, а покуда погуляю.

Гаврило. Что же ты, какие диковины видел у Хлынова?

Вася. Чудеса! Он теперь на даче живет, в роще

своей. И чего-чего только у него нет! Б саду беседок, фонтанов наделал; песельники свои; каждый праздник полковая музыка играет; лодки разные завел и гребцов в бархатные кафтаны нарядил. Сидит все на балконе без сертука, а медали все навешаны, и с утра пьет шампанское. Круг дому народ толпится, вес на него удивляются. А когда народ в сад велит пустить, поглядеть все диковины, и тогда уж в саду дорожки шампанским поливают. Рай, а не житье!

Гаврило. А ведь из крестьян недавно.

Вася. Ум такой имеет в себе. Уж каких-каких только прихотей своих он не исполняет! Пушку купил. Уж чего еще! Ты только скажи! А? Пушку! Чего еще желать на свете? Чего теперь у него нет? Все.

Гаврило. Да на что же пушку?

Вася. Как на что, чудак! По его капиталу необходимая это вещь. Как пьет стакан, сейчас стреляют, пьет другой — стреляют, чтобы все знали, какая честь ему передо всеми. Другой умрет, этакой чести не дождется. Хоть бы денек так пожил.

Гаврило. Где уж нам! Ты моли бога, чтобы век работа была, чтобы сытым быть.

Вася. Еще барин с ним. Он его из Москвы привез, за сурьезность к себе взял и везде возит с

собой для важности. Барин этот ничего не делает и все больше молчит, только пьет шампанское. И большое ему жалованье положено за вид только за один, что уж очень необыкновенные усы. Вот тоже этому барину житье, умирать не надо.

Гаврило. Эх, брат Вася! Кому ты позавидовал! Нынче он этого барина шампанским поит, а завтра, может быть, надругается да прогонит. Хорошо, как деньжонки есть, а то и ступай пешком в Москву. А ты, хоть с грошом в кармане, да сам себе господин.

Вася. А то у него еще другой атютант есть, здешний мещанин, Алистарх.

Гаврило. Знаю.

Вася. Этот только на выдумки: как что сделать почуднее, выпить повеселее, чтоб не все одно и то же. Машины Хлынову делает, флаки красит, фонтаны в саду проводит, цветные фонари клеит; лебедя ему сделал на лодке на косу, совсем как живой; часы над конюшней на башне поставил с музыкой. Этот не пьет и денег берет немного; зато ему и уважения меньше. «У тебя, говорит, золотые руки, наживай капиталы от меня!» — «Не хочу, говорит Листарх, и твой-то капитал весь несправедливый». — «Как ты, говорит, смеешь грубить, я тебя прогоню». Алистарх ему прямо

так: «Гони, говорит, не заплачу, по мою жизнь вас, дураков, хватит». И так будто побранятся. Только Алистарх его ничего не боится, грубит ему и ругает в глаза. А Хлынов его за это даже любит; да и то надо сказать, денег у Хлынова много, а жить скучно, потому ничего он не знает, как ему эти деньги истратить, чтоб весело было. «Коли, говорит, не будет у меня Листарха, стану их так просто горстями бросать». Вот ему Алистарх и нужен, чтоб думать за него. А коли что сам выдумает, все нескладно. Вот недавно придумал летом в санях ездить по полю. Тут недалеко деревня; собрали двенадцать девок и запрягли их в сани. Ну, что за удовольствие! На каждую девку дал по золотому. А то вдруг на него хандра нападет: «Не хочу, говорит, пьянствовать, хочу о своих грехах казниться». Позовет духовенство, посадит всех в гостиной по порядку, кругом, на кресла и начнет потчевать; всем в ноги кланяется; потом петь заставит, а сам сидит один посреди комнаты и горькими слезами плачет.

Гаврило. Что ж ты у него делал?

Вася. Меня Алистарх позвал. Они теперь эту самую игру-лодку всю по-своему переделали. Лодка настоящая и ездят по пруду кругом острова, а на острову закуска и вина приготовлены, а Алистарх

хозяином, одет туркой. Три дня кряду эту игру играли, надоела.

Подходит Наркис.

Явление четвертое

Те же и Наркис.

Наркис. Я что ж, я, пожалуй, с вами вместе сяду, нужды нет, что вы мне не компания. *(Садится.)*

Вася *(не обращая на него внимания)*. Как разбойники раза два кругом острова объедут, и все атаман глядит в трубу подзорную, и вдруг закричит не своим голосом, и сейчас причаливают, и грабить, а хозяин кланяется и всех потчует.

Наркис. Какие это такие разбойники проявились и откудова? Мне это чтобы сейчас было известно.

Вася *(не слушая)*. И хозяин говорит по-турецки, итак похоже, вот как быть надо.

Наркис. Есть тоже, которые разговаривать не хотят, но тоже и бьют их за это довольно порядочно.

Вася. А одеты все в бархат, настоящий, венецейский.

Наркис *(вынимает красный фуляровый платок, надушенный, и размахивает им)*. Может, и другой кто одеться-то умеет, так что и купцу в

нос бросится.

Гаврило. Поди ты с своими духами!

Наркис *(показывая перстень)*. И супиры тоже можем иметь, что, которые купеческие дети есть, так, может, и не видывали. А про разбойников про ваших все узнается, потому прикрывать их не показано.

Вася. Да, может, ты сам разбойник-то и есть, кто тебя знает!

Наркис. И за такие слева тоже суд с вашим братом короткий.

Вася. Я когда в Москве был, «Двумужиицу» видел, так там с лодки прямо так из ружья и стреляют. Уж на что лучше.

Наркис. Я вот поеду в Москву, я погляжу, я погляжу, так ли ты говоришь.

Вася. Уж этому актеру трепали, трепали в ладоши, — страсть!

Наркис. Ты погоди врать-то, вот я погляжу, еще, может, твоя неустойка выдет.

Вася. А это купец, а не актер, а больше на разбойника похож.

Наркис *(встает)*. Умного у вас разговору, я вижу, нет, слушать мне нечего. А между прочим, надобно сказать, я сам скоро в купцы выду. *(Входит во флигель.)*

Гаврило. А ты послушай, какую я песню наладил.

Вася. Валяй!

Гаврило *(поет с гитарой)*.

Ни папаши, ни мамаши,
Дома нету никого,
Дома нету никого,
Полезай, милый, в окно!

Силан *(издали)*. Тише ты, никак хозяин…

Куруслепов выходит на крыльцо.

Гаврило *(не слушая, с большим азартом)*.

Дома нету никого,
Полезай, милый, в окно!
Милый ручку протянул,
Казак плеткой стеганул.
На то сени, на то двери,
На то новы ворота.

Куруслепов *(сходит с крыльца)*. Гаврюшка! Вот кто гудит-то. Какое такое столпотворение ты тут на дворе заводишь!

Гаврило *(Васе)*. Батюшки! Бери скорей гитару да полезай в кусты.

Вася берет от него гитару и лезет в кусты.

Курослепов. Кому я говорю! Глух ты, что ли! Иди сейчас сюда на глаза и с бандурой!

Гаврило. Гитары нет у меня, Павлин Павлиныч, провалиться на месте, нет-с, это я так…

Курослепов. Как так? Как так, мошенник!

Гаврило. Я, Павлин Павлиныч, на губах, право, на губах.

Курослепов. Поди сюда, поди сюда, говорят тебе!

Вася убегает с гитарой во флигель.

Силан. Ты, братец, иди, коли велят; уж делать, стало быть, нечего.

Гаврило. Что же такое! Я иду-с!

Силан. Ну, маленько потреплет, уж без того нельзя, на то он хозяин.

Гаврило идет нога за ногу. Курослепов обходит его и хочет к нему подойти. Гаврило отступает, потом бежит на крыльцо, Курослепов за ним в дом. Стучат в калитку. Силан отпирает. Входят Матрена и Параша. Силан, впустив их, уходит за ворота.

Явление пятое

Матрена, Параша, потом Гаврило.

Матрена *(идет к крыльцу, из дому выбегает Гаврило, растрепанный, и сталкивается с ней).*

Ой! Пострел! Под ребро! Под самое — под сердце! Я ж тебя, погоди! *(Ловит его за руку.)*

Параша смеется.

Ты чему смеешься, чему?

Параша. Захотела смеяться и смеюсь.

Матрена. Эко зелье! Эко зелье! *(Идет к Параше и ведет Гаврилу за собой, тот упирается.)*

Параша. Не подходи лучше, нехорошо тебе будет.

Матрена. Запру тебя, в чулан запру, вот и весь раз говор.

Параша. Нет, не весь, много у нас с тобой разговору будет. *(Уходит.)*

Матрена. Эко зелье зарожденное! *(Гавриле.)* А ты откуда взялся? Уж ты на людей метаться стал! Ишь ты какой всклоченный! Трепали тебя, да, должно быть, мало.

Гаврило. Что ж, хорошо, что ль, трепать людей-то! Есть чем хвастаться! Ведь это все отчего людей-то треплют?

Матрена. Отчего? Ну, говори, отчего?

Гаврило. От необразования.

Матрена. От необразования? Тебя, видно, мало? Пойдем, я еще к хозяину сведу.

Гаврило. Да что вы в самом деле! Пустите! *(Вырывается.)* Я уж и так топиться от вас хочу.

Матрена. И чудесно! Вон и Парашка хочет топиться, так уж вы вместе, и нас-то развяжете.

Гаврило. Ну, я-то уж таковский, а за что вы на дочь-то? Никакого ей житья от вас нет. Это даже довольно подло с вашей стороны.

Матрена. Ах ты, тварь ползущая! Смеешь ли ты так хозяйке?

Гаврило. Ведь это в вас невежество ваше так свирепствует.

Матрена. Молчи! Сейчас я тебя всех твоих прав решу.

Гаврило. Каких прав? У меня и нет никаких. А что мне молчать? Я по всему городу кричать буду, что вы над падчерицей тиранствуете. Вот вы и знайте! *(Уходит.)*

Входит Наркис.

Явление шестое

Матрена и Наркис.

Матрена. Это ты, Наркис?

Наркис *(грубо)*. Нет, не я.

Матрена. Как ты можешь со мной так неучтиво! Хозяйка желает с тобой нежно разговаривать, — есть ее такое теперь желание…

Наркис. Вообразите! И что еще будет?

Матрена. Ты, как есть, мужик неотесанный.

Наркис. И то мужик, я себя барином и не ставлю. Что ты меня из кучеров-то приказчиком произвела, экономом, — ты думаешь, что я сейчас барином и стал для тебя, как же! Ты выправь мне такой лист, чтобы был я, как есть, природный дворянин, да тогда учтивости от меня и спрашивай.

Матрена. Что ты выдумываешь-то, чего невозможно!

Наркис. А невозможно, я и так живу. Как был невежа, облом и грубиян, так, значит, и остался. И ничего я об этом не беспокоюсь, потому что мне и так оченно хорошо.

Матрена. Что ты какой неласковый сегодня?

Наркис. А вот неласковый, так и неласковый.

Матрена. Да отчего?

Наркис. Так, ни от чего. Про разбойников много слышал.

Матрена. Про каких?

Наркис. Объявились в наших местах… человек полтораста. Шайками по лесам и по воде на лодках.

Матрена. Да врут, чай, поди.

Наркис. Кто их знает; может, и врут.

Матрена. Что ж, ты боишься, что ли?

Наркис. Ну, вот еще выдумала! Стану я бояться, очень нужно!

Матрена. Ты что вышел-то? Тебе не нужно ль чего?

Наркис. Да, мне теперича очень требуется…

Матрена. Чего?

Наркис. Денег.

Матрена. Каких денег, что ты!

Наркис. Таких денег, — обыкновенных, государственных, а ты думала, игрушечных? Так я не маленький, мне не играть ими. Тысячу рублей давай!

Матрена. Да опомнись ты! Давно ли…

Наркис. Оно точно, что недавно; только, коли я требоваю, так, стало быть, нужно. Потому как я в купцы выходить хочу вскорости и беспременно, так, значит, чтоб мне была тысяча рублей.

Матрена. Варвар ты, варвар!

Наркис. Это точно, я варвар; это ты правду. Жалости во мне на вас нет.

Матрена. Да ведь ты меня грабишь.

Наркис. А для чего ж мне тебя не грабить, коли я могу. Что же я теперича за дурак, что мне от своего счастья отказываться!

Матрена. Да, ненасытная твоя душа, ужли тебе мало еще?

Наркис. Мало не мало, а коли есть мое такое желание, так, значит, подавай: разговаривать

нечего. Ежели да мне с тебя денег не брать, это будет довольно смешно.

Матрена. Ах ты… Боже мой милостивый… что мне с тобой делать!

Наркис. Уж теперь шабаш, ничего не поделаешь! Ты бы об этом прежде…

Матрена. Где ж я тебе денег возьму?

Наркис. А это не моего рассудка дело.

Матрена. Да подумай ты сам, дубовая башка, сам подумай!

Наркис. Вот еще, очень нужно! Мне какое дело! Стану я для тебя голову ломать, как же! Думают-то петухи индейские. Я весь век прожил не думавши; а как сейчас что в голову придет, вот и конец.

Матрена. Кровопивец ты, окаянный! *(Хочет итти.)*

Наркис. Постой, погоди. Не надо мне денег. Пошутил.

Матрена. Вот так-то лучше.

Наркис. А чтобы падчерицу за меня замуж, Парашу.

Матрена. Ну, не пес ты после этого?

Наркис. И денег, и приданого, всего как следует.

Матрена. У! Проклятый! Выколоть тебе бель-

мы-то твои завистливые.

Наркис. И сделай такую милость, свадьба чтоб была скорее. А то я таких делов наделаю, что и не расчерпаешь. Чего душа моя желает, чтоб это было! И пожалуйста, ты меня не задерживай. Вот тебе и сказ. Больше я с тобой разговаривать теперь не в расположении. *(Уходит.)*

Матрена. Попутал меня, ох, попутал! Накинула я себе петлю на шею! Вымотал он всю мою душеньку из бела тела. Ноженьки-то мои с места не двигаются. Точно меня громом ошарашил! Кабы эту чаду где бревном придавило, кажется бы в Киев сходила по обещанию.

Выходит Параша.

Явление седьмое

Матрена и Параша.

Матрена. Куда ты, куда выскочила?

Параша. Иди скорей, батюшка зовет.

Матрена. Ступай передом, я за тобой.

Параша. Я не барабанщик, впереди тебя ходить. *(Сходит с крыльца.)*

Матрена. Куда норовишь? Не бывать же по-твоему, не пущу я тебя ночью шляться по двору.

Параша. Ну, так ведь уйду же и на улицу, коли ты стала разговаривать. И не зачем уйти, а уйду.

Иди домой, кличет, говорят тебе.

Матрена. Разорвусь пополам, а на своем поставлю.

Параша. Вынула ты из меня все сердце, вынула. Что тебе нужно от меня? *(Становится прямо против нее.)*

Матрена. Как что нужно, как что нужно? Первый мой долг, я тебя соблюдать должна!

Параша. Себя соблюдай!

Матрена. Ты мне не указ.

Параша. И ты мне не указ.

Матрена. Мне за тебя, за дрянь, да перед отцом отвечать…

Параша. Нечего тебе придумывать-то, чего быть не может. Не в чем тебе отвечать, сама ты знаешь; только ненависть тебя разжигает. Что, я мешаю тебе, что ли, что на дворе погуляю. Ведь я девушка! Только и отрады у нас, что летним делом погулять вечерком, подышать на воле. Понимаешь ли ты, на воле, на своей воле, как мне хочется.

Матрена. Знаю я, зачем ты вышла-то; недаром Наркис-то говорил.

Параша. Ты б стыдилась об Наркисе-то и поминать.

Матрена. Так вот нет же…

Голос Курослепова: «Матрена!»

О! Чтоб вам пусто было! Измучили вы меня! В гроб вы меня вгоните!

Параша. За что ты надо мной тиранствуешь? У зверя лесного, и у того чувство есть. Много ль у нас воли-то в нашей жизни в девичьей! Много ли времени я сама своя-то? А то ведь я — все чужая, все чужая. Молода — так отцу с матерью работница, а выросла да замуж отдали, так мужнина, мужнина раба беспрекословная. Так отдам ли я тебе эту волюшку, дорогую, короткую. Все, все отнимите у меня, а воли я не отдам… На нож пойду за нее!

Матрена. Ах, убьет она меня! Ах, убьет!

Курослепов выходит на крыльцо, Силан в ворота.

Явление восьмое

Матрена, Параша, Курослепов, Силан.

Курослепов. Матрена! Что тебя не дозовешься!

Матрена. Уйми дочь-то, уйми! Зарезать меня хочет.

Параша. Нечего меня унимать, я и так смирна.

Матрена. Попала я в семейку, в каторжную. Лучше бы я у родителя в девичестве пребывала.

Курослепов. Эк, хватилась!

Матрена. Там меня любили, там нежили, там и по сю пору обо мне убиваются.

Силан. Ты кричи шибче! И так почитай весь город у ворот, не пожар ли, мол.

Курослепов. А ты метлой-то ее!

Матрена *(Силану)*. И сохрани тебя господи! Что я с тобой… *(Курослепову.)* Ты дочь избаловал, ты! У вас один умысел, погубить вы меня хотите. Вели дочери покориться! С места не сойду.

Курослепов. Прасковья, покорись!

Параша. Да в чем покориться-то? Я по двору погулять вышла, а она меня гонит. Что она обо мне думает? Зачем она меня порочит? Я честней ее! Мне это обида. Горькая обида!

Матрена. Говори, лохматый шут…

Курослепов. Метлой-то ее!

Матрена. Тебя метлой-то! Говори, заспанные твои буркалы: мое дело беречь ее?

Параша. Нечего того беречь, кто сам себя бережет! Не говори ты мне таких слов!

Курослепов. Ну, что тут еще! Что за базар! Покорись, тебе говорят.

Параша. И ты говоришь: покорись? Ну, изволь… Я покорюсь. *(Матрене.)* Я покорюсь, только вот я тебе при отце говорю — это в последний раз, — запомни ты мои слова! Вперед я, когда хочу

и куда хочу, туда и пойду. А коли ты меня станешь останавливать, так докажу я вам, что значит у девки волю отнимать. Слушай ты, батюшка! Не часто мне с тобой говорить приходится, так уж скажу я тебе зараз. Вы меня, девушку, обидели. Браниться мне с тобой совесть не велит, а молчать силы нет; я после хоть год буду молчать, а тебе вот что скажу. Не отнимай ты моей воли дорогой, не марай мою честь девичью, не ставь за мной сторожей! Коли я себе добра хочу, — я сама себя уберегу, а коли вы меня беречь станете… Не уберечь вам меня! *(Уходит.)*

Курослепов уходит за ней, потупя голову. Матрена за ним, ворчит и бранится про себя.

Силан *(стучит в доску)*. Посматривай!

Действие второе

ЛИЦА:
Куруслепов.
Матрена.
Параша.
Серапион Мардарьич Градобоев, городничий.
Вася Шустрый.
Гаврило.
Силан.
Сидоренко, полицейский унтер-офицер, он же и письмоводитель городничего.
Жигунов, будочник.
Девушка.
Рабочие Куруслепова.

Декорация первого действия. 10-й час. К концу действия на сцене темно.

Явление первое

Градобоев, Силан, Сидоренко и Житунов входят в ворота.

Градобоев. Что, человек божий, хозяева не спят еще?

Силан. Надо быть, нет; ужинать хотят.

Градобоев. Что поздно?.

Силан. Да все раздор; бранятся подолгу, вот и опаздывают.

Градобоев. А как дело?

Силан. Мне что! Говори с хозяином!

Градобоев. Сидоренко, Жигунов, вы подождите меня у ворот.

Сидоренко и **Жигунов**. Слушаем, ваше высокоблагородие.

Градобоев уходит на крыльцо.

Сидоренко *(Силану, подавая табакерку)*. Березинского!

Силан. С золой?

Сидоренко. Малость.

Силан. А стекла толченого?

Сидоренко. Кладу по пропорции.

Силан. Что нюхать, что нюхать, братец ты мой? Стар стал, ничего не действует; не доходит. Ежели ты мне, — так стекла клади больше, — чтоб он бодрил… встряхивал, — а это что! Нет, ты мне, чтоб куражил, до мозгов доходил.

Уходят в ворота. С крыльца сходит Параша.

Параша. Тихо… Никого… А как душа-то тает. Васи нет, должно быть. Не с кем часок скоротать, не с кем сердечко погреть! *(Садится под дере-*

вом.) Сяду я да подумаю, как люди на воле живут, счастливые. Эх, да много ль счастливых-то? Уж не то чтобы счастия, а хоть бы жить-то полюдски… Вон звездочка падает. Куда это она? А где-то моя звездочка, что-то с ней будет? Неужто ж опять терпеть? Где это человек столько терпенья берет? *(Задумывается, потом запевает)*:

Ах ты, воля, моя воля, воля дорогая,
Воля дорогая, девка молодая —
Девка по торгу гуляла…

Входят Вася и Гаврило.

Явление второе

Параша, Вася, Гаврило.

Гаврило. Погулять вышли?

Параша. Погулять, Гаврюша. Дома-то душно.

Гаврило. Теперь самое такое время, что гулять-с, и для разговору с девушками это время самое для сердца приятное. Так-с, точно мечта какая али сон волшебный-с. По моим замечаниям, вы, Прасковья Павлиновна, меня любить не желаете-с?

Параша. Послушай, Гаврюша, ведь этак можно и надоесть! Который ты раз меня спрашиваешь! Ведь ты знаешь, что я другого люблю, так чего

ж тебе?

Гаврило. Так-с. Я полагаю, что мне и напредки в ожидании не быть-с.

Параша. А напредки, голубчик, что будет, один бог знает; разве я в своем сердце вольна? Только, пока я Васю люблю, уж тебе нечего приставать. Ты погляди-ка лучше, не подошел бы кто, мне с ним поговорить нужно…

Гаврило. Оченно могу-с. Потому желаю от всего моего чувствительного сердца хотя даже этакой малостью быть вам приятным. *(Отходит.)*

Параша. Ну, вот молодец! *(Васе.)* Вася, когда же?

Вася. Дела-то у нас с тятенькой порасстроились.

Параша. Знаю. Да ведь вы живете; значит, жить можно; больше ничего и не надобно.

Вася. Так-то так…

Параша. Ну, так что ж? Ты знаешь, в здешнем городе такой обычай, чтобы невест увозить. Конечно, это делается больше по согласию родителей, а ведь много и без согласия увозят; здесь к этому привыкли, разговору никакого не будет, одно только и беда: отец, пожалуй, денег не даст.

Вася. Ну, вот видишь ты!

Параша. А что ж за важность, милый ты мой! У

тебя руки, у меня руки.

Вася. Я уж лучше осмелюсь да так приду когда-нибудь, отцу твоему поклонюсь в ноги.

Параша. Вася, голубчик, терпенья моего нехватает.

Вася. Да как же быть-то, право, сама посуди.

Параша. Ты по воле ходишь, а я-то, голубчик, подумай, что терплю. Я тебе говорю по душе: нехватает моего терпенья, нехватает!

Вася. Уж ты малость-то, Параша, потерпи еще для меня!

Параша. Вася, нешуточные это слова, — пойми ты! Видишь ты, я дрожу вся. Уж коли я говорю, что терпенья нехватает, — значит, скоро ему конец.

Вася. Ну, полно! Что ты! Не пугай!

Параша. Что ты пуглив больно! Ты вот слов моих испугался, а кабы ты в душу-то мою заглянул, что там-то! Черно, Вася, черно там. Знаешь ли ты, что с душой-то делается, когда терпенью конец приходит? *(Почти шопотом.)* Знаешь ли ты, парень, какой это конец-то, где этот конец-то терпенью?

Вася. Да видит бог!.. Ну, вот, что ж мне! Нешто не жаль, ты думаешь!

Параша *(жмется к нему)*. Так держи ты меня, держи меня крепче, не выпускай из рук. Конец-то

терпенью в воде либо в петле.

Вася. Да вот, вот, как маленько с делами управлюсь, так сейчас к отцу твоему, а то, пожалуй, и так, без его ведома.

Параша. Да когда ж, когда? День-то скажи! Уж я так замру до того дня, заморю сердце-то, зажму его, руками ухвачу.

Вася. Да вот как бог даст. Получения тоже есть, старые должишки; в Москву тоже надо съездить…

Параша. Да ты слышал, что я тебе сказала? Что ж, я обманываю тебя, лишнее на себя наговариваю? *(Плачет.)*

Вася. Да бог с тобой! Что ты!

Параша. Слышал ты, слышал? Даром я, что ль, перед тобой сердце-то из груди вынимала? Больно ведь мне это, больно! Не болтаю я пустяков! Какой ты человек? Дрянной ты, что ли? Что слово, что дело — у меня все одно. Ты меня водишь, ты меня водишь, — а мне смерть видимая. Мука нестерпимая, часу мне терпеть больше нельзя, а ты мне: «Когда бог даст; да в Москву съездить, да долги получить»! Или ты мне не веришь, или ты дрянь такая на свет родился, что глядеть-то на тебя не стоит, не токмо что любить.

Вася. Ну, что ж ты так? Вот вдруг…

Параша. За что ж это, господи, наказанье такое! Что ж это за парень, что за плакса на меня навязался! Говоришь-то ты, точно за душу тянешь. Глядишь-то, точно украл что. Аль ты меня не любишь, обманываешь? Видеть-то тебя мне тошно, только ты у меня духу отнимаешь. *(Хочет итти.)*

Вася. Да постой, Параша, постой!

Параша *(останавливается)*. Ну, ну! Надумался, слава богу! Пора!

Вася. Что ж ты так в сердцах-то уходишь, нешто так прощаются? Что ты в самом деле! *(Обнимает ее.)*

Параша. Ну, ну, говори. Милый ты мой, милый!

Вася. Когда ж мне к тебе еще побывать-то? Потолковали бы, право, потолковали.

Параша *(отталкивает его)*. Я думала, ты за делом. Хуже ты девки; пропадай ты пропадом! Видно, мне самой об своей голове думать! Никогда-то я, никогда теперь на людей надеяться не стану. Зарок такой себе положу. Куда я сама себя определю, так тому и быть! Не на кого, по крайности, мне плакаться будет. *(Уходит в дом.)*

Гаврило подходит к Васе.

Явление третье

Вася и Гаврило.

Гаврило. Ну что, поговорил?

Вася *(почесав затылок)*. Поговорил.

Гаврило. И как должно быть это приятно, в такую погоду, вечерком, и с девушкой про любовь говорить! Что в это время чувствует человек? Я думаю, у него на душе-то точно музыка играет. Мне вчуже было весело, что ты с Прасковьей Павлиновной говорил; а каково тебе?

Вася. Что ж, ничего! Она нынче сердита что-то.

Гаврило. Будешь сердиться от такой-то жизни. Уж хоть ты-то ее не огорчай! Я бы, кажется, на твоем месте… Вот скажи она мне: пляши, Гаврило, — я плясать, поди в омут — я в омут. Изволь, мол, моя родная, изволь. Скажи мне, Вася, какой это такой секрет, что одного парня девушки могут любить, а другого ни за что на свете?

Вася. Надо, чтоб парень был видный, из себя красивый.

Гаврило. Да, да, да. Так, так.

Вася. Это первое дело, а второе дело разговаривать нужно уметь.

Гаврило. Об чем, милый друг, разговаривать?

Вася. Об чем хочешь, только чтоб вольность в

тебе была, развязка.

Гаврило. А я, братец ты мой, как мне девушка понравится, — и сейчас она мне, как родная, и сейчас я се жалеть начну. Ну, и конец, и разговору у меня вольного нет. Другая и у хороших родителей живет, а все мне ее жалко что-то; а уж если у дурных, так и говорить нечего; каждый миг у меня за нее сердце болит, как бы ее не обидел кто. И начну я по ночам думать, что вот ежели бы я женился, и как бы я стал жену свою беречь, любить, и все для нее на свете бы делал, не только что она пожелает, но и даже сверх того, — всячески бы старался для нее удовольствие сделать. Тем бы я утешался, что уж очень у нас женщины в обиде и во всяком забвении живут, — нет такого ничтожного, последнего мужичонка, который бы не считал бабу ниже себя. Так вот я хоть одну-то за всех стал бы ублажать всячески. И было б у меня на сердце весело, что хоть одна-то живет во всяком удовольствии и без обиды.

Вася. Ну, и что ж из этого? Для чего уж ты об себе так мечтаешь? К чему это ведет? Это даже никак понять невозможно.

Гаврило. Что тут не понять? Все тебе ясно. А вот что горько: что вот с этакой-то я душой, а достанется мне дрянь какая-нибудь, какую и

любить-то не стоит, а все-таки я ее любить буду; а хорошие-то достаются вам, прощалыгам.

Вася. Что ж, ты эту всю прокламацию рассказываешь девкам аль нет?

Гаврило. Начинал, милый друг, пробовал, только я от робости ничего этого, как следует, не выговорю, только мямлю. И такой на меня конфуз…

Вася. Что ж они тебе на ответ?

Гаврило. Известно что, смеются.

Вася. Потому этот твой разговор самый низкий. А ты старайся сказать что-нибудь облагороженное. Меня Параша когда полюбила? Я тебе сейчас скажу. Была вечеринка, только я накануне был выпимши и в это утро с тятенькой побранился и так, знаешь ты, весь день был не в себе. Прихожу на вечеринку и сижу молча, ровно как я сердит или расстроен чем. Потом вдруг беру гитару, и так как мне это горько, что я с родителем побранился, и с таким я чувством запел:

Черный ворон, что ты вьешься
Над моею головой?
Ты добычи не дождешься:
Я не твой, нет, я не твой!

Посмотри за куст зеленый!

Дорожи теперь собой:
Пистолет мой заряженный!
Я не твой, нет, я не твой!

Потом бросил гитару и пошел домой. Она мне после говорила: «Так ты мне все сердце и прострелил насквозь!» Да и что ж мудреного, потому было во мне геройство. А ты что говоришь? Какие-то плачевные слова и совсем неинтересно ничего. Погоди, я тебя как-нибудь обучу, как надо с ихней сестрой разговаривать и в каком духе быть. А ты это что? Это одна канитель. Теперь как бы мне выбраться! Мимо Силана итти не рука, махну опять через забор. Прощай! *(Идет к забору.)*

На крыльце показываются Куруслепов, Градобоев, Матрена и девушка.

Гаврило. Куда ты! Вернись назад, хозяева вышли; увидят — беда! Притаимся в кустах, пока уйдут.

Прячутся в кусты.

Явление четвертое

Куруслепов, Градобоев, Матрена и девушка.

Куруслепов. Давай, Серапион Мардарьич, выпьем мы теперича под древом! *(Девке.)* Ставь закуску под древо!

Градобоев. Выпьем под древом!

Матрена. Что вам на одном месте-то не сидится!

Куролепов *(жене)*. Брысь под лавку! *(Градобоеву.)* Как же это ты с туркой-то воевал?

Градобоев. Так и воевал, очень просто. Что мы у них этих одних крепостей побрали!

Матрена. Да, может, ты неправду?

Куролепов. Брысь, говорят тебе!

Матрена. Что ты уж очень некстати! Что, я тебе кошка, что ли, в самом деле?

Куролепов. Ты, Серапион Мардарьич, не осердись, помилуй бог! Ты и не гляди на нее, обернись ты к ней задом, пущай она на ветер брешет. Как же вы эти самые крепости брали?

Градобоев. Как брали? Чудак! Руками. У турки храбрость большая, а дух у него короткий, и присяги он не понимает, как надобно ее соблюдать. И на часах ежели он стоит, его сейчас за ногу цепью прикуют к пушке, или там к чему, а то уйдет. Вот когда у них вылазка из крепости, тогда его берегись, тут они опивум по стакану принимают.

Куролепов. Каким же это опивом?

Градобоев. Ну, как тебе это растолковать? Ну, все одно олифа. И сейчас у него кураж; тут уж ему не попадайся, зубами загрызет. Так наши и здесь

сноровку нашли. Как они повалят из крепости кучей, загалдят по-своему, наши сейчас отступать, отступать, все их заманивают дальше, чтоб у них кураж-то вышел; как отведут их далеко, дух-то этот храбрый весь у них вылетит, тут уж казаки заезжают с боков, да так их косяками и отхватывают. Уж тут его руками бери, сейчас аман кричит.

Курослепов. Не любит! Что ж это он аман кричит, зачем?

Градобоев. По-нашему сказать, по-русски: пардон.

Матрена. Ты вот говоришь: пардон, а я слышала, что у них такие есть, которые совсем беспардонные.

Градобоев. Слышала ты звон, да не знаешь, где он.

Курослепов. Сделай ты для меня такую милость, не давай ты ей повадки, не слушай ее слов, пусть одна говорит. А то вот только малость дай ей за что уцепиться, так и жизни не рад будешь. Ну, вот мы с тобой теперича, после сражения турецкого, и выпить можем.

Градобоев. Это уж своим чередом!

Садятся и наливают.

Вот я какой городничий! О турках с вами раз-

говариваю, водку пью, невежество ваше всякое вижу, и мне ничего. Ну, не отец ли я вам, скажи?

Куролепов. Да уж что толковать!

Матрена. Ты пирожка не хочешь ли? Кушай на здоровье, Скорпион Мардарьич!

Градобоев. Боже ты мой милостивый! Да какой же я Скорпион! Это ты скорпион, а я Серапион.

Матрена. Что ты ко мне пристал, не я тебя крестила! Нешто я виновата, что тебе таких имен надавали! Как ни выворачивай язык-то, все тот же скорпион выдет.

Градобоев. Вот что, милая дама, ты бы пошла по хозяйству присмотрела; все-таки свой-то глаз лучше.

Матрена. Ну, уж ты эти свои дьявольские подходы оставь! Не глупей я тебя, только что разве в Туречине не бывала. Я вижу, что вам прогнать меня хочется, а я вот останусь

Куролепов. Брось ты ее! Вот охота! Не понимаю… Уж самое это последнее занятие: с бабой разговаривать. Диви бы дела не было! Вот она закуска-то!

Пьют.

Градобоев. Ну, как же твои деньги? Как же нам с этим делом быть?

Куролепов. Что с возу упало, то пропало.

Градобоев. Где они у тебя были?

Куруслепов. Ну, ты знаешь, моя каморка, така темненькая. Туда, кроме меня с женой, никто и не ходит.

Градобоев. Подозрение на кого-нибудь имеешь?

Куруслепов. Что грешить-то, ни на кого не имею.

Градобоев. Надо следствие.

Матрена. Ну да, как же не средствие!

Градобоев. Беспременно надо.

Матрена. Так вот я и позволю в моем доме тебе безобразничать.

Градобоев. Да мы тебя-то, пожалуй, и не спросимся.

Матрена. Знаю я это средствие-то, для чего оно бывает.

Градобоев. Как тебе не знать, ты женщина умная. Мне нужно себя очистить, а то скажут, пожалуй: в городе грабеж, а городничий и не почешется.

Матрена. Ну, как же! Совсем не для того, а для того, что ты человек алчный.

Градобоев. Разговаривай еще!

Куруслепов. Обернись к ней задом!

Матрена. Все тебе мало…

Градобоев. И то мало. Ты знаешь наше жалованье-то, а у меня семья.

Матрена. И выходит, ты человек алчный! Как зародился на свет скорпион, так скорпион и есть.

Градобоев *(старается испугать)*. Я с тобой побранюсь! Сказал я тебе, чтобы не смела ты меня скорпионом звать: я ведь капитан, регалии имею; я с тебя бесчестье сдеру, а то и в смирительный!

Куруслепов. Хорошенько ее!

Матрена. В усмирительный? В уме ли ты?

Градобоев. Да еще на дуэль вызову.

Матрена. Так вот я испугалась, как же! Тебе только с бабами и драться! Велика беда, что я тебя скорпионом назвала. Вашего брата, как ни назови, только хлебом накорми!

Куруслепов. Не связывайся ты с ней! Я уж с ней давно ни об чем не разговариваю, очень давно; потому нет моей никакой возможности. Разговору у меня с ней нет, окромя: подай, прими, поди вон — вот и все.

Матрена *(Градобоеву)*. Ты свое средствие, а я свое средствие знаю. Запру вороты на запор, да собак выпущу, вот тебе и средствие. Ты бы лучше разбойников-то ловил, а то средствие…

Градобоев. Каких разбойников?

Курослепов. Брось ты ее!

Матрена. Из Брынских лесов человек полтораста приплыли.

Градобоев. По сухому-то берегу… Где ж ты их видела?

Курослепов. Оставь, молчи лучше, а то она такую понесет околесную, что только разве пожарной трубой уймешь.

Градобоев. Ты бы ее останавливал.

Курослепов. Пробовал, хуже! А вот одно дело: дать ей на произвол, мели, что хочешь, а слушать и отвечать, мол, несогласны. Устанет, перестанет.

Пьют.

Матрена. Разбойники народ крещеный грабят, а они тут проклажаются, водку пьют.

Градобоев. Где грабят? Ну, сказывай! Кого ограбили?

Матрена. А я почем знаю? Я что за сыщик? По лесам грабят.

Градобоев. Так это не мое дело, а исправника.

Курослепов. Чего тебе от нее хочется? Я тебе доподлинно объясняю, что нельзя с ней разговаривать. Вот попробуй, так я тебе, чем хочешь, отвечаю, что беспременно ты через полчаса либо с ума сойдешь, либо по стенам начнешь метаться;

зарежешь кого-нибудь, чужого, совсем невиноватого. Потому это дело испробованное.

Градобоев. Ну, уж видно, принесть тебе подарочек. Я в Бессарабии у казака купил, у киргиза.

Куреслепов. Сделай такую милость!

Матрена. Это что еще за выдумки?

Градобоев. В орде плетена, ручка в серебро оправлена с чернетью. Для друга не жаль. А уж какая пользительная!

Матрена. Умны вы больно, как погляжу я на вас! Это ты плеть хочешь подарить либо нагайку! Дорога твоя плеть, только стегать не по чем; потому это дороже вас обоих, не токма что твоей плети. Приноси свою плеть! Что ж, мы возьмем! Может, и пригодится на какую-нибудь невежу, на гостя неучливого!

Градобоев. Который у вас забор-то на пустырь выходит?

Куреслепов *(указывая)*. Вон этот.

Градобоев. Обмерить надо, сколько сажен от дому.

Куреслепов. Для чего?

Градобоев. Для порядку.

Куреслепов. Ну, что ж, можно.

Градобоев. Давай шагами мерять, ты от дому, а я от забору, так и сойдемся вместе. *(Отходит*

к забору.)

Курослепов. Ну, давай! *(Отходит к дому.)*

Матрена. Шагайте, благо темно, смеяться-то на вас некому.

Градобоев *(идет от забора)*. Раз, два, три…

Курослепов *(идет от дома)*. Первый, другой, третий… погоди, сбился, начинай сначала.

Каждый идет на прежнее место и постепенно сходятся.

Градобоев *(натыкаясь на Васю)*. Стой! что за человек? *(Хватает Васю за ворот.)* Сидоренко! Жигунов!

Курослепов *(натыкаясь на Гаврилу, который подшибает его и убегает)*. Ай, убил, ай, убил! Караул! Держи его!

Вбегает Силан, за ним два будочника и несколько рабочих.

Матрена. Ах! Разбойники! Караул! Режут!

Силан. Где тут они?

Матрена. Вон, в кустах, хозяина режут. Ах! Караул!

Градобоев *(будочникам)*. Вяжи, крути его, разбойника! Ты воровать, ты воровать? У меня, в моем-то городе? Хо-хо-хо!

Будочники вяжут Васю.

Силан *(ухвате Курослепова)*. Нет, уж ты мне

что хочешь пой, а уж я тебя теперича поймал. Попался ты мне! Что я из-за тебя муки, что этого сумления…

Курослепов. Кого ты, кого ты? Хозяина-то! Возьми глаза-то в зубы.

Силан. Шалишь! Не обманешь! Что этого греха я за тебя принял.

Градобоев *(Силану)*. И его тащи сюда! Огня подайте!

Силан *(одному дворнику)*. Беги в молодцовскую, принеси фонарь.

Работник уходит.

Курослепов. Ты с разбойниками вместе, ты на хозяина, а еще дядя!

Матрена. Много ль их там, разбойников-то?

Силан. Ни один не уйдет, все тут. Подержите, братцы. Где тут у меня веревка была? *(Лезет в сапог.)*

Матрена. Все? Ах, полтораста! Караул! Всех они вас, всех перекрушат и до меня доберутся. *(Падает на скамью.)*

Градобоев. Вяжите! Хо-хо-хо-хо! У меня-то в городе! Не нашли вы другого места!

Курослепов. Погоди ж ты! Дай ты мне только руки-то высвободить, великая тебе будет…

Рабочий приносит и ставит фонарь на стол.

Градобоев. Давай их сюда! Сейчас допрос. Ух, устал. Вот она наша служба-то! *(Хочет садиться на скамью.)* Тут что еще! Мягко что-то! Никак мертвое тело? *(Трогает руками.)* Еще забота! Фу, ты! Нет тебе минуты покою.

Матрена. Ах! До меня, до меня добираются.

Градобоев. Ох, уж мне эта баба! Опять ты тут? *(Берет ее за руку.)*

Матрена. Пуще все: о не режьте вы меня и не троньте моего тела белого!

Градобоев. Ну да, как же, очень нужно! Какая невидаль! Пошла домой! говорят тебе. *(Топает ногами.)* Что ты тут судопроизводству мешаешь? *(Садится на лавку.)* Я свою должность правлю, сейчас арестовать велю.

Матрена уходит.

Силан *(тащит Куруслепова, ему помогают другие дворники)*. Вот, ваше высоко… О, чтоб!.. И то, никак, хозяин.

Куруслепов. Что вы, оглашенные! *(Вырывается и хватает за ворот Силана.)* Серапион Мардарьич! Господин городничий! Суди ты его! Я тебе кланяюсь, суди его сейчас! *(Силану.)* Ведь теперь тебя всякими разными казнями казнить надо, потому как ты купца, который от всего общества превозвышен и за разные пожертвования и для

благолепия… опять же его иждивением… а ты ему руки назад, при народе: и что ты со мной сделал! Теперь все мои чины как есть в ничто…

Градобоев. Не бойся! Все при тебе останутся, садись!

Силан. Кто же тебя… Вот поди ж ты! То ты бранишься, что плохо стерегу! Ну, вот я… что ж: что силы было — страсть, как устал. Ишь ты какой здоровый! Вот ты опять… а нешто я виноват, что темно.

Градобоев. Ну, это дело вы после разберете. Давай сюда вора настоящего.

Будочники подводят Васю.

Ты что за человек?

Куруслепов. Да это Васька!

Градобоев. Зачем же это, друг мой милый, ты за воровство принялся?

Куруслепов. Да уж беспременно он, потому как отец теперь в расстройство…

Градобоев *(Куруслепову)*. Ты будешь допрашивать? Может быть, я не за свое дело взялся? Так надевай мой мундир, а уж я буду прошение писать, чтобы меня в отставку.

Куруслепов. Ну, полно, не сердись!

Градобоев *(Васе)*. Так как же, друг любезный?

Вася. Да помилуйте, Серапион Мардарьич! Не-

што вы нас с тятенькой не знаете!

Градобоев. Постой! Ты отвечай мне на вопрос: зачем ты за воровство взялся? Занятие это, что ли, тебе понравилось? Или очень выгодно?

Вася. Да помилуйте, я собственно побывать зашел, а известное дело — прячешься от Павлина Павлиныча, так как у них обнаковение все за волосы больше… А что я с малолетства к воровству никакой охоты… Кажется, даже малость какую, да ежели чужая, так мне и не надо.

Градобоев. Один ты этим делом промышляешь или в компании?

Вася. Что вам угодно, а за мной никаких делов нет-с.

Куруслепов. Ну вас! Что за суд! Разве он признается? Да хоть и признается, так уж денежки прощай! Где ж это бывает, а у нас и подавно, чтобы пропащие деньги нашлись! Стало быть, их и искать нечего, и судить не об чем.

Градобоев. Нет, ты таких слов не говори! Ответишь!

Куруслепов. Было бы за что отвечать-то! Найди, тогда отвечу.

Градобоев. Не дразни ты меня! Не обижай! Примусь искать, так найду. Теперь ты меня за живое задел.

Курослепов. Ну, ищи! Найдешь, ты будешь прав, а я виноват. А мы вот сдадим его в некруты за общество, они же теперь с отцом расстроились, значит, он так шатается, не при деле — вот и весь конец. На той же неделе сдадим, а покуда пусть посидит в арестантской за подозрение!

Градобоев. Ладно, пусть посидит покуда. *(Будочникам.)* Сведите его в арестантскую.

Вася. Да за что же, помилуйте!

Градобоев. Марш! Без разговору.

Будочники уводят Васю.

Курослепов. Ты еще моли богу… *(Рабочим.)* Ступайте по местам, что рты-то разинули!

Силан и рабочие уходят.

Явление пятое

Курослепов и Градобоев.

Градобоев. С ним еще кто-то был?

Курослепов. Надо быть, из своих. Я так думаю: Гаврилка! Ну, уж с этим я сам разочтусь.

Градобоев. Значит, кончено дело?

Курослепов. Кончено.

Градобоев. Ну!

Курослепов. Что ну?

Градобоев. Если дело кончено, так что?

Курослепов. Что?

Градобоев. Мерси.

Куреслепов. Какая такая мерси?

Градобоев. Ты не знаешь? Это покорно благодарю. Понял теперь? Что ж, я задаром для тебя пропажу-то искал?

Куреслепов. Да ведь не нашел.

Градобоев. Еще бы найти! Тогда бы я не так с тобой заговорил. Мальчик я, что ли, для вас, по ночам-то разбойников ловить, живота не жалея! Я человек раненый!

Куреслепов. Да ведь ты так, между делом, за водкой.

Градобоев. Водка сама по себе; дружба дружбой, а порядку не теряй! Ты без барыша ничего не продашь, ну так и я завел, чтобы мне от каждого дела щетинка была. Ты мне щетинку подай! Побалуй тебя одного, так и другие волю возьмут. Ты кушаешь, ну и я кушать хочу.

Куреслепов. Да, ну что ж, я, пожалуй, завтра…

Градобоев. Милости просим на чашку чаю, пораньше.

Куреслепов. Хорошо, зайду.

Градобоев *(подает ему руку)*. До приятного! Ты завтра пришли ко мне Силана, мне его расспросить надо! *(Уходит.)*

Явление шестое

Курослепов, потом Гаврило и Силан.

Курослепов *(громко)*. Гаврилка!

Гаврило у окна громко поет: «Ни папаши, ни мамаши».

Врешь, не обманешь! Гаврилка!

Гаврило входит.

Гаврило. Ежели вы опять за волосы, так пожалуйте лучше расчет!

Курослепов. Вот я тебя разочту сейчас. Силантий! Дядюшка! Эй!

Входит Силан.

Выкинь его сундучишко на улицу и самого в шею.

Гаврило. Куда ж я ночью?

Курослепов. А мне что за дело! Мой дом не общественного призрения для всякого, который того не стоит. Коли жить не умеешь, ступай вон, и конец.

Гаврило. Да у меня полтораста рублей денег зажито.

Курослепов. Важное дело полтораста рублей; а у меня две тысячи пропало. Полтораста! А в острог хочешь?

Гаврило. Да за что же? Я человек бедный!

Курослепов. Бедные-то и воруют.

Гаврило. Мне деньги пожалуйте! Не с голоду же мне помирать.

Курослепов. Ну, ищи поди с меня. Эки проклятые! Тьфу! Вот хотелось ужинать, вот теперь и не хочется. А он с голоду помирать… да полтораста рублей! Да я с тебя тысячу бы не взял за это расстройство. Поди за мной, Силантий, я тебе его пачпорт отдам. *(Гавриле.)* А то у меня и в остроге насидишься. *(Уходит с Силаном.)*

Гаврило. Вот тебе, бабушка, Юрьев день! Куда ты теперь, Гаврилка, денешься! Куда ни сунься, скажут, за воровство прогнали. Срам головушке! Убыток-то убытком, а мораль-то какая. На какой я теперь линии? Прямая моя теперь линия — из ворот да в воду. Сам на дно, пузырики вверх. Ай, ай, ай, ай!

Выходит Силан.

Силан. Вот тебе пашпорт! Вольный ты теперь казак. Я так полагаю, что к лучшему. Собрать, что ли, твое приданое-то?

Гаврило. Сбери, брат, сделай милость, добра-то немного, все в узел; а у меня руки не действуют. Гитару-то не забудь. Я тут на столбушке посижу.

Силан уходит. Гаврило садится на столбик, выходит Параша.

Явление седьмое

Параша и Гаврило, потом Силан.

Параша. Что у вас тут за беда случилась, батюшка из себя выходит?

Гаврило. И-и-и не расчерпаешь. Я решен совсем.

Параша. Как, совсем?

Гаврило. Всего решен. Ни копейки, вся служба ни во что, и на все четыре стороны.

Параша. Ах ты, бедный!

Гаврило. Я-то еще ничего, а Васю в солдаты.

Параша *(с ужасом)*. В солдаты?

Гаврило. Теперь в арестантской сидит, а на-днях сдадут.

Параша. Полно! Что ты! За меня в солдаты?

Гаврило. Не за вас, а его застали тут на дворе и занапрасно вором поставили, что будто он деньги украл.

Параша. Да ведь это все равно, все равно, ведь он для меня сюда пришел. Ведь он меня любит. Боже мой! Грех-то какой! Он пришел повидаться со мной, — а его в солдаты от отца, от меня. Отец-старик один останется, а его погонят, погонят! *(Вскрикивает.)* Ах, я несчастная! *(Хватается за голову.)* Гаврило, посиди тут, подожди меня ми-

нуту. *(Убегает.)*

Гаврило. Куда она? Что с ней? Бедная она, бедная. Вот и с отцом, с матерью живет, а сирота сиротой! Все сама об своей головушке думает. Никто в ее сиротское, девичье горе не войдет. Уж ее ль не любить-то. Ох, как мне грудь-то больно, слезы-то мне горло давят. *(Плачет.)*

Выходит Силан с узлом и гитарой.

Силан. Вот тебе шапка! *(Надевает на него.)* Вот тебе узел, вот тебе гитара. И значит, братец ты мой, прощай! Не поминай лихом, а добром не помянешь!

Выходит Параша в бурнусе и с платком на голове.

Параша. Пойдем, пойдем!

Гаврило. Куда вы, куда вы, помилуйте!

Параша. К нему, Гаврилушка, к нему, мой милый!

Гаврило. Да ведь он в арестантской, помилуйте, что вы!

Параша. У меня деньги, вот видишь! Я подарю солдатам, меня пропустят.

Гаврило. Так ведь это утром, а где же вы ночьто? *(Кланяется в ноги.)* Останьтесь, матушка, родная, останьтесь!

Параша. Я у крестной ночую. Пойдем! Пойдем!

Что за разговоры!

Силан *(Параше)*. Ты за ворота проводить, что ль? Ну, проводи! Дело доброе. Он сирота.

Параша *(оборотившись к дому, несколько времени молча смотрит на него)*. Прощай, дом родительский! Что тут слез моих пролито! Господи, что слез! А теперь хоть бы слезинка выкатилась; а ведь я родилась Тут, выросла… Давно ли я ребенком была: думала, что милей тебя и на свете нет, а теперь хоть бы век тебя не видать. Пропадай ты пропадом, тюрьма моя девичья! *(Убегает. Гаврило за ней.)*

Силан. Постой! Куда ты? *(Махнув рукой.)* Не мое дело! *(Запирает калитку.)* Эка жизнь! Наказание! *(Стучит в доску и кричит.)* Посматривай!

Действие третье

ЛИЦА:
Градобоев.
Куруслепов.
Гаврило.
Параша.
Вася.
Аристарх, мещанин.
Тарах Тарасыч Хлынов, богатый подрядчик.
Барин, с большими усами.
Силан.
Сидоренко.
Жигунов.
Мещане: 1-й, 2-й, 3-й.
Гребцы, песенники, инвалидные солдаты, арестанты.
Разные люди.

Площадь на выезде из города. Налево от зрителя городнический дом с крыльцом; направо арестантская, окна с железными решетками; у ворот инвалидный солдат; прямо река и небольшая пристань для лодок, за рекой сельский вид.

Явление первое

Аристарх сидит на пристани, ловит рыбу на удочку. Силан подходит и молча смотрит. У городнического крыльца стоит куча людей.

Аристарх *(не замечая Силана.)* Ишь хитрит, ишь лукавит. Погоди ж ты, я тебя перехитрю. *(Вынимает удочку и поправляет.)* Ты хитра, а я хитрей тебя; рыба хитра, а человек премудр, божьим произволением… *(Закидывает удочку.)* Человеку такая хитрость дана, что он надо всеми, иже на земле и под землею и в водах… Поди сюда! *(Тащит удочку.)* Что? Попалась? *(Снимает рыбу с крючка и сажает в садок.)*

Силан. Вот ты как ловишь-то!

Аристарх *(оборачиваясь)*. Здорово, дядюшка Силантий!

Силан. С приговором-то оно… действительно… Много ты этого всякого приговору знаешь, а я не знаю, вот она мне и не попадает.

Аристарх. Какого приговору?

Силан. Молитва, мол, что ль, аль слова какие; вот я слушал, да не понял, а рыба-то и идет на них.

Аристарх. Полно, дядюшка Силантий, какие приговоры! Так, сам с собой разговариваю.

Силан. Ну, да уж что! Коли слово знать, на что лучше… Ты вон и часы… Скажешь, так, спроста,

Аристарх. Ты тоже рыбки половить?

Силан. До рыбки ль? Я к городничему.

Аристарх. Зачем?

Силан. У нас теперь дома литовское разорение, все одно, что Мамай прошел… Деньги пропали, раз; крестница твоя ушла…

Аристарх. Что мудреного! Уйдешь. Куда ж она?

Силан. Она у крестной, я заходил. Не велела, чтоб отцу… Ну, мне какая нужда.

Аристарх. Как же это деньги? Кому ж бы?

Силан. Ты ж говори! У вора один грех, а у нас с хозяином десять: что мы народу переклепали! Гаврилу прогнал, Вася Шустрый теперь в арестантской соблюдается покудова.

Аристарх. В арестантской? Что ты! Вот грехи-то!

Силан. Как есть грехи… Натворили… паче песка морского.

Аристарх. Как же быть-то? Надо Васю выручать! Кто ж его в арестантскую? Хозяин, что ль?

Силан. Хозяин! Силён, ну, и чудит. Городничий проснулся?

Аристарх. Поди узнай!

Силан. Что ходить-то! Он сам на крыльцо вый-

дет. Он целый день на крыльце сидит, все на дорогу смотрит. И какой зоркий на беспашпортных! Хоть сто человек-артель вали, как сейчас воззрится да поманит кого к себе: «А поди-ка сюда, друг любезный!» Так тут и есть. *(Почесывает затылок.)* А то пойти! *(Подходит к городническому дому.)* Аристарх. Что только за дела у нас в городе! Ну, уж обыватели! Самоеды! Да и те, чай, обходительнее. Ишь ты, чудное дело какое! Ну-ка! Господи благослови! *(Закидывает удочку.)*

Выходят Градобоев в халате и в форменной фуражке с костылем и трубкою и Сидоренко.

Явление второе

Те же, Градобоев и Сидоренко.

Градобоев *(садясь на ступени крыльца)*. До бога высоко, а до царя далёко. Так я говорю?

Голоса. Так, Серапион Мардарьич! Так, ваше высокоблагородие.

Градобоев. А я у вас близко, значит, я вам и судья.

Голоса. Так, ваше высокоблагородие! Верно, Серапион Мардарьич.

Градобоев. Как же мне вас судить теперь? Ежели судить вас по законам…

1-й голос. Нет, уж за что же, Серапион Марда-

рьич!

Градобоев. Ты говори, когда тебя спросят, а станешь перебивать, так я тебя костылем. Ежели судить вас по законам, так законов у нас много… Сидоренко, покажи им, сколько у нас законов.

Сидоренко уходит и скоро возвращается с целой охапкой книг.

Вон сколько законов! Это у меня только, а сколько их еще в других местах! Сидоренко, убери опять на место!

Сидоренко уходит.

И законы всё строгие; в одной книге строги, а в другой еще строже, а в последней уж самые строгие.

Голоса. Верно, ваше высокоблагородие, так точно.

Градобоев. Так вот, друзья любезные, как хотите: судить ли мне вас по законам, или по душе, как мне бог на сердце положит.

Сидоренко возвращается.

Голоса. Суди по душе, будь отец, Серапион Мардарьич.

Градобоев. Ну, ладно. Только уж не жаловаться, а коли вы жаловаться… Ну, тогда уж…

Голоса. Не будем, ваше высокоблагородие.

Градобоев *(Жигунову)*. Пленные есть?

Жигунов. Ночью понабрали, ваше высокоблагородие, — за безобразие, — двое портных, сапожник, семь человек фабричных, приказный да купецкий сын.

Градобоев. Купеческого сына запереть в чулан да сказать отцу, чтоб выручить приходил и выкуп приносил; приказного отпустить, а остальных... Есть у нас работа на огороде?

Жигунов. Есть. Человека два нужно.

Градобоев. Так отбери двоих поздоровее, отправь на огород, а тех в арестантскую, им резолюция после.

Жигунов с арестантами уходит.

Какие еще дела? Подходите по одному!

1-й мещанин. Деньги вашему высокоблагородию, по векселю.

Градобоев. Вот и ладно, одно дело с плеч долой. Сидоренко, положи в стол! *(Отдает деньги Сидоренке.)*

Сидоренко. Много у нас, ваше высокоблагородие, этих самых денег накопилось, не разослать ли их по почте?

Градобоев. Посылать еще! Это что за мода! Наше дело взыскать, вот мы и взыскали. Кому нужно, тот сам приедет, — мы ему и отдадим; а то рассылать еще, Россия-то велика! А коли не едет,

значит, ему не очень нужно.

Подходит 2-й мещанин.

Тебе что?

2-й мещанин. Векселек вам! Не платит.

Градобоев *(приняв вексель)*. Сидоренко, сунь его за зеркало.

Сидоренко уходит.

2-й мещанин. Да как же за зеркало?

Градобоев. А то куда ж его? В рамку, что ль, вставить? У меня там не один твой, векселей тридцать торчит. Вот встречу как-нибудь твоего должника, скажу, чтоб поплатился.

2-й мещанин. А если он…

Градобоев. А если он… а если ты станешь еще разговаривать, так видишь. *(Показывает костыль.)* Пошел прочь! *(Увидав 3-го мещанина.)* А, друг любезный, ты здесь! Долги платить — денег нет, а на пьянство есть: вексель на тебя другой год за зеркалом торчит, заплесневел давно, а ты пьянствуешь. Ступай в сени, дожидайся! Вот я тебе вексель-то на спину положу, да костылем и стану взыскание производить.

3-й мещанин. Явите божескую милость, ваше высокоблагородие! Достатки наши вам известные… помилосердуйте!

Градобоев. Вот я те помилосердую, ступай.

(Заметив Силана.) Эй ты, дядя! Иди за мной в комнаты! С тобой у нас большой разговор будет. *(Прочим.)* Ну, с богом. Некогда мне теперь судить вас. Кому что нужно, приходите завтра. *(Уходит с Силаном.)*

Все расходятся. Входит Гаврило с холстинным мешком за плечами.

Явление третье

Аристарх и Гаврило.

Аристарх. А! Гонимый, здравствуй!

Гаврило. Слышал, стало быть?

Аристарх. Слышал.

Гаврило. Где правда?

Аристарх. Разве не знаешь? Подыми голову кверху.

Гаврило подымает.

Вон там!

Гаврило. Знаю. А где нам суда искать?

Аристарх. А суда вон там! *(Показывает на дом городничего.)*

Гаврило. А ежели мне правого нужно?

Аристарх. А правого нужно, так подожди, будет и правый.

Гаврило. Да скоро ли?

Аристарх. Ну, не так, чтоб; зато уж хороший.

Всех рассудит: и судей и судимых, и тех, которые неправый суд давали, и тех, которые никакого не давали.

Гаврило. Знаю я, про что ты говоришь-то.

Аристарх. А знаешь, зачем спрашиваешь. Ты что это мешок-то надел, аль в дорогу собрался?

Гаврило. На богомолье.

Аристарх. Час добрый! Куда?

Гаврило. В пустынь.

Аристарх. Один?

Гаврило. Нет, нас много, и крестница твоя.

Аристарх. Беглянка-то? Дома-то, чай, ищут.

Гаврило. Нет, крестная посылала сказать, что, мол, ушли на богомолье, чтоб не искали. Да кому плакать-то о ней? Мачеха, поди, рада, а отцу все равно, потому, он стал совсем без понятия. Мне зажитых не отдает, полтораста рублев.

С крыльца сходят городничий и Силан.

Явление четвертое

Градобоев, Силан, Гаврило, Аристарх.

Градобоев. С ума я сойду с этим делом проклятым; всю ночь нынче не спал. Точно гвоздь мне в голову засел. А уж доберусь. *(Силану.)* Говори хоть ты толком, чучело!

Силан. Ничего я не скажу, вот что: греха много.

Это дело мудреное! И! Мудреное! Куда мудреное!

Градобоев. Ну, а хозяин-то, прежде Василья, думал на кого-нибудь?

Силан. Заплыли у него очи-то, я говорю; заплыли, потускнели совсем. Въявь-то он ничего не может… что надлежащее, а городит так, зря, от дикости от своей.

Градобоев. Я за тебя примусь, я тебя в острог.

Силан. Ну, вот еще! Думал-думал, да выдумал. С большого-то ума!

Градобоев. Кому ты грубишь! Ты погляди, кому ты грубишь!

Силан. Да коли нескладно и совсем некстати.

Градобоев. Ты, видно, в арестантской давно не сидел.

Силан. Для того и не сидел, что не мое это место, вот что.

Градобоев. Молчи!

Силан. Молчу.

Градобоев. Я тебя, дружок, говорить заставлю! *(Наступая на него.)* Кто украл?

Силан. Коли ты пужать… Знать не знаю… вот и залажу, и залажу… Хоть огнем жги… Так уж это, я тебе скажу, ты от камня скорей ответа дождешься, чем от меня.

Градобоев. Варвары! Да ведь не Васька?

Силан. Я почем знаю. Васька человек маленький, его как хошь тормоши; а что, конечно, и у него тоже душа, она чувствует.

Градобоев. И не Гаврилка?

Силан. Опять же мое дело сторона. Гаврилко весь тут, его хоть вывороти. У него за душой есть ли железный грош? Навряд ли! А совести у него супротив других… очень даже достаточно.

Градобоев. Ну, так на твое и выходит?

Силан. На что на мое? Я ничего не знаю, вот тебе и сказ!

Градобоев. Ну, в острог, нечего с тобой больше толковать.

Силан. Хоть и в острог, все то же будет. Так вот же тебе… *(Решительно.)* Знать не знаю… что меня, старика, пужать выдумал!

Градобоев *(подбегает к нему с кулаками)*. Да я не пугаю. Ведь я с тобой лаской, понимаешь ли ты, лаской.

Силан. Да хоть и лаской…

Градобоев. Ведь если ты мне поможешь, я тебе такой магарыч… ну, десять, пятнадцать рублей.

Силан. Уж это, кажется, скорей от каменного попа железной про…

Градобоев. Не договаривай, мошенник! Имей почтение к градоначальнику.

Силан. Что ж почтение? Я, как должно, без шапки… перед тобой.

Градобоев. Слушай! *(Шепчет на ухо.)*

Силан. Да!

Градобоев. Часто?

Силан. Почитай, каждую ночь.

Градобоев. Ну, слушай. *(Шепчет.)* Сейчас ты и подай знак. Закричи.

Силан. Ладно!

Градобоев. Только ты никому ни гу-гу, а то знаешь у меня!

Силан. Ну, да уж…

Градобоев. Ступай!

Силан. Прощенья просим. *(Уходит.)*

Подходит Гаврило.

Градобоев *(увидя Гаврилу)*. Ты что тут, друг любезный, шатаешься?

Гаврило. Я, ваше высокоблагородие, без места теперича-с.

Градобоев. Нехорошо! Кто без места, тот прохвост.

Гаврило. Я, Серапион Мардарьич, ничему этому не причинен. Не то что без места, я теперича, как есть, без копейки.

Градобоев. Еще хуже! И мне теперь с тобой лишняя печаль. Как об сыне родном, милый, об

тебе заботиться надо.

Гаврило. Не оставьте!

Градобоев. Не оставлю. Буду в оба глядеть, как бы ты не украл чего. У кого копейки в кармане нет, у того, на чужое глядя, руки чешутся, а такие люди близки сердцу моему.

Гаврило. На что мне чужое! Мне и моего-то не отдают.

Градобоев. Не отдают?

Гаврило. И хозяин прогнал без расчету.

Градобоев. И прогнал? Ах, разбойник! Ну, что ж мне теперь прикажете с ним делать?

Гаврило. Явите божескую милость.

Градобоев. Явлю. Подожди, вот придет твой хозяин, проси у него расчета при мне, я с ним разделаюсь.

Гаврило. Будет ли мне польза, ваше высокоблагородие?

Градобоев. Не знаю, друг. Я так думаю, хозяин обругает тебя, а будешь приставать, так прибьет, а я прибавлю.

Гаврило. Где же мне с него денег искать, ваше высокоблагородие?

Градобоев. Мне-то что за дело, ищи, где хочешь!

Гаврило. Стало быть, мне теперь голодной

смертью помирать?

Градобоев. Стало быть, помирать. — А кто его знает, может быть, и отдаст.

Гаврило. Нет, не отдаст. Разве вы прикажете.

Градобоев. Прикажете! А ты сперва подумай, велика ли ты птица, чтобы мне из-за тебя с хозяином твоим ссориться. Ведь его за ворот не возьмешь, костылем внушения не сделаешь, как я вам делаю. Поди-ка заступись я за приказчика, что хозяева-то заговорят! Ии мучки мне не пришлют, ни лошадкам овсеца: вы, что ль, меня кормить-то будете? Ну, что, не прошла ль у тебя охота судиться-то? А то подожди, подожди, друг любезный!

Гаврило. Нет, уж я лучше…

Градобоев. То-то, ты лучше… беги, да проворней, а то задержать велю.

Гаврило *(отступая и кланяясь.)* Так уж я…

Градобоев. Ступай с богом!

Гаврило проворно уходит.

Держи его! Ха-ха-ха!

Гаврило убегает и прячется за угол.

Эх, дела, дела! Не сходить ли на рынок для порядку! *(Кричит.)* Сидоренко!

Сидоренко показывается в дверях.

Сидоренко. Чего изволите, ваше высокобла-

городие?

Градобоев. Бери кулек, догоняй, я на рынок пошел. *(Уходит.)*

Сидоренко с кульком бежит за ним. Входят Гаврило и Параша — одета как богомолка. Аристарх подходит к ней.

Явление пятое

Параша, Аристарх и Гаврило.

Аристарх. Что ты, красавица моя, по городу-то бродишь?

Параша. Крестный, как бы мне с Васей повидаться?

Аристарх. Да что тебе в нем? Бог с ним!

Параша. Нет, крестный, нельзя. За меня ведь он, безвинно. Все мое горе я тебе сейчас скажу, нечего мне тебя стыдиться. Он со мной повидаться пришел, а его за вора сочли.

Аристарх. Э! Да, нехорошо! Ты дочь богатого отца; пожалуй, увидит кто.

Параша. Ничего! Не узнают; видишь, как я оделась; я платком закроюсь. А хоть и узнают, что ж за беда! Какая я дочь богатого отца, я теперь солдатка, крестный.

Аристарх. Как солдатка? Что ты?

Параша. Так! *(Развязывает узелок в платке.)* Я

за него беспременно на днях замуж выду, а ежели мне помешают, так я наперед говорю, я сраму наделаю, я к нему в казармы уйду. *(Дает ему деньги.)* На вот деньги-то, солдатам дай.

Аристарх. В уме ли ты! Батюшки мои!

Параша. Да что ж! Чего ты испугался? Нешто я не властна над собой! Ты не пугайся! Что ж! Меня совесть заставляет. Так, стало быть, нужно. Люди его обидели, все, все отняли… с отцом разлучили. Что ж! Он меня любит, может, у него только одно это на свете и осталось: так неужто я отниму у него эту последнюю радость. Что я такое? Чем мне гордиться-то перед ним? Разве он меня хуже? Все равно, ведь уж мне в девках не оставаться. Выдадут, крестный. Разве мне легче будет тешить какого-нибудь купца-то пьяного, против своей воли? Не то что по охоте, а, кажись бы, его ножом лучше зарезала! А тут без греха, по любви.

Аристарх. Ну, видно, тебя не переспоришь. Что с тобой делать! Да на что мне деньги-то? У меня свои есть; а тебе, может, и понадобятся. *(Отдает деньги и уходит в арестантскую.)*

Гаврило *(надев мешок)*. Мы скоро пойдем-то?

Параша. А вот только с Васей повидаюсь.

Гаврило. Ну, что ж, повидайтесь, а мы с Аристархом стеречь будем, чтоб не увидал кто.

Выходит Аристарх.

Аристарх. Сейчас арестанты пойдут за водой, так и его выпустят с ними.

Выходят два арестанта с ушатом и проходят на реку; за ними Вася и солдат.

Аристарх и Гаврило отходят к пристани.

Явление шестое

Те же и Вася.

Параша *(кланяется)*. Здравствуй, Вася!

Вася *(совершенно убитый)*. Какими же ты это судьбами? Господи! Еще мне уж теперь тяжеле! *(Утирает слезы.)*

Параша. Ничего, Вася, ничего! Ты не плачь! *(Обнимает его.)* Я из дому ушла совсем, я уж с тобой теперь всю жизнь; как ты будешь жить, так и я.

Вася. Каким манером?

Параша. Я за тебя замуж, нас обвенчают… ничего, не плачь… ну, скажу на себя, что он, мол, мне муж, не могу с ним разлучиться… не разорвете, мол, нас, а лучше повенчайте.

Вася. Спасибо тебе! *(Целует ее.)*

Параша. Ну, будет про это. Теперь давай потолкуем о житье-то, Вася, голубчик, Вася!

Вася. Давай потолкуем.

Параша *(прижимаясь к нему)*. Больно тебя

бить-то будут.

Вася. Я буду стараться.

Параша. Старайся, Вася, старайся! А ты вот что: как тебя обучат всему и станут переводить из некрутов в полк, в настоящие солдаты, ты и просись у самого главного, какой только есть самый главный начальник, чтоб тебя на Кавказ и прямо чтоб сейчас на стражение!

Вася. Зачем?

Параша. И старайся ты убить больше, как можно больше неприятеля. Ничего ты своей головы не жалей!

Вася. А как ежели самого…

Параша. Ну, что ж: один раз умирать-то. По крайности мне будет плакать об чем. Настоящее у меня горе-то будет, самое святое. А ты подумай, ежели ты не будешь проситься на стражение и переведут тебя в гарнизон: начнешь ты баловаться… воровать по огородам… что тогда за жизнь моя будет? Самая последняя. Горем назвать нельзя, а и счастья-то не бывало, — так, подлость одна. Изомрет тогда мое сердце, на тебя глядя.

Вася. Меня, я так полагаю, в гвардию, в Петербург.

Параша. Что ж, хорошо; а на стражение все-таки лучше. Ты возьми: коли бог тебе поможет,

произведут тебя за твою храбрость офицером, — отпросишься ты в отпуск… Приедем мы с тобой в этот самый город, пойдем с тобой под ручку. Пусть тогда злодеи-то наши поглядят на нас. *(Обнимает его.)* А, Вася? Может, мы с тобой, за все наше горе, и дождемся такой радости.

Вася. Что ж, Мудреного нет, ежели дух иметь…

Параша. Ну, теперь, Вася, я иду в пустынь, помолюсь богу за тебя. Буду я, Васенька, молиться весь день, весь-то денечек, чтобы все, что мы с тобой задумали, бог нам дал. Неужели моя грешная молитва не дойдет! Куда ж мне тогда? Люди обижают и… *(Плачет.)* Вот что, Вася, я завтра опять к тебе побываю. Я теперь живу у крестной, а домой не пойду ни за что! Как я перешагнула порог, как я перешагнула, веришь ли ты, кажется мне, лучше я в огонь, чем назад. И представляется мне, что и холодно-то мне там, и ровно свету-то там нет, и обида-то там в каждом углу живет; и ровно я там обруганная какая на веки веков, и грудь-то у меня вся сжатая. Вот как в яму мне, как в яму. *(Задумывается.)* А ты ничего, Вася, ты куражься, чтобы перед другими-то…

Солдат. Эй, ты! Не велено арестантам.

Вася. Погоди, кавалер, малость. *(Параше.)* Кажется, ты мне теперь, как ангел какой небес-

ный…

Параша. Ну, милый, прощай покуда!

Вася *(целует ее)*. Прощай! *(Целует ее.)*

Параша отходит и издали кланяется. Вася подходят к воротам с солдатом.

Параша *(солдату)*. Ах, постой, кавалер, постой!

Солдат и Вася останавливаются.

Вася, вот тебе деньжонок, хоть калачика купишь, голубчик. Прощай!

Вася. Да уж полно!

Солдат. Да пойдем! Что тут! Не велено!

Параша. Ну, бог с тобой!

Вася с солдатом уходят; Параша несколько времени смотрит ему вслед.

Погоди, погоди, кавалер!

Подходят Аристарх и Гаврило.

Гаврило. Пойдем поскорее! Вон богомольцы-то из городу вышли.

Параша. Подите вы прочь от меня! *(Подходит к арестантской, заглядывает в окна, потом садится на скамью у ворот и запевает.)*

Провожу-то ли я дружка далекохонько,

Я до города-то его, до Владимира,

Я до матушки-то его, каменной Моск-

вы.

Середи-то Москвы мы становилися.

Господа-то купцы на нас дивовалися.

Уж и кто это, да с кем прощается?

Или муж с женой, или это брат с сестрой,

Добрый молодец с красной девицей?

(Отирает слезы и подходит к Гавриле.) Ну, пойдем! Ты на меня не сердись.

Гаврило *(подавая палку)*. Что вы, помилуйте! Вот я вам палочку прибрал…

Параша *(берет палку)*. Новую мне жизнь, Гаврюша, начинать приходится. Трудно мне. Как ни говори, все-таки силы-то не мужские, Гаврюша.

Гаврило *(сквозь слезы.)* Кожица-то на палочке вырезана — таково красиво!

Аристарх. Ступай, Параша, ступай! Городничий идет с отцом.

Параша. Прощай, крестный!

Параша и Гаврило уходят.

Аристарх. Вот и не родная дочь, а как жаль, смерть.

Входят городничий, Курослепов и Сидоренко с кульками.

Явление седьмое

Аристарх, Градобоев, Куруслепов и Сидоренко.

Градобоев *(будочнику)*. Вели закуску готовить!

Сидоренко уходит.

Куруслепов. Ты мне ее сыщи! Это твое прямое дело! На то ты и городничим у нас поставлен.

Градобоев. Уж ты меня не учи; я свое дело знаю, зачем я поставлен. Не ты меня поставил, значит, не. смеешь ты мне и указывать.

Куруслепов. Ежели ты будешь беглых безо всякого внимания…

Градобоев. Разве она беглая? Она на богомолье ушла с матерью крестной.

Куруслепов. На богомолье?

Градобоев. Вот, значит, я больше тебя знаю. Оттого я и городничий, оттого я и жалованный, а ты мужик, так мужиком и останешься на веки веков.

Куруслепов. Да как же она может без спросу?

Градобоев. У кого ей спрашиваться? Мачеха не пустит, ты спишь целый день, а у нее есть усердие.

Куруслепов. Ну, вот, как она придет, ты ее ко мне с солдатом…

Градобоев. С солдатом?

Курослепов. На веревке.

Градобоев. И на веревке?

Курослепов. Мы ее наверх в светелку, там и запрем безвыходно.

Градобоев. Что вы за нация такая? Отчего вы так всякий срам любите? Другие так боятся срама, а для вас это первое удовольствие! Честь-то, понимаешь ты, что значит, или нет?

Курослепов. Какая такая честь? Нажил капитал, вот тебе и честь. Что больше капиталу, то больше и чести.

Градобоев. Ну, мужики и выходите! Невежеством-то вы точно корой обросли. И кору эту пушкой не пробьешь.

Курослепов. Ну, и пущай!

Градобоев. Дочь — девушка, невеста, а он ее с солдатом на веревке.

Курослепов. Потому… за непочтение, чтобы чувствовала…

Аристарх. Бедненькая!

Курослепов. Это кто еще… произносит?

Градобоев. Аристарх, кум твой.

Курослепов *(Аристарху)*. Кто это у тебя бедная?

Аристарх *(кланяясь)*. Здравствуйте, ваше степенство!

Курослепов. Нет, кто бедная-то?

Аристарх *(со вздохом)*. Рыбка мала…

Курослепов. Отчего так она бедная?

Аристарх. Оттого, что большая ее обижает.

Курослепов. То-то рыбка. А ежели ты бунтовать, так…

Градобоев. Будет толковать-то, ведь ничего умного не скажешь.

Курослепов. Та когда мне кумом-то был? Когда у меня капиталу не было.

Градобоев. Пойдем, пойдем! Закуска дожидается. *(Уводит Курослепова.)*

Аристарх. Отчего я люблю щуку ловить? Оттого, что она обидчица, рыба зубастая, так и хватает. Бьется, бьется бедная мелкая рыба, никак перед щукой оправдаться не может!

Вдали слышна песня.

Это что еще? Не наши ли? Ну, да кстати, скажу ему, может, и заступится.

Подъезжает лодка, в ней стоит Хлынов без сюртука, руки фертом, Барин с большими усами и шестеро гребцов.

Что вы безобразничаете, только рыбу пугаете! *(Хлынову.)* Ишь ты, с утра глазки-то налил. Нигде от вас скрыться нельзя.

На пристань выводят Хлынова и Барина с уса-

ми.

Явление восьмое

Аристарх, Хлынов, Барин и гребцы в лодке.

Хлынов *(важно)*. Как ты можешь, братец ты мой! Река никому не заказана.

Аристарх. Вот что, братец ты мой, поди-ка ты сюда. *(Отводит Хлынова на авансцену.)* Если ты хочешь быть таким купцом, чтобы все на тебя ахали, ты перестань шампанским песок-то поливать! Ничего не вырастет.

Хлынов. Ну, братец, говори скорей! Я теперь не в таком разе, чтоб твоих наставлениев слушать…

Аристарх. Ты сделай хоть одно доброе дело. Вот тогда про тебя заговорят — вот тогда ты себя покажешь.

Хлынов. Я все могу…

Аристарх. Ты знаешь Василья Шустрого? Он сидит в арестантской занапрасно, ты возьми его на поруки!

Хлынов. Не суть важное! Говори, братец, поскорее! Ты видишь, мне некогда.

Аристарх. Голова по злобе его в солдаты отдает, а ты его выкупи, он твои деньги заслужит; охотника найми либо квитанцию купи.

Хлынов. Из такого нестоящего дела, братец ты

мой, ты меня тревожишь.

Аристарх. Человек погибает задаром, а он нестоящее.

Хлынов. Никакого я в тебе, братец, ума не вижу. Какая мне может быть честь перед другими, если я его выкуплю! Все эти твои слова ни к чему. А все дело состоит: так как Васька на бубне даже очень хорошо стал понимать, и мне чрез это самое от него утешение, значит, я сам в одну минуту это дело кончаю. Потому, если кто мне по нраву, тех трогать не смей.

Аристарх *(с поклоном)*. Ну, как знаешь, как знаешь. Только не давай в обиду!

Хлынов. Как ты смеешь мне приказывать! Дома я с тобой разговаривать могу, а в городе я тебе не компания. Сейчас на свою дистанцию, назад! Барин, ваше благородие, пойдем к городничему.

Аристарх. Без сюртука-то! Вот так гости!

Хлынов. Тебе сказано, знай свое место! На задний стол к музыкантам! И все твои нравоучения так и останутся при тебе, не оченно-то нам интересно.

Барин. Я не пойду, нехорошо, неучтиво!

Хлынов. Я так понимаю, что это гордость.

Барин. Совсем не гордость, mon cher, чем мне гордиться? А нехорошо! Ты знаешь, я в тебе эту

черту не люблю. Уж извини.

Хлынов. Да-с. Какую это черту, позвольте спросить?

Барин. Свинства твоего!

Выходят городничий и Куруслепов. Сидоренко в дверях.

Явление девятое

Хлынов, барин, Аристарх, городничий, Куруслепов, Сидоренко и гребцы.

Хлынов. Нашему градоначальнику! *(Кланяется.)* Господин полковник, мы к вашему высокоблагородию!.. Павлину Павлинычу, предводителю нашему купеческому, почтение. Барин, гляди, вот все это наше начальство! Господин полковник Градобоев, господин Куруслепов, его высоко… высокостепенство; а для нас это все одно ничего, можем слободно…

Градобоев. Уж очень ты, господин Хлынов, безобразничаешь!

Хлынов. Господин полковник, это вы действительно; безобразия в нас даже очень достаточно. Господин полковник, вы извольте с меня, за мое безобразие, штраф положить! Как я какое безобразие, вы сейчас: «Хлынов, штраф!» Извольте получать, господин полковник.

Куреслепов. Что ты уж больно куражишься-то?

Хлынов. Отчего же мне, господин Куреслепов, не куражиться? У меня куражу-то полон погреб. Господа начальство, извольте мне ответ дать, по какому такому случаю Васька Шустрый у вас содержится?

Градобоев. Ну, уж, господин Хлынов, ты куражиться — куражься, а в чужое дело не лезь, а то я тебя ограничу.

Хлынов. Никак не чужое, потому он мне сейчас нужен.

Куреслепов. Нам тоже баловство-то в городе не очень приятно.

Хлынов. Ежели от него баловство, я в ответе. Беру сейчас на поруки.

Куреслепов. У нас за общество уйдет, мы найдем место всякому.

Хлынов. Охотника ставлю. Господин городничий, извольте отпустить Шустрого ко мне на поруки. Ежели благодарность требуется, мы за этим не постоим. *(Ищет в кармане.)*

Барин. Полно, что ты!

Хлынов. Ш-шь, ни слова! Господин полковник, извольте сами назначить.

Градобоев. Сидоренко, поди вели выпустить

Шустрого!

Сидоренко. Слушаю, вашескоблагородие! *(Уходит.)*

Хлынов. Господа, пожалуйте ко мне откушать, на дачу, покорнейше я вас прошу, щи да кашу кушать! А может, поищем, и стерлядей найдем, — я слышал, что они в садках сидеть соскучились; давно в уху просятся. Винца тоже отыщем, кажется, у меня завалялась бутылочка где-то; а не поленятся лакеи, так и в подвал сходят, дюжину-другую шампанского приволокут. Так как вы наше начальство, будем здоровье ваше пить, с пушечной пальбой, и народ поставим в саду ура кричать. Милости просим, господа!

Градобоев. Вот когда ты дело говоришь, и слышать тебя приятно.

Куреслепов. Жена будет ждать, пожалуй надумается.

Хлынов. Супруге депешу пошлем, штафету снарядим.

Сидоренко приводит Шустрого.

Явление десятое

Те же и Вася.

Хлынов *(Васе)*. Знай порядки! Как ты, братец, довольно необразован! В ноги градоначальнику!

Вася кланяется.

Его высокостепенству.

Вася кланяется.

Мне!

Вася кланяется.

Пошел в лодку, бери бубен!

Вася уходит в лодку.

Пожалуйте, господа!

Все входят в лодку.

Аристарх, к рулю!

Аристарх становится у руля.

Маркитант! Знай свое дело!

Один из гребцов подает флягу с водкой и закуску.

Пожалуйте, господа, на дорожку, чтоб смелей было ехать.

Все пьют и закусывают.

Алистарх, наблюдай, братец, где мели и подводные камни! Чуть где место опасное, докладывай, — мы в те поры будем на нутр принимать для храбрости. Поехали! Начинай! Васька, действуй с бубном!

Песня. Отъезжают.

Действие четвертое
Сцена I

ЛИЦА:
Хлынов.
Барин.
Аристарх.
Куруслепов.
Градобоев.
Вася.
Прислуга.

Сад на даче Хлынова, налево вход в дом.

Явление первое

Градобоев, Куруслепов, Хлынов, Барин и прислуга Хлынова (выходят из дому).

Куруслепов. Вот так угощение! Дай только бог перенести. Хоть какого губернатора этаким манером уважить можно. Надо тебе чести приписать!

Хлынов. А из чего ж мы и бьемся, как не из чести; одно дело, на том стоим.

Куруслепов. Ну и прощай, за мной лошади приехали. Повезут теперь меня домой.

Хлынов. Погоди, так нельзя. Надо последнюю, разгонную выпить. *(Прислуге.)* Эй! Братец! Посмотри поди, нет ли у нас какого-нибудь вина. Я думаю, что какое-нибудь найдется.

Человек уходит.

Градобоев. Вы пейте, а я шабаш.

Хлынов. Господин полковник, у нас такая пословица: в гостях, в неволе.

Градобоев. Уж ты меня неволил довольно.

Человек вносит бутылку шампанского.

Хлынов. Градоначальник наш! Уважаю! Храбрый воин! Не огорчайте хозяина, не обескураживайте купца Хлынова. *(Подает ему стакан.)*

Градобоев. Нет, стара штука. Всего вина у тебя не выпьешь. Пейте сами.

Хлынов. Ежели вам, господин полковник, угодно видеть, исправны ли обыватели, мы вам это сейчас покажем. *(Курослепову.)* Господин предводитель, прошу обо всей! Барин, выручай!

Пьют.

Кажется, довольно чисто и аккуратно. *(Показывает Градобоеву стакан.)* Потому, я в своем доме люблю опрятность. *(Человеку.)* Догадайся, братец, догадайся!

Человек. Готово-с. *(Подает другую бутылку.)*

Курослепов. Ну, нет, прощай, а то до дому не

доедешь, с дрожек свалишься.

Хлынов. Провожатого дадим.

Курослепов. Ты упрям, а я тебя упрямее. Зарежь, так не стану. Я тебе удовольствие сделал, и будет. И то уж сны какие стали сниться! Господи! Звери всё, да хоботы, всё тебя хватают, да ловят, да небо валится… Прощайте! Ну вас! *(Идет.)*

Хлынов. Напредки не забывай!

Курослепов. Твои гости. *(Уходит.)*

Хлынов. Эй, молодцы, посадите господина Курослепова на дрожки! А ежели мы в нем настоящей крепости не найдем, посадим напротив него молодца и будет держать за плечи до самого дому. *(Хочет итти.)*

Барин. Ты останься с полковником! Я пойду провожу. *(Уходит. Несколько людей за ними.)*

Хлынов *(с стаканом на подносе)*. Господин полковник, жду!

Градобоев. Не буду, русским я тебе языком говорю или нет!

Хлынов. У меня закон, господин полковник: кто не выпьет, тому на голову лить.

Градобоев. Очень мне нужно твои законы знать. У тебя закон, а у меня костыль.

Хлынов. Не сладите, господин полковник, обольем. Могу с вами паре держать, что обольем.

Градобоев. Попробуй! Что я с тобою сделаю!

Хлынов. Ничего вы со мной не сделаете, я так понимаю.

Градобоев. Да тебя засудят, тебе в Сибири места не будет.

Хлынов. Не страшно мне, господин полковник, не пугайте вы меня. Право, не пугайте лучше! Потому я от этого хуже. А хотите паре держать, что я не боюсь ничего? Вот вам сейчас видимый резон: доведись мне какое безобразие сделать, я ту ж минуту в губернию к самому. Первое мне слово от их превосходительства: «Ты, Хлынов, безобразничаешь много!» Безобразничаю, ваше превосходительство; потому такое наше воспитание, — биты много, а толку никакого. Наслышан я насчет пожарной команды, починки и поправки требуются, так могу безвозмездно. «Да, говорят, ты нраву очень буйного?» Буйного, — ваше превосходительство, сам своему нраву не рад, зверь зверем. Да и арестантские тоже плохи, ваше превосходительство. Что хорошего, арестанты разбегутся, так я тоже могу безвозмездно. Вот вам, господин полковник, наша политика! Да это еще не все. От самого-то, да к самой. «Не угодно ли, матушка, ваше превосходительство, я дом в городе выстрою, да на сирот пожертвую». Потому

что к самой я не только вхож, но даже пивал у ней чай и кофей, и довольно равнодушно. Ну, и выходит, господин полковник, что, значит, городничим со мной ссориться барыш не велик. Другому они страшны, а для нас все одно, что ничего. Так уж вы лучше со мной не судитесь, потому я сейчас вас обремизить могу; а лучше положите с меня штраф, за всякое мое безобразие, сто рублей серебра. *(Подносит вино.)* Пожалуйте без церемонии!

Градобоев *(берет стакан)*. Прокаженные вы! Турок я так не боялся, как боюсь вас, чертей! Через душу ведь я пью для тебя, для варвара. Когда вы захлебнетесь этим вином проклятым!

Хлынов. Все это нам, господин полковник, на пользу сотворено… Ежели иной раз и много, так что случается ужасно даже много…

Градобоев. Случается! Каждый день с вами это случается.

Хлынов. Допустим так; но ежели с молитвой и, главное, чтоб не оговорил никто… какой может быть вред!

Градобоев. Прощай! Теперь не скоро заманишь.

Барин возвращается.

Хлынов. Зачем же-с! А мы так надеемся, что вы

наши постоянные гости. *(Вынимает бумажник.)* Позвольте вам! *(Подает три сторублевые ассигнации.)* Сочтите так, что за штраф!

Градобоев. Ну тебя, не надо!

Хлынов *(обнимает его и кладет ему насильно деньги в карман)*. Невозможно! Без гостинцу не отпущу. Мы тоже оченно понимаем, что такое ваша служба.

Градобоев. Изломал ты меня, леший.

Хлынов. Вы ничему не причинны, не извольте беспокоиться; потому вам насильно положили.

Градобоев. Ну, прощай! Спасибо!

Целуются.

Хлынов. Эй, народы! Градоначальника провожать! Чтоб в струне.

Все уходят. Входит Вася.

Явление второе

Барин, Вася, потом Хлынов и прислуга.

Барин. Ну, как твои дела?

Вася. Квитанцию добыл, да не знаю, как вот Тарах Тарасыч… Он…

Барин. Деньги заплатит.

Вася. Ужли заплатит?

Барин. Заплатит, только тебя в шуты определит.

Вася. Ну, уж это зачем баловаться!

Барин. Что ж, не хочешь? Лучше в солдаты пойдешь?

Вася. Само собой.

Барин. Нет, шалишь! Я вашего брата видал довольно; не такие солдаты бывают, у тебя поджилки не крепки. В писарях тебе быть, это так; хохол завивать, волосы помадить, бронзовые цепочки развешивать, чувствительные стихи в тетрадку переписывать, это так; а в солдаты ты не годишься. А вот сам Хлынов идет, толкуй с ним.

Вася робко отступает. Входит Хлынов и несколько человек прислуги.

Хлынов. Уехали. Ну, вот что я теперь, братец ты мой, остался! С тоски помирать мне надобно из-за своего-то капиталу.

Барин. Вольно ж тебе скучать-то!

Хлынов. А что ж мне делать? Взад вперед бегать? На тебя, что ль, удивляться? Какие такие узоры, братец, на тебе написаны?

Барин. Во-первых, ты осторожней выражайся, а во-вторых, у тебя на то Аристарх, чтобы тебе увеселения придумывать.

Хлынов. Да, должно быть, ничего не придумал. Я ему еще давеча приказывал: сиди, братец, не сходя с места, думай, что мне делать сегодня ве-

чером. *(Слуге.)* Где Алистарх?

Слуга. Здесь, в саду, под деревом лежит.

Хлынов. Думает?

Слуга. Нет, в дудку дудит, ястребов приманивает.

Хлынов. Ему думать приказано, а он в дудку дудит. Позвать его сейчас ко мне на глаза!

Слуга уходит. Хлынов, увидав Васю, садится в кресла, разваливается и говорит важным тоном.

А, ты здесь! Поди сюда, я желаю с тобой разговаривать! Как я, братец ты мой, при твоей бедности, хочу быть тебе благодетелем,

Вася кланяется.

по этому самому, я у тебя спрашиваю, как ты сам о себе думаешь.

Вася. Квитанцию нашли-с.

Хлынов. А какой может быть курс на эти самые патенты?

Вася. То есть как цена-с?

Хлынов. Ты, братец, должен сразу понимать. Я для всякого ничтожного человека не могу по десяти раз повторять.

Вася. Четыреста рублей-с.

Хлынов. Откуда ж ты эти самые капиталы получить в надежде?

Вася *(кланяясь в ноги)*. Не оставьте, Тарах Тарасыч!

Хлынов. Ты, может, братец, воображаешь, что твои поклоны оченно дорого стоят?

Вася. Бог даст, мы с тятенькой поправимся, так в те поры вам с благодарностью…

Хлынов. Как ты, братец, мне, на моей собственной даче, смеешь такие слова говорить! Нечто я тебе ровный, что ты мне хочешь деньги отдать. Ты взаймы, что ли, хочешь взять у меня, по-дружески? Как посмотрю я на тебя, как ты, братец, никакого образования не имеешь! Ты должен ждать, какая от меня милость будет; может, я тебе эти деньги прощу, может, я заставлю тебя один раз перекувырнуться, вот и квит. Ты почем мою душу можешь знать, когда я сам ее не знаю, потому это зависит, в каком я расположении.

Вася. На все ваша воля, Тарах Тарасыч; а что у меня теперича душа расстается с телом.

Хлынов. Так бы ты должен с самого спервоначалу… покорность… Теперь я тебя, братец ты мой, так решаю; четыреста рублев для меня все равно плюнуть, а за эти деньги ты будешь служить у меня год, в какое я тебя звание определю.

Вася. Уж вы мне теперь скажите, Тарах Тарасыч; потому мое дело такое: тятенька, опять же

знакомства много, как были мы в городе на знати, сами тоже в купеческом звании…

Хлынов. Быть тебе, братец ты мой, у господина Хлынова запевалой. Вот тебе и чин от меня.

Вася. Уж оченно страм перед своим братом, Тарах Тарасыч.

Хлынов. А коли страм, братец, я тебя не неволю, ступай в солдаты.

Вася. Позвольте, Тарах Тарасыч, подумать!

Хлынов. Вот опять ты выходишь дурак и невежа! Давно ль ты сенатором стал, что думать захотел! Думают-то люди умные. А коли ты, братец, думать захотел, так свести тебя опять в арестантскую, там тебе думать будет способнее.

Вася. Нет, уж вы, Тарах Тарасыч, мою молодость не губите; а как, значит, вам угодно, так пусть и будет.

Хлынов. Недолго же ты, братец мой, думал.

Входит Аристарх.

Явление третье

Те же и Аристарх.

Хлынов. Где ты, братец ты мой…

Аристарх. Погоди, безобразный! *(Прислуге.)* Вы тут пьяные-то по саду путаетесь, так вы смотрите, там У меня в капкан не попадите; на хорька

поставлен. Тоже прислуга! Не плоше хозяина. Да там у меня змей под деревом.

Хлынов. Для чего у тебя змей? Как ты, братец, довольно глуп! Еще укусит кого.

Аристарх. Ты вот умен. Он бумажный. Я его склеил, так сушить поставил.

Хлынов. А для какой надобности?

Аристарх. Пускать будем вечером с фонарем, с лодки. А к лодке я такую машину приделываю, ручную, и колеса заказал, будет, как вроде пароход.

Хлынов. А что ж, братец ты мой, я тебе думать приказывал, куда мне себя нынешний вечер определить.

Аристарх. Я уж придумал; вот сейчас скажу. *(Берет стул и садится)*. Слушайте! Тут неподалеку есть барин, по фамилии Хватский. У него было имение хорошее, только он все это нарушил через разные свои затеи. Дом свой весь переломал, все печи и перегородки разобрал и сделал из него театр, а сам живет в бане. Накупил декорациев, разных платьев, париков и лысых и всяких; только ни представлять, ни смотреть у него этот театр некому. В деньгах он теперь очень нуждается, потому он на всех полях картофель насадил, хотел из него крахмал делать, а он у него в полях

замерз, так в земле и остался; и хочет он теперь в Астрахань ехать рыбий клей делать; теперича он весь свой театр продаст sa бесценок.

Хлынов. Для чего ты, братец, нам эту рацею разводишь?

Барин. Погоди, тут что-то на дело похоже.

Аристарх. Да само собою; нечто я стану зря. Ты слушай, безобразный, что дальше-то будет! Вот я сейчас поеду и куплю у него все костюмы. А вечером всех людей нарядим разбойниками; шляпы у него есть такие большие, с перьями. Разбойники у нас будут не русские, а такие, как на театрах, кто их знает, какие они, не умею тебе сказать. Чего не знаю, так не знаю. И сами нарядимся: я пустынником…

Хлынов. Зачем пустынником?

Аристарх. Что ты понимаешь! Уж я, стало быть, знаю, коли говорю. При разбойниках завсегда пустынник бывает; так смешнее. И выдем все в лес, к большой дороге, подле шалаша. Барина атаманом нарядим, потому у него вид строгий, ну и усы. Тебя тоже разбойником нарядим; да тебя и рядить-то немного нужно, ты и так похож, а в лесу-то, да ночью, так точь-в-точь и будешь.

Хлынов. Ну ты, братец, в забвение-то не приходи!

Аристарх. Станем мы в свистки свистеть по кустам, будем останавливать прохожих и проезжих да к атаману водить. Напугаем, а потом допьяна напоим и отпустим.

Барин. Превосходно придумано.

Хлынов. Ничего, ладно. Занятие оченно интересное. Ну, ты поезжай, а я сосну пойду. *(Уходит.)*

Барин. Мы прежде с народом репетицию сделаем. Это отличная будет штука, и благородная штука и приятная. Да, весело, чорт возьми, а то было я уж издох со скуки. *(Уходит.)*

Вася подходит к Аристарху.

Вася. Дядюшка Алистарх, я порешился к Хлынову.

Аристарх. Твое дело

Вася. Да все как-то раздумье берет! Иной раз такая мысль придет: не лучше ль в солдаты! Да кабы не так трудно, я бы сейчас… потому еройский дух…

Аристарх. То-то ты с еройским-то духом да в шуты и пошел.

Вася. Ничего не поделаешь. Страшно! А уж ежели бы я осмелился, кажется, каких бы делов наделал.

Аристарх. Полно! Где уж! Пшеничного ты

много ел. Душа-то коротка, так уж что хвастать. Хе, хе, хе! Мелочь ты, лыком шитая! Всю жизнь крупинками питаешься, никогда тебе целого куска не видать, а все бодришься, чтоб не очень, тебя хамом-то ставили. Все как-то барахтаешься, лезешь куда-то, не хочется вовсе-то ничком в грязи лежать.

Вася. Оно точно, что…

Аристарх. Смолоду-то, пока образ-то и подобие в нас еще светится, оно, как будто, нехорошо колесом-то ходить. Конечно, мое дело сторона, а к слову пришлось, я и сказал.

Вася. Да это ты верно. Вот еще мне забота: что Параша скажет, коли я у Хлынова запевалой останусь! Э, да что мне на людей смотреть! Коли любит, так и думай по-моему. Как мне лучше. А то, что слезы-то заводить. Своя-то рубашка у к телу ближе. Так, что ли, дядюшка Алистарх? Ох, да какой же я у вас ухорский песельник буду.

Уходит с Аристархом.

Сцена II

ЛИЦА:
Хлынов.
Барин.

Аристарх.
Вася.
Параша.
Гаврило.
Люди Хлынова.
Наркис и прохожие люди.

Поляна в лесу. Налево небольшой плетеный сарай для сена, у сарая, со стороны, обращенной к зрителям, положена доска на двух обрубках в виде скамьи; на правой стороне два или три пня и срубленное сухое дерево, в глубине сплошь деревья, за ними видна дорога, за дорогой поля и вдали деревня. Вечерняя заря.

Явление первое

Наркис *(за сценой)*. Тпррру! Чтоб тебя! Куда это я заехал? Вот так чаща! Тут не то что на лошади, а и пеший не пролезешь! *(Выходит.)* И каким манером меня угораздило! Задремал, должно быть. *(Останавливаясь.)* Это что за избушка на курьих ножках? Да это сарай! Э! Да я уж в другой сюда попадаю, все на то же место. Обошел! Дело нечисто! Наше место свято! И как бы, кажется, обойти, не такие часы теперь, еще совсем светло. Нет, надо так полагать, что я задремал. И диви

бы с ними, с мужиками много пил; а то что! Что я пил? Дай бог памяти! Два стакана, да полстакана, да две чайных чашки, да еще полчашки, да рюмка. Да что считать-то! Дай бог на здоровье! Что ж, я слава богу; мне все одно, что воду, да другому и воды столько не одолеть. А считать-то грех. С того сохнут, говорят, кто считаное-то… Всего четыре версты от дому, а никак не доеду. Пойду, выведу лошадь-то на дорогу, да так нахлещу, чтоб мигом дома. А то что за страм! Хозяин послал за делом, а я пропал; еще подумают, пьян. *(Уходит.)*

Из леса выходят маршем: Хлынов, на нем, сверх жилета, испанский плащ, на голове бархатная шапочка с перьями; Аристарх в костюме капуцина; Барин и за ним попарно люди Хлынова в разных костюмах, между ними Вася; сзади несут две корзины с напитками и съестным.

Явление второе

Хлынов, Аристарх, Барин, Вася и прислуга.

Хлынов *(хочет итти на дорогу)*. Марш!

Аристарх *(удерживая его)*. Погоди, безобразный! Куда ты?

Хлынов. Проехал кто-то, братец ты мой.

Аристарх. Ну, так что ж?

Хлынов. Должен я поглядеть али нет?

Аристарх. Нам из лесу выходить-то еще рано, больно светло. *(Смотрит на дорогу.)* А кто проехал, я тебе сейчас скажу. Это Наркис, приказчик Куруслепова, на хозяйской тележке. Посылали куда-нибудь. Э! Да как его покачивает! Задремал, должно быть! Куда он поворачивает, чудак! Ну, да лошадь сама знает, вывезет на дорогу.

Хлынов. Ты, братец, затеял, ты и порядок заводи.

Аристарх. Вот и стой здесь все! Тут у нас привал будет. Барин, помещик Хлынов, садитесь на скамейку за сараем: там вас с дороги не видно будет. Корзины в сарай несите.

Хлынов. Маркитант, приготовь закуску, чтобы, братец ты мой, в лучшем виде!

Садятся с Барином на скамью.

Аристарх. Вот теперь расставим людей. Вы двое на бугор, вы двое к мосту, да хоронитесь хорошенько за кусты, — на проселок не надо, там только крестьяне да богомольцы ходят. Вы, коли увидите прохожего или проезжего, так сначала пропусти его мимо себя, а потом и свистни. А вы, остальные, тут неподалеку в кусты садитесь. Только сидеть не шуметь, песен не петь, в орлянку не играть, на кулачки не биться. Свистну, так выходите. *(Подходит к Хлынову.)*

Хлынов. Что же мы, братец, сидим? Первое твое старание, чтоб мне занятие было. А как скоро мне нет занятия, я могу сейчас в скуку и в тоску впасть. А в тоске и в скуке, братец ты мой, дурные мысли в голову приходят, и даже я могу вдруг похудеть через это самое.

Аристарх. С чего скучать-то! Какая тишина! Не вышел бы из лесу-то, какой вечер чудесный!

Хлынов. Что такое чудесный вечер? И чем он хорош? Можешь ли ты, братец, понимать это? Летний вечер оттого приятность в себе имеет, что шампанское хорошо пьется, ходко, — потому прохлада. А не будь шампанского, что такое значит вечер! Барин, не нарушить ли нам флакончик?

Свист.

Аристарх. Постой! *(Свистит.)*

Из лесу выходят люди Хлынова.

Тише!

Наркис *(за сценой)*. Тпррр…у! Чтоб тебя! О, волк тебя заешь! Куда меня занесло! Тпррр…у!

Аристарх. Я огляжу пойду. *(Подходит к кустам и возвращается.)* Это Наркис; он в лесу запутался. *(Хлынову.)* Вот тебе и добыча!

Наркис *(за сценой)*. Оказия! Никакой силой тут не выдерешься. Придется мне тебя назад за хвост тащить. И куда это я застрял! Надо оглядеться.

Аристарх *(людям)*. Обойдите его кругом, как подам знак, так хватайте и ведите сюда.

Наркис выходит. Люди Хлынова заходят со всех сторон.

Явление третье

Те же и Наркис.

Наркис *(осматриваясь.)* Вот так важно! Сарай! Да я опять тута, в третий раз. Молодец! Ну, не наваждение ли это дьявольское! Нет, уж что ни толкуй, а дело видимое. Вот уж и темнеет, вот уж и страх меня забирает. Он шутит. Он теперь вышел, как начнет темнеть, так ему и выход; засветло не выходит никогда, не положено, не может… Уж пускай бы пошутил, только въявь не показывался. Очень уж, говорят, видом разителен, так что нет такого смелого человека, чтоб на него прямо смотреть! Когда я теперь дома буду? Нет, шабаш! Теперь в поводу поведу, уж не задремлю. Только б он мне навстречу не вышел, а то, кажется, и лошадь бросишь. Нет, уж я теперь дома буду; я неробкого десятку. Ну, само собой, если вот прямо, так перед носом твоим из земли вырастет, так испу… *(Идет к лошади.)*

По знаку Аристарха один из людей Хлынова загораживает ему дорогу.

А вот он и есть… Вот тебе и раз! Вот он и как тут! Я ведь и в другую сторону поверну и оглядываться не стану. *(Идет в другую сторону.)*

Другой человек загораживает ему дорогу.

Вот и другой. Однако!

Аристарх выходит из-за сарая и делает знак, чтобы его взяли.

Вот и третий! Да их тут полон лес! Это уж, надо быть, самый настоящий! И хмель у меня соскочил. Кричать аль нет! Да чего кричать! Кроме лешего, никто не откликнется. *(Машет рукой на Аристарха.)* Наше место свято! *(Шепчет.)* Не действует! Ну, теперь капут.

Слуги берут его под руки и ведут к Хлынову. Другие приносят вино и стакан. Барин делает ему знак, чтобы он пил.

Эго, значит, пить надо? Да, может, это зелье какое? Может, с него разорвет?

Барин делает отрицательный знак.

Верно твое слово? Ну, так я, что ж, я выпью. *(Пьет. Ему наливают еще.)* Стало быть, и еще? Ничего, первый прошел, как быть следует. Я и еще. *(Пьет.)* Благодарствуйте. Теперь позвольте вас спросить, что вы такое, люди, примерно, аль что другое?

Барин *(густым басом)*. Мы разбойники.

Наркис. Разбойники? Не похоже. На тех-то вы, на не наших-то, не к ночи сказать, ко дню, больше похожи, особливо вот этот. *(Указывая на Аристарха.)* Ведь это какая страсть-то, особенно в лесу-то да ночью.

Аристарх. Трепещи!..

Наркис. Да уж и то трепещусь. Все во мне трепещется.

Барин. Мы из чужих земель.

Наркис. Да? Наехали? Что ж, вы и смертоубийством занимаетесь?

Барин. Нет.

Наркис. Ну, теперича мне легче. Что ж, это хорошо, что вы душ не губите. А грабите-таки довольно?

Барин. Нет.

Наркис. Как нет? Что ж вы не грабите? Это вы напрасно. Вы из чужих земель, вы нашего народу не знаете. Наш народ простой, смирный, терпеливый народ, я тебе скажу, его можно грабить. И промежду прочим, даже есть много таких, которые не знают, куда им с деньгами деваться. Право. Вот Хлынов, да что ж его не ограбить! Ему еще, пожалуй, лучше от этого.

Хлынов. Как ты, братец мой…

Аристарх *(грозно)*. Молчи!

Наркис *(Барину).* Вот что, друг любезный, вели еще стаканчик поднести. А то от страха что-то зябнется.

Барин кивает головой.

А уж опосля, что хотите, со мной делайте. У вас и вино-то, должно, привозное; а у нас в торговле такой-то, друг любезный, обман живет. *(Подносят — пьет.)* Так вы не грабите?

Барин. Не грабим.

Наркис. Что же вы с нами делаете?

Барин. Возьмем, напоим и отпустим.

Наркис. Это очень хорошо. Это расчудесно.

Аристарх. Понравилось?

Наркис. Да чего ж лучше. И не слыхано, да кто и сказал-то бы, так не поверишь.

Барин. Хочешь в нашу шайку, в разбойники?

Наркис. В разбойники? А у вас как положение? Артельно или от хозяина, на жалованьи?

Барин. На жалованьи.

Наркис. Харчи свои али хозяйские?

Барин. Хозяйские.

Наркис. Положение хорошее. Я с превеликим бы удовольствием, да вот что, друг… *(Оглядываясь на людей Хлынова.)* Что они тут стоят! Прогони их, не бойся, я не уйду. Сядем на траву, я хорошую компанию люблю.

Аристарх дает знак, люди расходятся. Наркис, Хлынов, Барин, Аристарх садятся на землю.

Вот что, друг ты мой единственный, как звать тебя, не знаю… Я бы с охотой… а не пойду.

Барин. Отчего?

Наркис. Мне житье теперь… Мне житье! Малина! Умирать не надо. Что только есть, первый сорт. Хозяин у меня глупый, — вот послал меня с мужиками рядиться, луга кортомим; а я не очень чтоб уважаю. А с хозяйкой я в любви и во всяком согласии.

Аристарх. Не верю.

Наркис. Уж это так точно. Уж что! Даром слова не скажу. И насчет съестного и прочего… все. Вот сейчас приеду… поедем ко мне в гости! Сейчас при тебе потребоваю вина, братец, всякого: красного, белого, рому… всякого. И вот сейчас скажу: неси тысячу рублей! Чтоб мигом тут было! И принесет.

Аристарх. Врешь!

Наркис. Истинно! Нешто первый раз! Две принесет, только б ей как у мужа спроворить. Страсть как любит! Говорю тебе, друг ты мой единственный, ужасно как любит, и слов таких нет. Вот недавно две тысячи своими руками принесла. Я сейчас, друг мой единственный, под подушку в

ящик… ключом щелк, а ключ на крест. Вот и нынче, как приеду, велю тысячу принести, — и сейчас в ящик и щелк; потому я хочу, друг мой любезный, в купцы выходить. Так я себя понимаю, что мне надо. А вот что, друг милый, мне еще бы…

Аристарх. Видно, ты любишь?

Наркис. Не то чтоб я любил; а как мне, по моим чувствам, это на пользу.

Аристарх. Изволь! Только б охота была, а вина у нас вдоволь. *(Подзывает человека.)* Вот они тебе и лошадь помогут вывести. *(Человеку.)* Попотчуй его хорошенько. *(Тихо.)* Потом положи в телегу да проводи до городу. *(Наркису.)* Ступай с ним, обиды не будет.

Наркис. Благодарю за компанию. *(Уходит.)*

Аристарх *(Хлынову)*. Ну, что, доволен ты? Нет худа без добра. Вот нынче же все это городничему я и объясню, чтоб за него, за плута, невинные люди не страдали.

Хлынов. Хорошо бы теперь, братец, какого благородного, чтоб с ним шампанского выпить.

Барин. Барышню какую-нибудь воспитанную, институтку!.. Я бы сейчас пал на колени перед ней, и сцену из трагедии.

Аристарх. А вот пойдемте на большую дорогу, может, кто и попадется. А тут что, тут проселок.

Вон, видишь, богомолки идут.

По дороге проходят богомолки.

Хлынов. С этим народом, братец, какое может быть развлечение, одна канитель.

Уходят. Параша и Гаврило показываются на дороге.

Явление четвертое

Параша и Гаврило.

Параша. Как я устала! Сил моих нет! Я с места двинуться не могу, мне не дойти до города.

Гаврило. Отдохните, Прасковья Павлиновна; вот тут на полянке присядьте, на бревнышках. На траву не садитесь, роса. Отдохнувши-то, мы своих догоним, еще рано. Часу в десятом будем в городе.

Параша. Посидим, не могу итти, не могу.

Гаврило. Вы не то что с дороги, а больше от чувств.

Параша. Я падаю, падаю.

Гаврило. Позвольте, я вас поддержу под локоточек. *(Доводит ее до бревен.)*

Параша. Я только устала, а мне, помолившись-то, как будто легче. Как мне тебя благодарить, я не знаю. Кабы не ты, мне бы не дойти.

Гаврило. Что ж, мне ведь самому надо было…

Параша. Нет, не говори, я знаю, что ты только для меня пошел. Как у меня голова… руки и ноги точно не свои, и как будто забытье. И в голове-то шум, а ничего у меня не болит, и так мне хорошо, приятно, только как будто вот что-то мне представляется, — что такое? Гудит, гудит, точно вот речка по камням, или мельница… Дурно мне, Гаврюша, дурно!

Гаврило. Да что вы, родная! Я пойду водицы принесу, тут где-то ключик был.

Параша. Поди, поди!

Гаврило идет, в разных местах свист. Он бежит назад.

Гаврило. Свистят.

Параша. Что ты? Не слышу.

Гаврило. Свистят по лесу.

Параша. Ну, что ж, шалят… Поди.

Гаврило отходит. В это время свист усиливается. Из кустов выходит Барин и, заметив Парашу, подбегает к ней, она на него с испугом смотрит. В нескольких местах показываются люди Хлынова.

Явление пятое

Те же, Барин и люди Хлынова.

Барин. Красавица! Наконец-то я нашел тебя.

(Берет ее за руку.)

Параша хочет бежать, но силы ее оставляют. Барин ее поддерживает, обняв ее одной рукой.

Гаврило *(схватив большую суковатую палку, бросается на Барина)*. Не трожь ее! Я умру на этом месте, а тронуть ее не позволю.

Барин стреляет из пистолета, Гаврило падает.

Параша. Ах, убит, убит! *(Закрывает лицо руками.)*

Гаврило *(приподнимаясь и ощупываясь)*. Нет, я словно жив. Это я, надо полагать, с испугу. Оглушило только! Что ж это, господи! *(Встает.)*

Барин делает знак, набегают люди и уносят Гаврилу.

Барин. Ты меня не узнаешь? О, я давно люблю тебя. Зачем ты сделала меня несчастным? Я бросил людей, бежал в леса и набрал шайку разбойников. Наконец ты в моих руках. Ты будешь моя. О!..

Параша *(делает усилие, чтобы оттолкнуть его)*. Нет, нет! Вася, Вася!

Барин. Хочешь парчи, хочешь бархату, бриллиантов? Все твое! Только люби меня.

Параша *(стараясь освободиться, но силы ее слабеют)*. Ах, нет, нет! Не надо, ничего не надо!

Пусти меня! Пожалей… Прошу тебя, молю тебя, пожалей меня. *(Почти шопотом.)* Я не своя теперь. Я чужая, я Васина… Вася! Вася! *(Лишается чувств.)*

Барин сажает ее на скамью у сарая и поддерживает. Входят Хлынов и Аристарх.

Явление шестое

Параша, Барин, Хлынов, Аристарх и люди Хлынова.

Хлынов. Что за стрельба?

Барин. Идите скорей! Какую я красавицу обрящил! Да, должно быть, испугалась очень, надо ей помочь как-нибудь.

Хлынов. Девка, братец, первый сорт. Одобряю.

Аристарх *(подбегая)*. Ах вы, варвары! Да ведь это крестница моя, Параша, Куруслепова дочь. *(Хлынову.)* Пошли скорей за коляской, я ее домой свезу!

Хлынов посылает одного из своих людей.

Уж и ты, барин, нашел кого обидеть! Ума-то у тебя, видно, как у малого ребенка. Подайте ее сюда, разбойники, она вам, пьяницам, не пара! Далеко вам, далеко! *(Садится на скамью подле Параши и обмахивает ее платком.)* Воды!

Люди бегут за водой.

Как вы смели трогать-то ее своими грязными лапами! Она, как есть, голубка; а вы мало чем лучше дьяволов. Вот она, шутка-то! И я-то, дурак, тешить вас взялся! Пора мне знать, что у вас ни одной шутки без обиды не обходится. Первое ваше удовольствие — бедных да беззащитных обижать. *(Приносят воды, он льет ей несколько капель на голову.)* Уж эта ли девушка не обижена, а тут вы еще. Дома ее заели совсем; вырвалась она кой-как,

Параша понемногу приходит в чувство и прислушивается.

пошла богу помолиться, у него защиты попросить… Так отец, с сонных-то глаз, по мачехину наученью, давеча поутру велел городничему изловить ее да на веревке, с солдатом по городу провести для страму; да в чулан дома запрут ее на полгода, а то и на год.

Параша *(привстает и как бы в бреду)*. По городу с солдатом? В чулан? Где он? Где атаман? Пойдем! Вместе пойдем! И я с вами…

Барин и **Аристарх**. Куда? Куда?

Параша. В город, в город. Я сама… *(С криком.)* Не ругаться им надо мной! Не сидеть мне в чулане! Зажгу я свой дом с четырех углов. Пойдемте! Я вас проведу, я вас прямо проведу. Дайте мне в

руки-то что-нибудь!.. Ружье… да огня, больше огня. *(Обессиливает.)*

Аристарх. Параша! Что ты! Бог с тобой! Да ведь это я, твой крестный. *(Снимает капюшон.)*

Параша *(смотрит на него)*. Крестный?

Аристарх. Да, да, крестный! Аристарх. Узнала теперь? Мы шутим. Это вот подрядчик Хлынов! Слыхала? Безобразный такой. Нечего ему делать-то, а денег много, вот он и забавляется.

Параша. А Гаврило где?

Аристарх *(оборачиваясь)*. Где Гаврило?

Один из людей. Он вырвался от нас да убежал.

Аристарх. Вот теперь прибежит, перемутит весь город, ну, да мы на лошадях-то раньше его будем. А знаешь ли, Параша, Хлынов Васю из солдатства выкупил.

Параша. Выкупил?

Хлынов. Четыреста серебра внес.

Аристарх. Да где Вася-то? Он с нами был.

Хлынов. Где Васька? Позвать сюда Ваську!

Вася выходит из рощи.

Явление седьмое

Те же и Вася.

Параша. Вася! Вася! *(Бросается к нему на шею.)*

Вася. Что ты? При народе-то нехорошо.

Параша. Ты на воле?

Хлынов. Я его теперича к себе в песельники определил.

Параша *(отступая)*. В песельники?

Вася. Что ж, надо чем-нибудь заниматься, хлеб добывать.

Хлынов. Я его теперича в кабалу взял за эти самые деньги на год.

Параша *(с испугом)*. В кабалу?

Аристарх. Вот чем похвалился! Благодетель! Из людей шутов делает.

Хлынов. А хоть бы и шутов, братец ты мой. Кто же мне может запретить? Он человек несостоятельный; я за свои деньги в какую угодно должность, в такую его и определю, стало быть, ему самому нравится. В шуты нанялся, шутом и будь. Васька, знай свою дистанцию! На задний стол! Барышня, угодно вам, мы вас потешим? Сейчас могу скомандовать веселую. Эй, народы! Васька, бери бубен, делай колено!

Вася отходит.

Параша *(со слезами)*. Вася! Вася!

Вася *(подходя к ней)*. Что тебе?

Параша *(со слезами)*. Вася, зачем ты деньги брал?

Вася. Что ж, в солдаты?..

Параша. Да, да. Я уж и помолилась… Я решилась. Да, да, в солдаты… Обидно, да зато честно это… Ведь решились мы; ведь уговорились; ты хотел… Разве ты… разве ты…

Хлынов. Васька, знай свое место!

Вася отходит.

Параша. Разве ты… струсил?

Васе подают бубен, он его берет молча.

Отвечай! Отвечай мне! Струсил ты? Обробел?

Вася с сердцем встряхивает бубном.

Такой красивый, такой молодец и струсил. С бубном стоит! Ха, ха, ха! Вот когда я обижена. Что я? Что я? Он плясун, а я что? Возьмите меня кто-нибудь! Я для него только жила, для него горе терпела. Я, богатого купца дочь, солдаткой хотела быть, в казармах с ним жить, а он!.. Ах, крестный! Трудно мне… духу мне!., духу мне надо… а нет. Била меня судьба, била… а он… а он… добил. *(Падает к Аристарху на руки.)*

Аристарх. Лошадей проворней! Дай бог только живую довезти! Бедная ты, бедная мученица.

Действие пятое

ЛИЦА:
Куруслепов.
Матрена.
Параша.
Силан.
Наркис.
Градобоев.
Аристарх.
Гаврило.
Вася.
Сидоренко.
Жигунов.
Рабочие и будочники.

Декорация первого действия. 10 часов вечера.

Явление первое

Матрена сходит с крыльца и идет по двору. Куруслепов несколько времени спустя выходит на крыльцо, у ворот Силан.

Куруслепов. Матрена!

Матрена. Что еще! Нянчись с ним, как с ма-

леньким. Проснулся, видно, продрал глаза-то.

Курослепов. Поди сюда!

Матрена *(возвращаясь)*. Ну?

Курослепов. Что ты меня одного покидаешь! Ночное дело…

Матрена. А ночное дело, так спи! Чего еще?

Курослепов. Спать-то бы оно точно… да меня сумление… где Наркис?

Матрена. Не печалься, найдется. Наркис не иголка; ту потеряешь, так не скоро сыщешь.

Курослепов. Какой же такой порядок? Как же он может! Стало быть, его гнать надобно по шее. По хозяйскому делу послан, опять же я ему наказывал…

Матрена. А если он дома?

Курослепов. Для чего не кажется?

Матрена. А коли он спит! Человек он тоже или нет?

Курослепов. Значит, он не в своем виде.

Матрена. А ты давеча в своем виде приехал от Хлынова? Впереди тебя человек сидит да за плечи держит. Днем-то так, по городу.

Курослепов. Так всякий знает, что я хозяин. А он что?

Матрена. Каков хозяин, таковы и люди. С кого им пример-то брать, как не с хозяина.

Курослепов. Что ты меня морочишь! Я еще не совсем из ума-то выжил. Кого за делом посылают, должен он ответ дать? Говори, должен?

Матрена. Разве завтра для вас дня-то не будет! Наговоритесь. Авось дело-то не государственное.

Курослепов *(со страхом)*. Матрена! Матрена!

Матрена. Что с тобой?

Курослепов. Смотри кверху! Гляди сюда!

Матрена. Ох! Как ты, Павлин Павлиныч, вдруг женщине! Ведь ты как испугать можешь! Наше дело такое слабое, что ото всякой малости мало ль что! Ты меня таким манером когда-нибудь уродом сделаешь. Вот упало сердце. Чуть жива стою, вся как пустая.

Курослепов. Гляди ты кверху, говорят тебе!

Матрена. Зачем?

Курослепов. Падает?

Матрена. Что падает-то, оглашенный человек?

Курослепов. Небо.

Матрена. Ну, будет! Поговорил, и будет. Ступай спать! Мочи моей нет с тобой! Связать тебя да в сумасшедший дом! Как может небо падать, когда оно утвержденное. Сказано: твердь! Ступай спать! Ступай без разговору. Минуты с тобой покою нет.

Курослепов *(уходя)*. А спать, так спать. Я по-

шел!

Матрена. Ты что это в сапог-то прячешь?

Куруслепов. Деньги.

Матрена. Много ли?

Куруслепов. Доложить рубль, так шестьсот сорок будет.

Матрена. Потеряешь из сапога-то, а потом опять историю заведешь.

Куруслепов. Нет, уж я теперь их, знаешь куда? В спальне мешочек с орехами, так я их под орехи, под самый под низ, пущай до завтрего. Там целей, в орехах-то! *(Уходит.)*

Матрена. Силантий!

Силан *(подходя)*. Чего тебе?

Матрена. Что Наркис?

Силан. Ничего, образумился. Причесывается теперь.

Матрена. Где это он?

Силан. Мало местов-то? Была б охота! С мужиками торговался, со всем миром.

Матрена. Так что ж?

Силан. То ж. У мужиков-то ни этой думы, ни сенату не выстроено, одно строение только и есть, где мирские дела судят.

Матрена. Так вот что!

Силан. А то что же? Заведен порядок, не менять

его стать. Ну, значит, суди сама, ежели кто падок. Да вот он, Наркис-то. *(Отходит от Матрены и потом уходит за ворота.)*

Выходит Наркис.

Явление второе

Матрена и Наркис.

Матрена. Что, беспутный! Что, беспутный! Вот погоди, достанется тебе от хозяина.

Наркис. Не больно страшно. Ты меня не пугай! Я нынче и не такие страсти видел, да не испугался. Вот тебя бы на этакую страсть, посмотрел бы я, что ты заговорила. Тут на одном такие сапоги были, что у тебя от одних от сапог-то душа бы в пятки ушла. А уж какие шляпы! Да всё с перьями. А у одного мешок на голове, суконный.

Матрена. От такого загулу мало ль что приснится. Дня на два рассказывать будет.

Наркис. Ну, уж это я знаю, приснилось мне или нет. Оно хоть я и не больно испугался, а все меня как будто ломает; мне теперь поправка хорошая нужна.

Матрена. Какая поправка?

Наркис. Рому бутылка, а то две… На ночь я теплого.

Матрена. Ты липового цвету лучше.

Наркис. Ври еще! Ромашки не выпить ли? Очень нужно сырость-то эту в животе заводить. Сказано тебе, рому. Я свою натуру лучше знаю.

Матрена. Где ж я возьму?

Наркис. Ищи поди! Не найдешь впотьмах, так фонарь зажги.

Матрена. Этакого ирода, как ты, еще свет не создавал.

Наркис. Да уж ты, кстати, с ромом-то захвати для меня тысячу рублей; по моим расчетам, у меня теперь ровно тысячи нехватает.

Матрена. Ни, ни, ни! Ни под каким видом! И не заикайся!

Наркис. Я и то не заикаюсь, я тебе явственно говорю. А то я тебя и на порог к себе не пущу. А завтрашнего числа, как буду хозяину отчет отдавать, все твои дела ему, как на ладони.

Матрена. Не я ль твою образину кругом облагодетельствовала! И тебе не жаль свою благодетельницу?

Наркис. Который я раз тебе говорю, что во мне жалости нет. Ты на мою жалость и не уповай никогда.

Матрена. Ох, погубитель! погубитель!

Наркис. Вот что, ты тише, не делай страму прежде времени.

Матрена. Где я столько денег возьму?

Наркис. Ну, ежели малость чего нехватит, я прощу.

Матрена. Да как я к тебе приду-то? Ну, как Силантий увидит?

Наркис. А ты вот что: возьми у мужа кафтан либо шинель, да и надень, а на голову шляпу. Силантий ежели хоть и увидит, так подумает, что сам хозяин идет ко мне, браниться. А я пойду самовар поставлю, чтобы мне теплого…

Уходит во флигель, Матрена в дом, Силан выходит из ворот.

Явление третье

Силан, потом Матрена.

Силан. Врозь разошлись. Диковина! А городничий дожидается. Пойти сказать ему, чтоб шел домой! Полно, мол, тебе по ночам-то! Иди, мол, старичок убогонький, домой! Тоже ведь и их дело! Как не пожалеть! Обыватель теперь спит, а он его береги. А кого беречь-то? Кого? Да еще взыскивают. То не усмотрел, другое оплошал. Ишь ты, обывателю покой нужен. А для чего ему покой? Что он трудился, что ли, через силу? Напился, наелся, да и на пуховик, как чурбан али пень какой. Службы он никакой не нес, походов

из конца в конец не ломал, смертной чаши не видывал; лежит как боров, да говорит: ты меня от всякой напасти соблюдай! Нет, кто как, а мне нашего старика жаль. Первое дело — старый, уродованный…

Выходит Матрена в шинели и шляпе.

Что за диво! Хозяин вышел! Очень мне это удивительно, потому в эту пору разве его только рычагом или на блоке, а то не подымешь. *(Подходит к Матрене.)* Что тебе! Аль не спится? Ты будь без сумления, я тута.

Матрена *(переменив голос)*. Ступай за ворота! Чего ты здесь не видал!

Силан. Приказываешь за ворота? Были мы и за воротами.

Матрена. Ступай, говорят тебе!

Силан *(про себя)*. Эге! Вот оно что! *(Матрене.)* Иду, иду, хозяин; всю ночь буду у калитки сидеть, — оставайся с успокоем. *(Идет к воротам.)*

Матрена входит к Наркису.

Нет, шалишь! Не обманешь. Коротко шагаешь, ноги спутаны. Что у нее в руках-то? Какой-то мешочек; должно, орехов Наркису несет, позабавиться. *(Подходит к калитке и отворяет ее.)*

Входят Аристарх и Параша.

Явление четвертое

Силан, Аристарх, Параша.

Силан. Ты какими судьбами?

Аристарх. Сорока на хвосте принесла. Прошла?

Силан. Кто? Ступай, брат, ступай. Твоего тут дела никакого. Коли что есть, мы с хозяином промеж себя. Не в трубу нам трубить.

Аристарх. Не ломайся со мной! Меня городничий прислал, я с ним за добросовестного.

Силан. Ну, так бы ты и говорил! Прошла, братец, прошла. *(Параше с поклоном.)* Помолимшись!

Параша. Бог милости прислал, дядюшка Силантий.

Аристарх *(Параше)*. Ну, иди, красавица, в свое гнездышко, ничего не бойся, душой своей отвечаю. Будет беда, да только не тебе. На отца не гневись: он не столько со злобы, сколько от слабости. Что делать! Ночная кукушка денную перекукует. А злодейке твоей мы, — бог даст, — язык-то прищемим.

Параша уходит в дом.

Силан *(громко)*. Посматривай!

Входят Градобоев, Вася, Сидоренко, несколько будочников и инвалидных солдат.

Градобоев *(Сидоренке)*. Расставляй команду к окнам, к дверям и к воротам, чтоб муха не пролетела. Хо, хо, хо! У меня пропажа не находится! Пропажа не находится! Вот я ему покажу, как не находится. Я ему найду, уткну его носом в деньги-то. Смотри, скажу, смотри! Не находятся? Видишь ты теперь? А вот, чтоб ты не обижал старых, заслуженных офицеров, я эти денежки теперь в карман. Сидоренко, бумаги с тобой, постановление писать?

Сидоренко. Со мной, ваше высокоблагородие.

Градобоев. Понятые здесь?

Сидоренко. За воротами сидят, ваше высокоблагородие.

Градобоев *(Силану)*. Теперь ты нам хозяина подавай!

Силан. Будить, что ли? Да что в нем проку-то? Он спросонков у нас, как чумовой!

Курослепов выходит на крыльцо.

Явление пятое

Те же и Курослепов.

Силан. Да вот он сам… Теперь, что хочешь с ним…

Курослепов *(на крыльце)*. Вот тебе и орехи! Матрена! Матрена, не видала ль ты, где орехи?

(Взглянув наверх.) О, господи! Опять валится. Вот, вот… Нет, не валится, а точно оно пополам раскололось…

Силан *(Градобоеву)*. Слышите, что говорит.

Куреслепов. Матрена! Силан! Эй! Кто тут живые люди!

Матрена показывается из двери флигеля.

Сидоренко *(загораживая ей дорогу)*. Не велено!

Матрена. Ай! *(Уходит во флигель.)*

Куреслепов. Ну, режут кого-то. Вот тут и живи, как знаешь. В доме грабеж, а на дворе и вовсе разбой; видимое дело, что последние дни; в небе трещина с чего-то.

Градобоев. Будет тебе предсказывать-то! Поди сюда, мы давно тебя ждем.

Куреслепов. Да ты что за человек?

Градобоев. Слезай, говорят тебе! Проклажаться-то некогда.

Куреслепов. А! Да это ты! Ну, мне теперь все-таки облегчение. А у меня, брат, опять… Весь мешок и с орехами.

Градобоев. Найдется.

Куреслепов. Да, вот ты все, — найдется, а ничего не находится. На посуле-то вы…

Градобоев. Ну, так ты знай же: твои деньги нашлись, только взять их мудрено.

Куреслепов. Отчего так?

Градобоев. А вот сам увидишь! Пойдем вместе.

Куреслепов. Пойдем.

Градобоев. Жигунов, бери команду. Марш вперед!

Жигунов и несколько солдат маршируют к флигелю.

Куреслепов. Постой!

Градобоев *(Жигунову)*. Стой!

Жигунов останавливается.

Куреслепов. Вот что я у тебя хочу спросить, чтоб уж мне покойней было… Гляди наверх.

Градобоев. Гляжу.

Куреслепов. Лопнуло небо? Так немножко наискось?

Градобоев. Да я-то что, астроном, что ли? У меня и без того дела-то по горло. Лопнуло, так починят. Нам-то какое дело! Марш!

Дверь во флигель отворяется, на пороге показывается Матрена в шинели и шляпе.

Сидоренко *(не пуская ее)*. Не велено.

Куреслепов. Вот она когда смерть-то моя! Уж каких чудес со мной ни делалось, а этого еще не бывало. Нет уж, видно, друг ты мой, сколько мне ни маяться, а не отвертеться. Потому, гляди! Вот здесь с тобой я, а вон там, на пороге, опять

тоже я.

Матрена, увидав мужа, скрывается во флигель.

Градобоев. Еще то ли увидишь, погоди! Марш!

Жигунов с солдатами уходит во флигель. Градобоев и Куруслепов за ними.

Аристарх *(Васе)*. Теперь твое дело, Василий, поправляется.

Вася. Да уж теперь я строго, потому не смей он порочить! Я с него за бесчестье... Он меня в солдаты, а я, по его милости, должен был в кабалу итти. Уж я теперь за все это его дочь могу требовать смело. Мы хоть люди маленькие, а нас тоже марать-то зачем же! Нет, уж теперь дочь подавай. Все знают, что я к ней через забор лазил, в городе-то не утаишь. Ну, стало быть, я ей и жених! У нас такой порядок.

Аристарх. Действуй, братец, как тебе к лучшему!

Вася. Какой у меня, дядюшка Аристарх, характер! Беда! Тоже в обиду не дадимся.

Из флигеля выходят Градобоев, Куруслепов, Матрена, Наркис связанный, Жигунов и солдаты.

Явление шестое

Градобоев, Куруслепов, Матрена, Аристарх, Вася, Сидоренко, Жигунов, Силан, Наркис, солдаты.

Градобоев *(Куруслепову).* Понял ты теперь? Куруслепов. Как не понять, я не вчера из пеленок-то. Ну, так как же, Матрена Харитоновна?

Матрена. Разве я своей волей? Известное дело, враг попутал. Так на него на одного всю вину положить и надо. Смущал он меня, смущал, да вот и… Как я ему ни противилась, как себя ни утверждала, да, видно, силен… Горами качает, не то что нами, грешными, которые в слабости.

Куруслепов. Да? Горами… Вы вчера нам тут проповедывали, что у тятеньки вам не в пример лучше, что там оченно по вас убиваются; так уж вы теперича к нему поступайте!

Матрена. Да уж конечно. Должна же я кому-нибудь на вас плакаться. Кто за меня здесь заступится! По крайности я буду жаловаться родителю, что вы меня острамили. Как вы были всю жизнь моим злодеем, так чего же еще мне от вас дожидаться. А что еще у нас с вами судбище будет большое.

Куруслепов. Ничего не страшно. Вам бы от стыда теперь нос-то в подушки спрятать покудова, а

завтра мы вас чем свет препроводим.

Матрена уходит.

Градобоев. Ну, вот и ладно, вот и молодец.

Курослепов *(Наркису)*. Ты это как же?

Наркис. А вот так же.

Курослепов. Ведь тебя теперь не похвалят.

Наркис. Ну, там еще что будет, а я по крайности пожил в свое удовольствие. Жаль, что я давеча в разбойники не пошел! Это настоящее мое занятие.

Градобоев. Ну, так как же с ним? Постановление сделать да порядком дело начать?

Курослепов. Вот еще, нужно очень бумагу-то марать. Вели свести его в арестантскую, заместо Васьки отдадим в солдаты, и шабаш.

Градобоев. Сидоренко, сведи в арестантскую, да распусти понятых. Эй вы, воины! Марш домой.

Уходят и уводят Наркиса.

Вася. Что ж, в самом деле! За что ж вы на меня, коли я выхожу правый человек. Обижать-то нешто хорошо!

Курослепов. И то, брат, виноват! Больно поторопился. В солдатах-то тебе быть, только не сейчас. Ну, что ж, коли ты правый человек, так погуляй немножко, покуда очередь не дошла.

Градобоев. Ну, деньги твои у меня, мы с тобой

их завтра разделим. Помнишь разговор, помнишь обиду; мы с тобой посчитаемся, а теперь хорошо бы после трудов-то горло промочить, находку спрыснуть.

Курослепов. Дядя Силантий, вели-ка поди нам шипучего подать.

Силан уходит.

Градобоев. Вот теперь ты будешь жить порядком, хозяйничать у тебя будет дочь, да возьми зятя хорошего в дом.

Курослепов. Дочь! Дочь-то сбежала.

Градобоев. Это ты во сне видел.

Курослепов. Ну, вот еще!

Аристарх. Во сне, ваше степенство.

Курослепов. Толкуйте!

Силан входит.

Где дочь?

Силан. Где ж ей! Известно, дома.

Выходит Параша с бутылкой вина и стаканами на подносе.

Да вот она вино несет.

Явление седьмое

Те же и Параша.

Курослепов. Постойте! *(Отводит Градобоева в сторону.)* Вот что, будь друг, слезно я тебя прошу,

скажи мне по душе, вовсе я рехнувшись, или еще во мне какая искра теплится? Если я вовсе, так уж вы лучше меня за решетку, чтоб я меж людей не путался.

Градобоев. Погляди-ка на меня! Нет, еще рано за решетку, еще погуляй. Я тогда тебе скажу.

Курослепов. Ну, ладно. *(Параше.)* Обноси гостей-то! Привыкай к хозяйству.

Параша наливает стаканы и подает Аристарху.

Вот и видно, что дура. Ты по чину обноси!

Параша. Чинов ваших я не знаю; а тому прежде и подаю, кто меня больше любит. Коли я хозяйка, так уж ты меня не учи. *(Подносит Градобоеву.)*

Градобоев *(пьет)*. Право, брат, отдай ее замуж, пора; по всему вижу, что пара.

Параша подносит отцу.

Курослепов. Хочешь замуж?

Параша. Отчего ж не пойти! Только я тебе наперед говорю, — чтоб у нас брани не было! Отдавай меня за того, кого я сама полюблю. А уж ты меня не неволь! А то ежели я выду против воли да с моим сердцем, так добра не жди.

Градобоев. Вон она какая! Говорю, отдавай поскорей!

Сильный стук в ворота.

Силан. Кого там еще! *(Отпирает.)*
Вбегает Гаврило.

Явление восьмое

Те же и Гаврило.

Гаврило *(не замечая Параши)*. Батюшки! Мочи моей нет! Павлин Павлиныч! Ох, задохся! Вот беда-то!

Курослепов. Да ты с виселицы, что ль, сорвался?

Гаврило. Хуже! Ведь отняли, из рук отняли.

Курослепов. Что?

Гаврило. Дочку-то вашу, родную-то, Прасковью Павлиновну! Я к ней, а он в меня раз из пистолета. Да что мне! Я б рад за нее жизни решиться, — да не убил, не убил.

Курослепов. Вижу, что не убил.

Гаврило. Две деревни обивал, весь лес обыскали, — нету, похитил. Вот из рук, из рук… Батюшка, Павлин Павлиныч! *(Кланяется.)*

Курослепов. Что мне теперь с ним? Разве водой попробовать из ушата?

Гаврило. Батюшки мои! Родные! На грех она меня взяла-то, дурака! Что для меня дороже-то всего на свете, что я берег-то пуще глазу… целый день, кажется, вот всякую пылинку с нее сду-

вал, — а тут вдруг ее у меня…

Курослепов. Ну, Гаврилка, видно, нам с тобой на одной цепи сидеть!

Гаврило. Простите вы меня, ради бога! Я только сказать-то забежал, а то мне уж один конец… С мосту, с мосту! С самой средины с камнем. Простите меня, православные, ежели я кого чем… *(Увидав Парашу.)* Ах! *(Хочет бежать.)*

Силан *(останавливает)*. Постой! Куда ты? Уж это шалишь, теперь на мост!.. Да что за напасть! И не пущу… И не просись лучше. Ничего в этом хорошего, уж поверь ты мне.

Аристарх подходит к Гавриле и шепчет ему на ухо.

Параша. Ничего, пройдет. Это он с горя, что ему от места отказали. *(Подносит Градобоеву и отцу вино.)* Пожалуйте!

Курослепов. Ты бы нам еще бутылочку.

Параша. Сейчас подадут. Дедушка Силантий! Возьми из сеней бутылочку.

Силан уходит.

А вот я давеча начала говорить, да не кончила. *(Отцу.)* Уж ты мне дай слово крепкое, что за немилого неволить не станешь.

Градобоев. Да, а мы свидетелями будем.

Курослепов. Да по мне хоть сейчас. Ну, скажи,

кто тебе люб, за того и ступай.

Параша. Кто люб-то мне? Сказать разве? Изволь, скажу! *(Берет Васю за руку.)* Вот кто мне люб.

Гаврило *(утирает слезы)*. Ну, вот и слава богу!

Вася. Да, уж ты теперь прямо говори.

Параша. Я прямо и буду говорить. *(Отцу.)* Вот как мне люб этот человек: когда ты хотел его в солдаты отдать, я и тогда хотела за него замуж итти, не боялась солдаткой быть.

Гаврило. Вот и хорошо, все благополучно.

Параша. А теперь, когда он на воле, когда у меня и деньги, и приданое будет, и мешать-то нам некому…

Гаврило. Ну, и дай бог!

Параша. Теперь бы я пошла за него, да боюсь, что он от жены в плясуны уйдет. И не пойду я за него, хоть осыпь ты меня с ног до головы золотом. Не умел он меня брать бедную, не возьмет и богатую. А пойду я вот за кого. *(Берет Гаврилу.)*

Гаврило. Нет, нет-с. Вы ошиблись. Не то совсем-с.

Параша *(отцу)*. Не отдашь ты меня за него, так мы убежим да обвенчаемся. У него ни гроша, у меня столько же. Это нам не страшно. У нас от дела руки не отвалятся, будем хоть по базарам

гнилыми яблоками торговать, а уж в кабалу ни к кому не попадем! А дороже-то для меня всего: я верно знаю, что он меня любить будет. Один день я его видела, а на всю жизнь душу ему поверю.

Гаврило. Да невозможно, помилуйте, что вы!

Параша. Отчего же?

Гаврило. Какой я вам жених! Нешто я настоящий человек, такой же, как и все.

Параша. Как же не настоящий?

Гаврило. Так-с, я не полный человек. Меня уж очень много по затылку как спервоначалу, так и по сей день; так уж у меня очень много чувств отшибено, какие человеку следует. Я ни ходить прямо, ни в глаза это людям смотреть, — ничего не могу.

Градобоев. Ничего. Понемножку оправишься.

Курослепов. Ну, что ж, выходи за Гаврилку. Все ж таки у нас в доме будет честней, чем до сих пор было.

Параша. Вот, батюшка, спасибо тебе, что ты меня, сироту, вспомнил. Много лет прошло, а в первый раз я тебе кланяюсь с таким чувством, как надо дочери. Долго я тебе чужая была, а не я виновата. Я тебе с своей любовью не навязываюсь, а коль хочешь ты моей любви, так умей беречь ее. Крестный, мы тебя возьмем в приказчики на

место Наркиса. Переезжай к нам завтра.

Силан приносит вино.

Курослепов. Ты уж меня и не спрашиваешь.

Параша. Чего не знаю, так спрошу, а что сама знаю, так зачем спрашивать.

Курослепов. Да ну, хозяйничай, хозяйничай!

Параша *(подавая вино.)* Пожалуйте!

Градобоев. Поздравляй жениха-то с невестой!

Курослепов. Что ж, детки, дай вам бог счастливей нашего.

Гаврило. Покорнейше благодарим-с. *(Параше.)* Да неужто вправду-с?

Градобоев. Уж теперь запили, значит, дело кончено.

Курослепов. Сколько в нынешнем месяце дней, 37 или 38?

Градобоев. Вона! Что-то уж длинен больно.

Курослепов. Да и то длинен.

Градобоев. Да что считать-то! Сколько дней ни выйдет, все надо жить вплоть до следующего.

Курослепов. Да, само собой, надо; а несчастлив он для меня. Каков-то новый будет? Чего-то со мной в этом месяце не было! Пропажа, долгов не платят; вчера мне показалось — светопреставление начинается, сегодня — небо все падает, да во сне-то раза два во аде был.

Градобоев. Сподобился?

Параша. Ну, гости дорогие, отцу, я вижу, спать пора, уж он заговариваться начал.

Градобоев. Ну, прощай! Когда сговор?

Параша. А вот позвольте нам убраться немного, мы приглашения разошлем. Прощай, крестный! Прощай, Вася! Ты не сердись, навещай нас.

Все уходят.

(Отцу.) Ну, прощай, батюшка! Спи, господь с тобой! А я теперь дождалась красных дней, я теперь всю ночку на воле просижу с милым дружком под деревцем, потолкую я с ним по душе, как только мне, девушке, хочется. Будем с ним щебетать, как ласточки, до самой ясной зореньки. Птички проснутся, защебечут по-своему, — ну, тогда уж их пора, а мы по домам разойдемся. *(Обнимает Гаврилу, садятся на скамью под дерево.)*

Бешеные деньги

Действие первое (Вместо пролога)

ЛИЦА:

Савва Геннадич Васильков, провинциал, лет 35. Говорит слегка на «о», употребляет поговорки, принадлежащие жителям городов среднего течения Волги: «когда же нет» — вместо «да»; «ни Боже мой» — вместо отрицания, «шабер» — вместо «сосед». Провинциальность заметна и в платье.

Иван Петрович Телятев, неслужащий дворянин, лет 40.

Григорий Борисович Кучумов, лет 60, важный барин, в отставке с небольшим чином, имеет и по жене и по матери много титулованной родни.

Егор Дмитрич Глумов.

Надежда Антоновна Чебоксарова, пожилая дама с важными манерами.

Лидия Юрьевна, ее дочь, 24 лет,

Андрей, слуга Чебоксаровых.

Григорий, слуга Телятева.

Николай, слуга Кучумова.

Мальчик из кофейной.

Гуляющие.

В Петровском парке, в саду Сакса; направо от

зрителей ворота в парк, налево кофейная.

Явление первое

Проходят гуляющие, некоторые останавливаются и читают афишу на воротах. Телятев и Васильков выходят из кофейной.

Телятев *(что-то жует)*. Ну да, ну да. *(В сторону.)* Когда он отстанет!

Васильков. Я хочу сказать, что она, по своей миловидности, очень привлекательная девица.

Телятев. Вот новость! Какое открытие вы сделали. Кто же этого не знает! *(Снимает шляпу и кланяется.)* Совершенная правда-с. Чебоксарова хороша — дважды два четыре. Вы еще такой бесспорной истины не знаете ли?

Васильков. Я хотел вам сказать, что она мне очень понравилась.

Телятев. Еще лучше. Да кому же она не нравится! Помилуйте вы меня! И что тут для меня интересного, что она вам нравится? Вы, должно быть, издалека приехали?

Васильков. Да, не близко-таки.

Телятев. Вот бы вы меня удивили, если б сказали, что вы ей понравились. Это была бы штука любопытная. А что она вам нравится, диковины тут нет. Я знаю человек пятнадцать, которые в

нее влюблены без памяти, только из взрослых людей, а если считать с гимназистами, так и конца нет. А вы знаете что? Вы попробуйте сами ей понравиться.

Васильков. Да разве ж это так трудно?

Телятев. Ну, да уж я вам скажу.

Васильков. А что ж нужно для того? Какие качества?

Телятев. Такие, каких нет у нас с вами.

Васильков. А позвольте, например?

Телятев. А например: полмиллиона денег или около того.

Васильков. Это ничего…

Телятев. Как ничего! Батюшка вы мой! Да что ж, миллионы-то как грибы растут? Или вы Ротшильдам племянник, тогда и разговаривать нечего.

Васильков. Хотя ни то, ни другое; но нынче такое время, что с большим умом…

Телятев. Вот, видите ли, с умом, да еще с большим. Значит, прежде надо ум иметь. А у нас большие умы так же редки, как и миллионы. Да оставимте лучше об уме говорить; а то кто-нибудь из знакомых услышит, смеяться станут. Умные люди сами по себе, а мы сами по себе. Значит, ум побоку. Ну его! Где его взять, коли Бог не дал!

Васильков. Нет, я не так скоро откажусь от этой способности. Но что же еще нужно, чтобы ей понравиться?

Телятев. Красивый гвардейский мундир, да чин, по крайней мере, полковника, да врожденную светскость, которой уж научиться никак нельзя.

Васильков. Это же очень странно. Неужели никакими другими достоинствами, никакими качествами ума и сердца нельзя покорить эту девушку?

Телятев. Да как же она узнает про ваши качества ума и сердца? Астрономию, что ли, вы напишете да будете читать ей!

Васильков. Жалею, очень жалею, что она так недоступна.

Телятев. Да вам-то что же?

Васильков. Вот, видите ли, я с вами откровенно буду говорить;у меня особого рода дела, и мне именно нужно такую жену, блестящую и с хорошим тоном.

Телятев. Ну, да мало ли что кому нужно! Что вы богаты очень?

Васильков. Нет еще.

Телятев. Значит, надеетесь разбогатеть.

Васильков. В настоящее время…

Телятев. Да что вы все с настоящим временем?

Васильков. Потому более, что именно в настоящее время разбогатеть очень возможно.

Телятев. Ну, это кому как бог даст. Это еще буки. А в настоящее-то время вы имеете что-нибудь верное? Скажите! Я вас не ограблю.

Васильков. Я вполне уверен, что не ограбите. Верного я имею, без всякого риску, три лесные дачи при моем имении, что может составить тысяч пятьдесят.

Телятев. Это хорошо, пятьдесят тысяч деньги; с ними в Москве можно иметь на сто тысяч кредита; вот вам и полтораста тысяч. С такими деньгами можно довольно долго жить с приятностями.

Васильков. Но ведь надо же будет платить наконец.

Телятев. А вам-то какая печаль! Что вы уж очень заботливы! Вот охота лишнюю думу в голове иметь! Это дело предоставьте кредиторам, пусть думают и получают, как хотят. Что вам в чужое дело мешаться: наше дело уметь занять, их дело уметь получить.

Васильков. Не знаю, таких операций не производил; наши операции имеют совсем другие основания и расчеты.

Телятев. Вы еще молоды, дойдете и до наших расчетов.

Васильков. Не спорю. Но позвольте просить вас познакомить меня с Чебоксаровыми. Хотя я имею мало вероятности понравиться, но надежда, знаете ли, никогда не покидает человека. Я как увидал ее с неделю тому назад, все о ней и мечтаю. Я узнал, где они живут, и в том же доме квартиру нанял, чтобы видеть ее почаще. Стыдно деловому человеку увлекаться, но что делать, я в любви еще юноша. Познакомьте, прошу вас.

Телятев. Извольте, с удовольствием.

Васильков *(крепко жмет ему руку)*. Если я вам могу быть чем-нибудь полезен…

Телятев. Бутылку шампанского, я других взяток не беру. Будет бутылка?

Васильков. Когда же нет! Во всякое время и сколько вам угодно. *(Крепко жмет Телятеву руку.)* Я, право, так вам благодарен.

Телятев. Да позвольте, позвольте руку-то! Это черт знает что!

Васильков *(оглядывается, не выпуская руки Телятева)*. Кажется, они?

Телятев. Они, они.

Васильков. Пойду поближе, полюбоваться. Право, я такой чувствительный!.. Вам, может

быть, смешно.

Телятев. Да вы руку-то…

Васильков. Извините! Я надеюсь вас найти на этом месте.

Телятев. Надейтесь.

Васильков поспешно уходит. Входит Глумов.

Явление второе

Телятев и Глумов.

Глумов. Что за шут гороховый с тобой разговаривал?

Телятев. Это мне бог на шапку послал за мою простоту.

Глумов. Что ж тебе за барыш?

Телятев. Шампанским поит.

Глумов. А! Это недурно.

Телятев. Я вот погляжу, погляжу на него, да должно быть, денег у него займу.

Глумов. Это еще лучше, коли даст, разумеется.

Телятев. Думаю, что даст; я ему нужен.

Глумов. Перестань, сделай милость! Кому и для чего ты можешь быть нужен!

Телятев. А вот слушай.

Глумов. Слушаю.

Телятев. Я увидал его в первый раз здесь, в парке, с неделю тому назад. Иду я по той аллее

и издали вижу: стоит человек, разиня рот и вытаращив глаза; шляпа на затылке. Меня взяло любопытство, на что он так удивляется. Слона не водят, петухи не дерутся. Гляжу, и что ж бы ты думал, на кого он так уставился? Угадай!

Глумов. На кого? Не знаю. Какое диво в парке может быть?

Телятев. На Чебоксарову.

Глумов. У него губа-то не дура.

Телятев. Коляска Чебоксаровых остановилась, кругом нее толпа молодежи; они обе разговаривали с кем-то, уж не знаю; а он стоит поодаль, так и впился глазами. Коляска тронулась, он бросился вслед за ней, человек пять сшиб с ног, и мне досталось. Стал извиняться, тут мы и познакомились.

Глумов. Поздравляю.

Телятев. А сегодня, представь себе, увидал, что я разговаривал с Чебоксаровыми, ухватил меня чуть не за ворот, втащил в сад, спросил бутылку шампанского, потом другую, ну, мы и выпили малым делом. А вот здесь открылся мне, что влюблен в Чебоксарову и желает на ней жениться. Видишь ты, по его делам, — а какие у него дела, сам черт не разберет, — ему именно такую жену нужно; ну, разумеется, просил меня познакомить его с ними.

Глумов. Ах он, эфиоп! Вот потеха-то! Приехал откуда-то из Камчатки и прямо женится на лучшей нашей невесте. Видишь ты, у него дела такие, что ему непременно нужно жениться на ней. Какая простота! Ма-ло ли у кого какие дела! Вот и у меня дела такие, что мне нужно на богатой невесте жениться, да не отдают. Что он такое за птица? Что он делает, по крайней мере?

Телятев. Это уж одному аллаху известно.

Глумов. Объясни мне его слова, манеры, и я тебе сразу скажу, кто он.

Телятев. Нет, пожалуй, и с двух не скажешь. Он дворянин, а разговаривает, как матрос с волжского парохода.

Глумов. Судохозяин, свои пароходы имеет на Волге.

Телятев. Стал расплачиваться за вино, вынул бумажник вот какой *(показывает руками)*, пол-аршина, наверное. Чего там нет! Акции всякие, счеты на разных языках, засаленные письма на серой бумаге, писанные мужицким почерком.

Глумов. Да богат он?

Телятев. Едва ли. Говорит, что есть имение небольшое и тысяч на пятьдесят лесу.

Глумов. Невелико дело. Виноват, он не пароходчик.

Телятев. Он небогат или скуп; заплатил за вино — и сейчас же при мне записал в книжку в расход.

Глумов. Не конторщик ли? А как характером?

Телятев. Прост и наивен, как институтка.

Глумов. Прост и наивен… не шулер ли?

Телятев. Не могу сказать. А вот пьет шампанское, так на диво: отчетливо, методически, точно воду зельтерскую. Выпили по бутылке, и хоть бы краска в лице прибавилась, хоть бы голос поднялся.

Глумов. Ну, так сибиряк, наверное, сибиряк.

Телятев. Сигары курит дорогие, по-французски говорит отлично, только с каким-то акцентом небольшим.

Глумов. Теперь знаю, агент какого-нибудь торгового дома лондонского, и толковать нечего

Телятев. Разбирай его, как знаешь! Вот задачу-то задал!

Глумов. Ну, да кто бы он ни был, а комедию сыграть нужно. Мы уж и то давно не смеялись, все приуныли что-то.

Телятев. Только в твоей комедии комические-то роли, пожалуй, достанутся нам.

Глумов. Нет, мы будем играть злодеев, по крайней мере, я… И вот с чего начинается: ты

познакомь этого чудака с Чебоксаровыми, а я скажу Надежде Антоновне, что у него золотые прииски; и будем любоваться, как она станет за ним ухаживать.

Телятев. А ну как узнают, что это вздор, как окажется, что у него только и есть чухломская деревня?

Глумов. А нам-то что! Мы скажем, что от него слышали, что он сам хвастал.

Телятев. Ну, зачем же!

Глумов. Что ж, тебе его жалко? Эка телячья натура! Ну, мы скажем, что ошиблись, что у него не золотые прииски, а прииски брусники по лесам.

Подходит Васильков.

Явление третье

Телятев, Глумов и Васильков.

Телятев. Нагляделись на свою красавицу?

Васильков. До сытости.

Телятев. Позвольте вас познакомить! Савва Геннадич Васильков, Егор Дмитрич Глумов.

Васильков *(крепко жмет руку Глумова)*. Очень приятно.

Глумов. А мне вот неприятно, что вы крепко руку жмете.

Васильков. Извините, провинциальная при-

вычка.

Глумов. Вас зовут: «Савва»; ведь это не то, что Савватий?

Васильков *(очень учтиво)*. Нет, то другое имя.

Глумов. И не то, что Севастьян?

Васильков. Нет, Севастиан по-гречески значит: достойный почета, а Савва — слово арабское.

Глумов. А Савёл?

Васильков. Ну, уж напрасно. Возьмите святцы и посмотрите.

Телятев. Вы и по-гречески знаете?

Васильков. Учился немного.

Глумов. А по-татарски?

Васильков. Простой разговор понимаю — казанское наречие, а вот в Крыму был, так с трудом объяснялся.

Глумов *(в сторону)*. Уж это черт знает что такое!

Телятев. А вы давно из Крыма?

Васильков. Дней десять, не более. Я проездом был, из Англии.

Глумов *(в сторону)*. Как врет-то!

Телятев. Как же вы из Англии в Крым попали?

Васильков. А на Суэцком перешейке земляные работы меня интересовали и инженерные сооружения.

Глумов *(в сторону)*. А может быть, и не врет. *(Василькову.)* Вы нас застали, когда мы про брак разговаривали, то есть не про тот брак, который бракуют, а про тот, который на простонародном языке законным называется.

Васильков. Хороший разговор.

Глумов. Вот я хочу посвататься на Чебоксаровой.

Васильков. Судя по ее красоте, вероятно, многие желают того же.

Глумов. Но эти многие глупы; они сами не знают, зачем хотят жениться. Красота им нравится, и они хотят только сами воспользоваться этой красотой, то есть похоронить ее, как мертвый капитал. Нет, красота не мертвый капитал, она должна приносить проценты. Только дурак может жениться на Чебоксаровой без расчета; на ней должен жениться или шулер, или человек, составляющий карьеру. У первого ее красота будет служить приманкой для неопытных юношей, у другого — приманкой для начальства и средством к быстрому повышению.

Васильков. Я буду спорить.

Глумов. Вот вам расчет верный и благоразумный! Вот вам современный взгляд на жизнь.

Васильков. Я буду спорить.

Глумов. Все эти кислые толки о добродетели глупы уж тем, что непрактичны. Нынче век практический.

Васильков. Позвольте, я буду с вами спорить.

Глумов. Спорьте, пожалуй,

Васильков. Честные расчеты и теперь современны. В практический век честным быть не только лучше, но и выгоднее. Вы, кажется, не совсем верно понимаете практический век и плутовство считаете выгодной спекуляцией. Напротив, в века фантазии и возвышенных чувств плутовство имеет более простора и легче маскируется. Обмануть неземную деву, заоблачного поэта, обыграть романтика или провести на службе начальника, который занят элегиями, гораздо легче, чем практических людей. Нет, вы мне поверьте, что в настоящее время плутовство спекуляция плохая.

Телятев. Чебоксаровы подходят.

Васильков *(быстро хватая его за руку)*. Познакомьте; умоляю вас!

Телятев. Ой! *(Отдергивает руку.)* С величайшим удовольствием.

Подходят Надежда Антоновна и Лидия.

Явление четвертое

Надежда Антоновна, Лидия, Васильков, Телятев и Глумов.

Телятев *(Надежде Антоновне)*. Хотите, с миллионщиком познакомлю?

Надежда Антоновна. Да ты, тюлень, и солгать не дорого возьмешь.

Телятев. Ведь я даром: процентов с вас не возьму.

Надежда Антоновна. Познакомь! Да, ведь ты дрянь, тебе верить нельзя.

Телятев. Ей-богу! Ну, вот еще!.. Савва Геннадич!

Надежда Антоновна. Погоди, погоди! Что за имя!

Телятев. Ничего! Не бойтесь! Миллионщиков всегда так зовут.

Васильков подходит.

Честь имею вам представить друга моего, Савву Геннадича Василькова.

Надежда Антоновна. Очень приятно.

Васильков. Искренне желал. Знакомства в Москве не имею.

Телятев. Отличный человек, по-гречески говорит. *(Отходит к Лидии.)*

Надежда Антоновна. Судя по вашему имени, вы в Греции родились?

Васильков. Нет, я в России, недалеко от Волги.

Надежда Антоновна. Вы где живете?

Васильков. В деревне, а то все в разъездах.

Надежда Антоновна *(Глумову)*. Егор Дмитрич, сыщите моего человека!

Глумов подходит.

Васильков. Да позвольте, я бегом сбегаю. Его как зовут?

Надежда Антоновна. Андреем.

Васильков. Сию минуту отыщу вам.

Надежда Антоновна. Возьмите у него мою шаль, что-то сыро становится. *(Говорит тихо с Глумовым.)*

Васильков уходит.

Телятев *(Лидии)*. Я против сырости меры принял.

Лидия. Жаль; вы такой добрый, вас можно бы любить, но вы такой развратный человек.

Телятев. Я развратный человек?..Да вы добродетельней меня не найдете. Я вам сейчас докажу.

Лидия. Докажите!

Телятев. Извольте! Я вам представлю моего соперника, который уничтожит меня в вашем сердце.

Лидия. Это совсем не так трудно; гораздо легче, чем вы думаете.

Васильков с шалью почти бегом подбегает к Надежде Антоновне; за ним Андрей.

Васильков. Нашел, вот он здесь-с. *(Подает шаль.)*

Надежда Антоновна. Ах, как вы меня испугали!*(Надевает шаль.)* Благодарю вас. Андрей, вели коляске дожидаться у театра.

Андрей. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Телятев *(Василькову)*. Савва Геннадич!

Лидия. Какое имя!.. Он иностранец?

Телятев. Из Чухломы.

Лидия. Какая это земля? Я не знаю. Ее нет в географии.

Телятев. Недавно открыли. *(Васильков подходит.)* Позвольте вам представить моего друга Савву Геннадича Василькова.

Лидия кланяется.

Он бывал в Лондоне, в Константинополе, в Тетюшах, в Казани; говорит, что видел красавиц, но подобных вам — никогда.

Васильков. Да перестаньте же! Я конфужусь.

Лидия. Вы знаете в Казани мадам Чурило-Пленкову?

Васильков. Когда же нет!

Лидия. Она, говорят, разошлась с мужем.

Васильков. Ни боже мой!

Лидия. Подворотникова знаете?

Васильков. Он мой шабёр.

Лидия взглядывает на Телятева. Несколько времени молчания. Васильков, конфузясь, отходит.

Лидия. На каком он языке говорит?

Телятев. Он очень долго был в плену у ташкентцев. *(Говорят тихо.)*

Глумов *(Надежде Антоновне)*. У него прииски, самые богатые по количеству золота, из каждого пуда песку фунт золота намывают.

Надежда Антоновна *(взглядывает на Василькова)*. Неужели?

Глумов. Он сам говорит. Оттого он так и дик, что все в тайге живет, с бурятами.

Надежда Антоновна *(ласково смотрит на Василькова)*. Скажите! По наружности никак нельзя догадаться.

Глумов. Как же вы золотопромышленника узнаете по наружности? Не надеть же ему золотое пальто! Довольно и того, что у него все карманы набиты чистым золотом; он прислуге на водку дает горстями.

Надежда Антоновна. Как жаль, что он так неразумно тратит деньги.

Глумов. А для кого же ему беречь, он человек одинокий. Ему нужно хорошую жену, а главное, умную тещу.

Надежда Антоновна *(очень ласково смотрит на Василькова)*. А он ведь и собой недурен…

Глумов. Да, между тунгусами был бы даже красавцем.

Надежда Антоновна *(Лидии)*. Пройдем, Лидия, еще раз. Господа, я гуляю, мне доктор велел каждый вечер гулять. Кто с нами?

Васильков. Если позволите.

Надежда Антоновна *(приятно улыбаясь)*. Благодарю вас, очень рада.

Уходят Надежда Антоновна, Лидия, Васильков.

Явление пятое

Глумов и Телятев.

Глумов. Ну, комедия начинается.

Телятев. Ты таки сказал?

Глумов. Разве я пропущу такой случай!

Телятев. То-то она поглядывала на него очень сладко.

Глумов. Пусть маменька с дочкой за ним ухаживают, а он тает от любви; мы доведем их до экстаза, да потом и разочаруем.

Телятев. Не ошибись. Поверь мне, что он же-

нится на Чебоксаровой и увезет ее в Чебоксары. Мне страшно его, точно сила какая-то идет на тебя.

Подходит Кучумов.

Явление шестое

Телятев, Глумов и Кучумов.

Кучумов *(издали)*. Ma in Ispania, ma in Ispania… mille e tre…[5]. *(Подходит гордо, подымая голову кверху.)*

Телятев. Здравствуй, князинька!

Кучумов. Какую я сегодня кулебяку ел, господа, просто объеденье! Mille e tre…

Глумов. Не на похоронах ли, не от кондитера ли?

Кучумов. Что за вздор! Ma in Ispania… Купец один зазвал. Я очень много для него сделал, а теперь ему нужно какую-то привилегию иметь. Ну, я обещал. Что для меня значит!

Глумов. Да и обещать-то ничего не значит.

Кучумов. Какой у тебя, братец, язык злой! *(Грозит пальцем.)* Уж ты дождешься, выгонят тебя из Москвы. Смотри. Мне только слово сказать.

Глумов. Да ты давно бы сказал; может быть, бог

---

[5] Примечания: 5
А в Испании, а в Испании… тысяча и три…

даст, попаду в общество людей поумней вас.

Кучумов. Ну, ну! *(Махнув рукой.)* С тобой не сговоришь.

Телятев. А коли не сговоришь, так и не начинай. Я всегда так делаю.

Кучумов. Mille e tre… Да, да, да! Я и забыл. Представьте, какой случай: я вчера одиннадцать тысяч выиграл.

Телятев. Ты ли, не другой ли кто?

Глумов *(горячо)*. Где и как, говори скорей!

Кучумов. В купеческом клубе.

Телятев. И получил?

Кучумов. Получил.

Телятев. Рассказывай по порядку!

Глумов. Удивительно, если правда.

Кучумов *(с сердцем)*. Ничего нет удивительного! Будто уж я и не могу выиграть! Заезжаю я вчера в купеческий клуб, прошел раза два по залам, посмотрел карточку кушанья, велел приготовить себе устриц…

Глумов. Какие теперь устрицы!

Кучумов. Нет, забыл, велел приготовить перменей. Подходит ко мне какой-то господин…

Телятев. Незнакомый?

Кучумов. Незнакомый. Говорит: не угодно ли вашему сиятельству в бакару? Извольте, говорю,

извольте! Денег со мной было много, рискну, думаю, тысчонку-другую. Садимся, начинаем с рубля, и повезло мне, что называется, дурацкое счастье. Уж он менял, менял карты, видит, что дело плохо; довольно, говорит. Стали считаться — двенадцать с половиной тысяч… Вынул деньги…

Глумов. Ты говорил, одиннадцать.

Кучумов. Уж не помню хорошенько. Что-то около того.

Телятев. Кто же это проигрывает по двенадцати тысяч в вечер? Таких людей нельзя не знать.

Кучумов. Говорят, приезжий.

Глумов. Да я вчера был в купеческом клубе, там никакого разговора не было.

Кучумов. Я приехал очень рано, почти еще никого не было, и всю игру-то мы кончили в полчаса.

Глумов. С тебя ужин сегодня.

Телятев. Ужин у нас есть с Василькова, а ты нас поди коньячком попотчуй, что-то сыро становится.

Кучумов. Да ты, пожалуй, целую бутылку выпьешь; ведь это по рюмкам-то дорого обойдется.

Телятев. Нет, я рюмку, много две.

Кучумов. Коли две, пожалуй. А я вас в воскресенье обедом накормлю дома, дам вам севрюгу

свежую, ко мне из Нижнего привезли живую, дупелей и такого бургонского, что вы…

Телятев *(берет его под руку)*. Пойдем, пойдем! У меня уж зубы начинают стучать от сырости; пожалуй, лихорадку схватишь.

Уходят. Подходят Надежда Антоновна, Лидия, *Васильков и человек Чебоксаровых.*

Явление седьмое

Надежда Антоновна, Лидия, Васильков и Андрей.

Надежда Антоновна *(Андрею)*. Вели коляске подъехать поближе!

Андрей. Слушаю-с! *(Уходит и скоро возвращается.)*

Надежда Антоновна *(Василькову)*. Благодарю вас, нам пора ехать. Прошу вас бывать у нас.

Васильков. Когда прикажете?

Надежда Антоновна. Когда угодно. Я принимаю от двух до четырех; лучше всего вы приезжайте к нам обедать запросто. По вечерам мы ездим гулять.

Васильков. Почту за счастье быть у вас при первой возможности. Лидия Юрьевна, я человек простой, позвольте мне выразить вам все мое удивление к вашей несравненной красоте,

Лидия. Благодарю вас. *(Отходит и, заметя, что мать говорит с Васильковым, выражает нетерпение).*

Надежда Антоновна. Так мы вас ждем.

Васильков. Не преминую. Завтра же воспользуюсь вашим обязательным приглашением. Я живу недалеко от вас.

Надежда Антоновна. Неужели?

Васильков. В одном доме, только по другой лестнице.

Надежда Антоновна, уходя, несколько раз оглядывается, Васильков долго стоит без шляпы неподвижно и смотрит им вслед.

Явление восьмое

Васильков один.

Васильков. Как она ласкова со мною! Удивительно! Должно быть, она или очень доброе сердце имеет, или очень умна, что через грубую провинциальную кору видит мою доброту. Но как еще я сердцем слаб! Вот что значит очень долго и постоянно заниматься чистой и прикладной математикой. При сухих выкладках сердце скучает, зато, когда представится случай, оно отметит и одурачит математика. Так и мне сердце отметило; я вдруг влюбился, как несовер-

шеннолетний, влюбился до того, что готов делать глупости. Хорошо еще, что у меня воля твердая и я, как бы ни увлекался, из бюджета не выйду. Ни боже мой! Эта строгая подчиненность однажды определенному бюджету не раз спасала меня в жизни. *(Задумывается.)* О, Лидия, Лидия! Как сердце мое тает при одном воспоминании о тебе! Но ежели ты бессердечна, ежели ты любишь одни только деньги!.. Да, такая красавица легко может взять власть над моей младенческой душой. Я чувствую, что буду игрушкой женщины, ее покорным рабом. Хорошо еще, что у меня довольно расчета, и я никогда не выйду из бюджета.

Подходят Кучумов, Телятев и Глумов.

Явление девятое

Васильков, Кучумов, Телятев и Глумов.

Телятев. Ну что, познакомились? Легче стало на душе? Поздравляю. *(Целует Василькова.)*

Васильков. Я вам много обязан и, поверьте, не забуду.

Телятев. Если забудете, я вам напомню. За вами бутылочка, поедемте ужинать, там и разопьем. *(Кучумову.)* Князинька, вот наш новый приятель, Савва Геннадич Васильков.

Кучумов. А! Да! Вы приезжий?

Васильков. Приезжий, ваше сиятельство.

Телятев. Нет, он не сиятельство, он просто Гриша Кучумов, а это мы так его зовем оттого, что очень любим.

Кучумов. Да! Наше общество слишком взыскательно, слишком высоко, довольно трудно попасть новичку; много, много надо иметь…

Телятев. Что он вздор-то говорит!

Глумов. Кабы наше общество было взыскательнее, так бы нам с тобой туда не попасть.

Телятев. А вот что, не выпить ли здесь разгонную?

Васильков. Если общество желает. Человек, подай бутылку шампанского.

Глумов. И четыре больших стакана.

Кучумов. Ну да, четыре. Я тоже сделаю вам честь, выпью с вами.

Глумов. Отсюда прямо в клуб, вот нас партия. *(Кучумову.)* Мы твои вчерашние двенадцать тысяч-то пересчитаем.

Кучумов. Не приложи своих.

Телятев *(человеку, который стоит у ворот)*. Гришка! Григорий Алексеич!

Подходит Григорий.

Григорий Алексеевич, наденьте на меня пальто! Карета моя близко?

Григорий *(надев пальто)*. Здесь, сударь, у ворот.

Кучумов *(своему лакею)*. Николай!

Подходит Николай.

Ну, что ж ты рот разинул! Стой здесь! Посадишь меня в карету.

Мальчик из кофейной подает шампанское и стаканы.

Васильков. Пожалуйте, господа, покорно прошу.

Все берут стаканы.

Телятев. За успех! Хотя вероятности очень мало.

Глумов. За хлопоты, а успеха не будет.

Кучумов. За какой успех?

Глумов. Хочет жениться на Чебоксаровой.

Кучумов. Да как это возможно! Да, наконец, я не позволю.

Телятев. Твоего позволения и не спросят.

Васильков. Угодно три тысячи пари? Я один держу против троих, что женюсь на Чебоксаровой.

Кучумов. Я никогда не держу пари.

Глумов. Я бы и держал, да денег нет.

Телятев. А я боюсь проиграть.

Васильков. Ха, ха, ха! Господа москвичи! Вы

струсили! Так зачем же было смеяться! Идет, что ли, начистоту? Вот три тысячи. *(Вынимает деньги, все кивают отрицательно.)* Вино развязало мне язык. Я полюбил Чебоксарову и женюсь на ней непременно. Что я сказал, то и будет, я даром слова не говорю. Поедемте ужинать.

Действие второе

ЛИЦА:
Чебоксарова.
Лидия.
Кучумов.
Телятев.
Васильков.
Глумов.
Андрей.

Богато меблированная гостиная, с картинами, коврами, драпри. Три двери: две по бокам и одна входная.

Явление первое

Васильков ходит взад и вперед, из дверей налево выходит Телятев.

Телятев. Я думал, что ты давно уехал. Что же ты нейдешь к дамам? Не хватает храбрости?

Васильков. Все мое несчастие, что я не умею поддерживать разговора.

Телятев. Какое тут уменье! Не нужно только заводить, особенно после обеда, ученых споров.

Говори, что в голову придет, лишь бы только была веселость, остроумие, легкое злословие, а ты толкуешь об усеченных пирамидах, о кубических футах.

Васильков. Я уже теперь обдумал один веселый анекдот, который хочу рассказать.

Телятев. Так иди скорее, пока не забыл.

Васильков. А ты куда же торопишься?

Телятев. Меня Лидия Юрьевна за букетом послала.

Васильков. О, я вижу по всему, что ты мой самый опасный соперник.

Телятев. Не бойся, друг! Кто в продолжение двадцати лет не пропустил ни одного балета, тот в мужья не годится. Меня не страшись и смело иди рассказывать свой анекдот.

Васильков уходит в дверь налево; оттуда же выходит Глумов.

Явление второе

Телятев и Глумов.

Глумов. Этот еще здесь? Каков гусь! Нет, я вижу, пора его выгнать. Довольно потешились. Жаль, что мы не поддержали пари.

Телятев. Я и теперь держать не стану.

Глумов. Однако он тогда, в купеческом, ловко

нас обработал. Хорош Кучумов! Говорил, что двенадцать тысяч накануне выиграл, а тут шестьсот рублей отдать не мог. В первый раз человека видит и остался должен… Ты куда?

Телятев. На Петровку.

Глумов. Поедем вместе.

Уходят. Входят Кучумов и Надежда Антоновна.

Явление третье

Кучумов и Надежда Антоновна.

Кучумов. Muta d'accento e de pensier…[6]

Надежда Антоновна. С некоторых пор я только такие известия и получаю.

Кучумов. Хм, да… Неприятно! E de pensier…

Надежда Антоновна. Что ни день, то и жди какой-нибудь новости в таком роде.

Кучумов. Но что же он там делает, ваш муж? Как же это так… допустить?.. Не понимаю. Наш брат, человек со смыслом…

Надежда Антоновна. А что ж он сделать может! Ведь вы читали, что он пишет: неурожай, засуха, леса все сожжены на заводе, а от завода каждый год убыток. Он пишет, что ему теперь непременно нужно тысяч тридцать, что имение

---

[6] Примечания: 6
Меняет выражение и мысли…

уж назначено в продажу.

Кучумов. Да что ж он, чудак…Разве у него мало знакомства! Да вот я, например… Вы ему так и напишите, чтоб он ко мне адресовался прямо. Muta d'accento…

Надежда Антоновна. Ах, друг мой! Я всегда была в вас уверена.

Кучумов. Ну, да что такое, что за одолжение! По старому знакомству, я рад… Что для меня значит…

Надежда Антоновна. Григорий Борисыч, но… ради бога… Я откровенна только с вами, а для других мы пусть останемся богатыми людьми. У меня дочь, ей двадцать четыре года; подумайте, Григорий Борисыч!

Кучумов. Конечно, конечно.

Надежда Антоновна. Нам надо поддерживать себя… Пока еще есть кредит… но немного. Подойдет зима; театры, балы, концерты. Надо спросить у матерей, чего все это стоит. У меня Лидия ничего и слушать не хочет, ей чтоб было. Она ни цены деньгам, ни счету в них не знает. Поедет по магазинам, наберет товаров, не спрашивая цены, а потом я по счетам и расплачивайся.

Кучумов. А женихов не предвидится?

Надежда Антоновна. На ее вкус трудно уго-

дить.

Кучумов. Такую девушку в прежнее время давно тихонько бы увезли. Да, кажется, если б у меня не старуха…

Надежда Антоновна. У вас шутки… А каково мне, матери! Столько лет счастливой жизни, и вдруг… Прошлую зиму я ее вывозила всюду, ничего для нее не жалела, прожила все, что было отложено ей на приданое, и все даром. А нынче, вот ждала от мужа денег, и вдруг такое письмо. Я уж и не знаю, чем мы жить будем. Как я скажу Лидиньке? Это ее убьет.

Кучумов. Да вы, пожалуйста, коли что нужно, без церемонии… Уж позвольте мне заменить Лидиньке отца на время его отсутствия. Я знаю ее с детства и люблю, поверьте мне, больше, чем дочь… люблю… да….

Надежда Антоновна. Не знаю, как вы любите, а для меня нет жертвы, которую бы я не принесла для нее.

Кучумов. И я то же самое, то же самое. Зачем у вас этот Васильков? Надо быть разборчивее.

Надежда Антоновна. Отчего ж ему не бывать?

Кучумов. Неприятен… Кто он такой, откуда взялся, никто не знает.

Надежда Антоновна. И я не знаю. Знаю, что он

дворянин, прилично держит себя.

Кучумов. Да, ну так что ж?

Надежда Антоновна. Хорошо говорит по-французски.

Кучумов. Да. Невелико же достоинство.

Надежда Антоновна. Говорят, что у него какие-то дела, важные.

Кучумов. И только. Немного же вы знаете.

Надежда Антоновна. Кажется, неглуп.

Кучумов. Ну, уж об этом позвольте мне судить. Как же он к вам попал?

Надежда Антоновна. Не помню, право. Его представил кто-то; кажется, Телятев. У нас все бывают.

Кучумов. Уж не думает ли он жениться на Лидиньке?

Надежда Антоновна. Кто же знает, может быть, и думает.

Кучумов. А состояние есть?

Надежда Антоновна. Я, признаться сказать, так мало о нем думаю, что не интересуюсь его состоянием.

Кучумов. Толкует все: «нынешнее время, да нынешнее время».

Надежда Антоновна. Теперь все так говорят.

Кучумов. Ведь этак можно и надоесть. Говори

там, где тебя слушать хотят. А что такое нынешнее время, лучше ль оно прежнего? Где дворцы княжеские и графские? Чьи они? Петровых да Ивановых. Где роговая музыка, я вас спрашиваю? А, бывало, на закате солнца, над прудами, а потом огни, а посланники-то смотрят. Ведь это слава России. Гонять таких господ надо.

Надежда Антоновна. Зачем же? Напротив, я хочу приласкать его. В нашем положении всякие люди могут пригодиться.

Кучумов. Ну, едва ли этот на что-нибудь годится. Уж вы лучше на нас, старичков, надейтесь. Конечно, я жениться не могу, жена есть. Ох, ох, ох, ох! Фантазии ведь бывают у стариков-то; вдруг ничего ему не жаль. Я сирота, у меня детей нет, — меня, куда хочешь, поверни, и в посаженые отцы, и в кумовья. Старику ласка дороже всего, мне свои сотни тысяч в могилу с собой не брать. Прощайте, мне в клуб пора.

Надежда Антоновна *(провожая до двери)*. Можно надеяться вас скоро видеть?

Кучумов. Да, разумеется. Я еще вашей дочери конфекты проиграл. Вот я какой старик-то, во мне все еще молодая кровь горит. *(Уходит.)*

Надежда Антоновна. Эх, не конфекты нам нужны. *(Стоит задумавшись.)*

Выходит Васильков и берет шляпу.

Явление четвертое

Надежда Антоновна и Васильков.

Надежда Антоновна. Куда вы торопитесь?

Васильков. Честь имею кланяться.

Надежда Антоновна. Погодите! *(Садится на диван.)*

Васильков. Что прикажете?

Надежда Антоновна. Садитесь! *(Василь-ков садится.)* Я хочу с вами поговорить. Мы давно знакомы, а я совершенно не знаю вас; мы почти не разговаривали. Вы, должно быть, не любите старух?

Васильков. Нисколько. Но что же вам, сударыня, угодно знать обо мне?

Надежда Антоновна. Мне, по крайней мере, нужно знать вас настолько, чтоб уметь отвечать, когда про вас спрашивают; у нас бывает много народу, никто вас не знает.

Васильков. Оттого меня и не знают, что я жил в провинции.

Надежда Антоновна. Вы где воспитывались?

Васильков. В высшем учебном заведении, но более сам занимался своею специальностью.

Надежда Антоновна. Это прекрасно. Ваши

родители живы еще?

Васильков. Только мать жива, но и она безвыездно в деревне.

Надежда Антоновна. Значит, вы почти одинокий человек. Вы служите?

Васильков. Нет, занимаюсь частными предприятиями, имею дело больше с простым народом: с подрядчиками, с десятскими.

Надежда Антоновна *(снисходительно кивая головой)*. Да, десятники, сотники, тысячники… Я слышала одну диссертацию…

Васильков. Нет, у нас только одни десятники.

Надежда Антоновна. Ах, это очень хорошо… Да, да, да, я вспомнила. Это теперь в моду вошло, и некоторые даже из богатых людей… для сближения с народом… Ну, разумеется, вы в красной шелковой… в бархатном кафтане. Я видела зимой в вагоне мильонщика и в простом бараньем… Как это называется?

Васильков. Полушубке.

Надежда Антоновна. Да, в полушубке и в бобровой шапке.

Васильков. Нет, я своей одёжи не меняю.

Надежда Антоновна. Но ведь, чтоб так проводить время, нужно иметь состояние.

Васильков. Во-первых, это самое дело уж очень

доходно.

Надежда Антоновна. То есть весело, вы хотите сказать. Поют песни, водят хороводы, — вероятно, у вас свои гребцы на лодках.

Васильков. У меня ничего подобного нет; впрочем, вы правы; нашего дела без состояния начинать нельзя.

Надежда Антоновна. Ну, еще бы, конечно, я так и думала. С первого разу видно, что вы человек с состоянием. Вы что-то не в духе сегодня. *(Молчание.)* Зачем вы спорите с Лидией? Это ее раздражает, она девушка с характером.

Васильков. Что она с характером, это очень хорошо; в женщине характер — большое достоинство. А вот что жаль, Лидия Юрьевна имеет мало понятия о таких вещах, которые теперь уже всем известны.

Надежда Антоновна. Да зачем ей, скажите, мой друг, зачем ей иметь понятие о вещах, которые всем известны? Она имеет высшее образование. У нас богатая французская библиотека. Спросите ее что-нибудь из мифологии, ну, спросите! Поверьте, она так хорошо знакома с французской литературой и знает то, о чем другим девушкам и не грезилось. С ней самый ловкий светский говорун не сговорит и не удивит ее ничем.

Васильков. Такое оборонительное образование хорошо при другом. Разумеется, я не имею права никого учить, если меня не просят. Я бы не стал и убеждать Лидию Юрьевну, если бы…

Надежда Антоновна. Что «если бы»?

Васильков. Если бы не надеялся принести пользу. С переменой убеждений в ней изменился бы взгляд на людей; она бы стала более обращать внимания на внутренние достоинства.

Надежда Антоновна. Да, на внутренние достоинства…Это очень хорошо вы говорите.

Васильков. Тогда мог бы и я надеяться заслужить ее расположение. А теперь быть приятным я не могу, а быть смешным не хочу.

Надежда Антоновна. Ах, нет, что вы! Она еще так молода, она еще десять раз переменится. А я, признаюсь, всегда с удовольствием вас слушала, и без вас часто говорила ваши слова дочери.

Васильков. Благодарю вас. Я хотел уже ретироваться, чтоб не играть здесь жалкой роли.

Надежда Антоновна. Ай, ай, стыдно?

Васильков. Мне ведь особенно унижаться не из чего: не я ищу, меня ищут.

Надежда Антоновна. Молодой человек, вы найдете во мне союзницу, готовую помогать вам во всех ваших намерениях. *(Таинственно.)* Слы-

шите, во всех; потому что я нахожу их честными и вполне благородными.

Входит Лидия и останавливается у двери.

Васильков *(встает, целует руку Надежды Антоновны)*. До свиданья, Надежда Антоновна.

Надежда Антоновна. До свиданья, мой добрый друг!

Васильков кланяется Лидии и уходит.

Явление пятое

Надежда Антоновна и Лидия.

Лидия. Что вы с ним говорили? О чем? Он ужасен, он сумасшедший.

Надежда Антоновна. Уж поверь мне, я знаю, что делаю. Наше положение не позволяет нам быть очень разборчивыми.

Лидия. Какое положение! Его нельзя терпеть ни в каком положении. Он не знает нашей жизни, наших потребностей, он чужой.

Надежда Антоновна. Ах, он часто говорит правду.

Лидия. Да кто же ему дал право проповедовать! Что он за пророк! Согласитесь, maman, что гостиная не аудитория, не технологический институт, не инженерный корпус.

Надежда Антоновна. Лидия, ты уж очень без-

жалостна с ним.

Лидия. Ах, maman, да какое же есть терпение его слушать! Какие-то он экономические законы выдумал! Кому они нужны? Для нас с вами, надеюсь, одни только законы и есть — законы света и приличий. Если все носят такое платье, так я хоть умри, а надевай. Тут некогда думать о законах, а надо ехать в магазин и взять. Нет, он сумасшедший!

Надежда Антоновна. А мне кажется, он просто оригинальничает. Так многие делают. Он не очень образован, а может быть, и не умен, остроумием не отличается, а говорить надо что-нибудь, чтоб быть заметным: вот он и хочет показаться оригиналом. А, вероятно, и думает, и поступает, как и все порядочные люди.

Лидия. Может быть, и так; но он надоел до невозможности.

Надежда Антоновна. Он человек с состоянием, к таким людям надо быть снисходительнее. Ведь прощаем же мы прочих; половина тех господ, которые к нам ездят, хвастуны и лгут ужасно.

Лидия. Мне что за дело, что они лгут, по крайней мере, с ними весело, а он скучен. Вот чего простить нельзя.

Надежда Антоновна. Есть, мой друг, и еще

причина быть к нему снисходительнее, и я тебе советую…

Лидия. Что за причина? Говорите!

Надежда Антоновна. Ты благоразумна… Я надеюсь, что у тебя достанет присутствия духа выслушать меня хладнокровно.

Лидия *(с испугом)*. Что такое, что такое?

Надежда Антоновна. Я получила письмо от отца из деревни.

Лидия. Он болен, умирает?

Надежда Антоновна. Нет.

Лидия. Что же такое? Говорите!

Надежда Антоновна. Наши надежды на нынешний сезон должны рушиться.

Лидия. Каким образом? Я ничего не понимаю,

Надежда Антоновна. Я писала к мужу в деревню, чтоб он нам выслал денег. Мы много должны, да на зиму нам нужна очень значительная сумма. Сегодня я получила ответ…

Лидия. Что же он пишет?

Надежда Антоновна *(нюхая спирт)*. Он пишет, что денег у него нет, что ему самому нужно тысяч тридцать, а то продадут имение; а имение это последнее.

Лидия. Очень жаль! Но согласитесь, maman, что ведь я могла этого и не знать, что вы могли

пожалеть меня и не рассказывать мне о вашем разорении.

Надежда Антоновна. Но все равно ведь после ты узнала бы.

Лидия. Да зачем же мне и после узнавать? *(Почти со слезами.)* Ведь вы найдете средства выйти из этого положения, ведь непременно найдете, так оставаться нельзя. Ведь не покинем же мы Москву, не уедем в деревню; а в Москве мы не можем жить, как нищие! Так или иначе, вы должны устроить, чтоб в нашей жизни ничего не изменилось. Я этой зимой должна выйти замуж, составить хорошую партию. Ведь вы мать, ужели вы этого не знаете? Ужели вы не придумаете, если уж не придумали, как прожить одну зиму, не уронив своего достоинства? Вам думать, вам! Зачем же вы мне-то рассказываете о том, чего я знать не должна? Вы лишаете меня спокойствия, вы лишаете меня беззаботности, которая составляет лучшее украшение девушки. Думали бы вы, maman, одни и плакали бы одни, если нужно будет плакать. Разве вам легче будет, если я буду плакать вместе с вами? Ну скажите, maman, разве легче?

Надежда Антоновна. Разумеется, не легче.

Лидия. Так зачем же, зачем же мне-то плакать?

Зачем вы навязываете мне заботу? Забота старит, от нее морщины на лице. Я чувствую, что постарела на десять лет. Я не знала, не чувствовала нужды и не хочу знать. Я знаю магазины: белья, шелковых материй, ковров, мехов, мебели; я знаю, что когда нужно что-нибудь, едут туда, берут вещь, отдают деньги, а если нет денег, велят commis *(приказчикам)* приехать на дом. Но откуда берут деньги, сколько их нужно иметь в год, в зиму, я никогда не знала и не считала нужным знать. Я никогда не знала, что значит дорого, что дешево, я всегда считала все это жалким, мещанским, копеечным расчетом. Я с дрожью омерзения отстраняла от себя такие мысли. Я помню один раз, когда я ехала из магазина, мне пришла мысль: не дорого ли я заплатила за платье! Мне так стало стыдно за себя, что я вся покраснела и не знала, куда спрятать лицо; а между тем я была одна в карете. Я вспомнила, что видела одну купчиху в магазине, которая торговала кусок материи; ей жаль и много денег-то отдать, и кусок-то из рук выпустить. Она подержит его да опять положит, потом опять возьмет, пошепчется с какими-то двумя старухами, потом опять положит, а commis смеются. Ах, maman, за что вы меня мучите?

Надежда Антоновна. Я понимаю, душа моя, что

я должна была скрыть от тебя наше расстройство, но нет возможности. Если остаться в Москве, — мы принуждены будем сократить свой расход, надо будет продать серебро, некоторые картины, брильянты.

Лидия. Ах, нет, нет, сохрани бог! Невозможно, невозможно! Вся Москва узнает, что мы разорены; к нам будут являться с кислыми лицами, с притворным участием, с глупыми советами. Будут качать головами, ахать, и все это так искусственно, форменно, — так оскорбительно! Поверьте, что никто не даст себе труда даже притвориться хорошенько. *(Закрывает лицо руками.)* Нет! Нет!

Надежда Антоновна. Но что же нам делать?

Лидия. Что делать? Не терять своего достоинства. Отделывайте заново квартиру, покупайте новую карету, закажите новые ливреи людям, берите новую мебель, и чем дороже, тем лучше.

Надежда Антоновна. Где же деньги?

Лидия. Он за все заплатит.

Надежда Антоновна. Кто он?

Лидия. Муж мой.

Надежда Антоновна. Кто твой муж, где он?

Лидия. Кто бы он ни был.

Надежда Антоновна. Не делал ли кто тебе

предложения?

Лидия. Никто не делал, никто не смел делать; мои женихи от меня, кроме презрения, ничего не видали. Я сама искала красавца с состоянием, — теперь мне нужно только богатого человека, а их много.

Надежда Антоновна. Не ошибись в своих расчетах.

Лидия. Неужели красота потеряла свою цену? Нет, maman, не беспокойтесь! Красавиц мало, а богатых дураков — много.

Входит Андрей.

Андрей. Господин Телятев.

Лидия. Вот вам первый.

Надежда Антоновна *(Андрею)*. Проси!

Андрей уходит.

Лидия. Оставьте нас, не мешайте. Вот кто заплатит за все.

Надежда Антоновна. А если?..

Лидия. А если?.. Ну что ж? Вы говорите, что у Василькова большое состояние, — тогда пошлите за ним. У него золотые прииски, он глуп, — золото наше.

Надежда Антоновна *(уходя)*. Я лучше теперь пошлю, надо его приготовить. *(Уходит.)*

Входит Телятев с букетом.

Явление шестое

Телятев и Лидия.

Лидия. Как вы проворны, как вы меня балуете! Говорите, зачем вы это делаете?

Телятев. Разве это новость для вас? Когда же я не исполнял ваших приказаний?

Лидия. Зачем же вы всегда меня балуете?

Телятев. Я уж так устроен для услуг, — это мое призвание. Что мне делать, больше у меня и дела никакого нет.

Лидия. Значит, развлечение, от скуки. Однако вы своими угождениями кружите мне голову.

Телятев. Я же виноват!

Лидия. Это или совсем не вина, или вина большая, смотря по тому, искренни ваши поступки или нет.

Телятев. Конечно, искренни.

Лидия. Но ведь постоянные угождения, постоянная лесть — это все своего рода удочки, на которые вы нас ловите. Вы заставляете предполагать в вас такую преданность, к которой нельзя оставаться равнодушной.

Телятев. Тем лучше; не все же нам одним быть неравнодушными, пора и вашему чувству проснуться.

Лидия. Да, хорошо вам говорить, когда у вас всякое чувство давно уже сделалось только фразой. У вас в жизни было столько практики по этой части, что вы умеете владеть собой во всяком положении. А вы представьте неопытную девушку, у которой чувство проснется в первый раз, — ее положение очень трудно и опасно.

Телятев. Очень может быть. Я своего мнения сказать не могу: ни разу девушкой не был.

Лидия. Если раз обнаружить свое чувство, то или сделаешься игрушкой мужчины, или будешь смешна; и то, и другое нехорошо. Ведь нехорошо?

Телятев. Нехорошо.

Лидия. Так не кружите мне голову напрасно, будьте искреннее, я вас прошу об этом! Не говорите того, чего не чувствуете; не любезничайте со мной, если я вам не нравлюсь!

Телятев. Кто вам сказал! Помилуйте! Я всегда говорю то, что чувствую.

Лидия. Неужели?

Телятев. Даже меньше говорю, чем чувствую.

Лидия. Зачем же?

Телятев. Не смею… Разве позволите?

Лидия. Я прошу вас.

Телятев. Я перестаю верить ушам своим. Не

во сне ли я? Что за счастливый день! Которое нынче число?

Лидия. Отчего счастливый день?

Телятев. Да мог ли я ждать! Вы любезны со мной, вы для меня сходите на землю с вашей неприступной высоты. Вы были Дианой, презирающей мужской род, с луной в прическе, с колчаном за плечами; а теперь вы преобразились в простую, сердечную, даже наивную пейзанку, из тех, которые в балетах пляшут, перебирая свой передник. Вот так. *(Делает обыкновенные пейзанские жесты.)*

Лидия. Разве это для вас счастье?

Телятев. Ведь я не «Медный всадник», не «Каменный гость».

Лидия. Как легко вас осчастливить! Что ж, я очень рада, что могу осчастливить вас.

Телятев. Меня осчастливить? Лидия Юрьевна, вы ли, вы ли это?

Лидия. Что вас удивляет? Разве вы не стоите счастья?

Телятев. Не знаю, стою ли; но ведь я с ума сойду.

Лидия. Сойдите!

Телятев. Я наделаю глупостей.

Лидия. Наделайте.

Телятев. Или вы зло шутите, или вы…

Лидия. Договаривайте!

Телятев. Или вы меня любите!

Лидия. К несчастию, последнее справедливее.

Телятев. Да какое же это несчастие? Это счастие, блаженство! Лучше придумать нельзя. *(Слегка обнимает Лидию.)*

Лидия. Jean, ты мой?

Телятев. Раб, раб, негр, абиссинец…

Лидия *(поднимая на него глаза)*. Надолго ли?

Телятев. На век, на всю жизнь, даже более, если это можно.

Лидия. Ах, как я счастлива!

Телятев. Нет, как я-то счастлив. *(Целует ее.)*

Лидия. Ах, боже мой, какое блаженство! Maman!

Телятев. Как, maman? Зачем тут maman? Нам третьего не нужно.

Лидия. Я знаю, Jean, что не нужно; но я так счастлива.

Телятев. Тем лучше.

Лидия. Моя душа так полна, мне хочется поделиться с ней моею радостью.

Телятев. Не надо ничем делиться! Нам больше останется.

Лидия. Да, да, твоя правда, радостью не надо

делиться, ее и так немного на земле. Но все равно, должны же мы будем ей сказать.

Телятев. Вот уж не понимаю. Что ей сказать?

Лидия. А то, Jean, что мы любим друг друга и желаем быть неразлучны на всю жизнь.

Телятев. Да, вот что! Значит, по форме, как следует, законным браком. Ну, извините, я этого не ожидал.

Лидия. Что я слышу? Чего же вы ожидали? Говорите!

Телятев. Быть вашим слугой, рабом, чем угодно. А что касается брака, — это уж не мое дело.

Лидия. Как же вы осмелились?

Телятев. Я ни на что не осмеливался. Я только не запрещал вам любить меня, и никому запрещать не буду.

Лидия. Да разве вы стоите моей любви?

Телятев. Совершенная правда, что не стою; но разве любят только тех, которые стоят? Что ж бы я был за дурак, если бы стал отказываться от вашей любви и читать вам мораль? Извините, учить вас морали я никак не возьмусь, это мне и не по способностям, и совсем не в моих правилах. По-моему, чем в женщине меньше нравственности, тем лучше.

Лидия. Вы чудовище! Вы гадкий!

Телятев. Справедливо, и потому вы сами должны благодарить меня, что я не женился на вас.

Лидия уходит.

Вот было попался-то! Хорошо еще, что цел. Нет, эти игрушки надо бросить; так заиграешься, что и не увидишь, как в мужья попадешь. Долго ль до греха, человек слаб. *(Идет к дверям.)*

Входит Васильков.

Честь и место. *(Уходит.)*

Входит Надежда Антоновна.

Явление седьмое

Надежда Антоновна и Васильков.

Надежда Антоновна. Здравствуйте! Очень рада! Вот видите, мне ваше общество сделалось необходимым. Сядьте ко мне поближе.

Васильков. Вы присылали за мной?

Надежда Антоновна. Извините, что побеспокоила. Мне нужно совета, я — существо совершенно беспомощное, только одного серьезного человека и знаю, это — вас.

Васильков. Благодарю вас! Чем могу служить?

Надежда Антоновна. Я говорила с дочерью, мы хотим изменить свой образ жизни; нам надоело шумное общество; мы не станем никого принимать, кроме вас. Хотя у нас средства очень

большие, но ведь это не обязывает беситься с утра до ночи.

Васильков. Я полагаю.

Надежда Антоновна. Лидия хочет докончить свое образование; в этом деле без руководителя нельзя; мы и решились обратиться к вам.

Васильков. Всей душой рад служить вам; но чему же я могу учить Лидию Юрьевну? Сферической тригонометрии?

Надежда Антоновна. Ах да, именно, именно. Согласитесь, что быть учителем молодой девушки довольно приятно.

Васильков. Конечно; но для чего Лидии Юрьевне сферическая тригонометрия?

Надежда Антоновна. Она вообще с большими странностями, но добрая, очень добрая девушка. *(Таинственно.)* Она ведь не любит этих шаркунов.

Васильков. Удивляюсь.

Надежда Антоновна. Что касается до меня, я давно их не жалую. Вот вам каждая мать, без опасения, может доверить свою дочь. Простите меня, мой друг, за откровенность; но я очень бы желала, чтобы вы Лидии понравились.

Васильков. Благодарю вас.

Надежда Антоновна. Кажется, если б можно,

я решилась бы употребить даже власть, чтоб только видеть ее счастливой!

Васильков. Разве другого средства уже нет?

Надежда Антоновна. Не знаю, попытайте сами. А вы любите мою дочь? Погодите, я погляжу вам в глаза. Ну, не говорите, не говорите, я вижу; только ведь вы очень робки; хотите, я ей скажу за вас? А то заспорите и поссоритесь — сохрани бог.

Васильков. Позвольте мне самому! Мне еще нужно подготовиться к моему объяснению, подумать.

Надежда Антоновна. О чем думать, что готовить?

Входит Лидия.

Явление восьмое

Васильков, Надежда Антоновна и Лидия.

Надежда Антоновна. Вот, Лидия, Савва Геннадич делает тебе предложение через меня: он просит твоей руки. Хотя со своей стороны я согласна и очень рада, но твоей воли нисколько не стесняю.

Лидия. В таком деле, разумеется, я должна иметь свою волю, и если б мне кто-нибудь понравился, поверьте, maman, я скорее бы послушалась своего сердца, чем вашего совета. Но ко всем

моим поклонникам я равнодушна одинаково: вы знаете, скольким женихам я уж отказала; а выйти замуж надо, пора уж, потому я и предоставляю себя в полное ваше распоряжение.

Васильков. Значит, вы меня не любите?

Лидия. Нет, не люблю. Зачем я буду вас обманывать! Но мы с вами после объяснимся. Maman, вы беретесь устраивать мою судьбу, помните, что вы же должны будете и отвечать за мое счастье.

Надежда Антоновна *(Василькову)*. Слышите, мой друг?

Васильков. Я очень жалею.

Лидия. О чем? Что я вас не люблю?

Васильков. Нет, что я поторопился.

Лидия. Откажитесь, еще есть время. Должно быть, и с вашей стороны любовь не очень сильна, когда вы так легко от меня отказываетесь. Не сердитесь, а благодарите меня, что я с вами откровенна; притвориться ничего не стоит, но я не хочу этого. Все невесты говорят, что влюблены в своих женихов, но вы не верьте им, — любовь приходит после. Отбросьте в сторону самолюбие и согласитесь! За что мне было полюбить вас? И лицо ваше не из красивых, и имя неслыханное, и фамилия какая-то мещанская. Все это мелочи, к этому можно привыкнуть, но не вдруг. За что

вы сердитесь? Вы меня любите, благодарю вас. Заслужите мою любовь, и мы будем счастливы.

Надежда Антоновна. Главное, вы помните, что ни я, ни отец для нее ничего не жалели, решительно ничего. Все-таки она приносит для вас жертву.

Васильков. Я не хочу жертвы.

Лидия. Вы, кажется, сами не знаете, чего хотите.

Васильков. Нет, я знаю, чего хочу. Можно жениться без любви, любовь сама придет со временем, вы правы. Но я желаю, чтоб вы меня уважали, без этого уж брак невозможен.

Лидия. Все это разумеется само собой, иначе бы я не пошла за вас.

Васильков. Откровенность за откровенность. Вы мне сказали, что не любите меня, а я вам скажу, что я полюбил вас, может быть, прежде, чем вы того заслуживали. Вы должны тоже заслужить мою любовь; иначе, я не скрою от вас, она очень легко может перейти в ненависть.

Лидия. Вот как!

Васильков. Откажитесь от меня, еще есть время.

Лидия. Зачем отказываться? Ха, ха, ха! Будем играть комедию, заслуживать любовь друг друга.

Васильков. Я не комедии желаю, а светлой жизни и счастия.

Лидия. Нет, вы именно комедии желаете. Вы делаете мне предложение, — я изъявляю согласие; чего же вам еще? Вы меня любите, вы только должны быть бесконечно счастливы, а не рассуждать об обязанностях. Свои обязанности всякий должен знать про себя. О том, как жить, рассуждают только люди бедные, которым жить нечем.

Надежда Антоновна. Я вижу, вижу, что вы друг друга любите; и все споры ваши только, так сказать, литературные.

Васильков. Позвольте, в качестве жениха, поднести вам. Я сегодня нечаянно купил эти вещи, а вот они и пригодились. *(Подает коробку, в которой серьги и брошка.)*

Надежда Антоновна. О! Да эти вещи стоят несколько тысяч.

Васильков. Всего три.

Лидия. Мне кажется, есть возможность полюбить. *(Протягивает Василькову руку, он почтительно целует.)*

Действие третье

ЛИЦА:
Надежда Антоновна.
Васильков.
Лидия, его жена.
Кучумов.
Телятев.
Глумов.
Василий, камердинер Василькова.
Андрей.
Горничная Васильковых.

Та же гостиная, что во втором действии, но богаче меблированная. Направо от зрителей дверь в кабинет Василькова, налево — в комнаты Лидии, посредине — выходная.

Явление первое

Из кабинета выходит Васильков, с портфелем и с газетами, быстро пробегает их глазами, потом звонит. Входит Василий.

Васильков. Казанское имение Чебоксаровых с заводом и лесом на днях продается. Жалко! И

завод может приносить большой доход, и лесу много. Василий Иваныч, сходи к Павлу Ермолаеву, скажи ему, чтобы он сейчас же шел на биржу и подождал меня там. Мне нужно совершить на его имя доверенность. Скажи ему также, чтобы он был готов на всякий случай, я его пошлю в Казань.

Василий. Слушаю, сударь.

Васильков. Ты, Василий Иваныч, оделся бы как поскладнее.

Василий. Никак невозможно-с. Теперь, ежели эти сапоги, толстый спинжак и бархатный картуз, я выхожу наподобие как англичанин при машине; такая уж честь, и всякий понимает.

Васильков. Твое дело, Василий Иваныч. Ступай!

Василий уходит. Васильков вынимает счет и рассматривает. Из комнаты Лидии выходит Надежда Антоновна.

Явление второе

Васильков и Надежда Антоновна.

Надежда Антоновна. Медведь! Недавно женился и все за делом.

Васильков. Одно другому не мешает, маменька.

Надежда Антоновна. Что за маменька!

Васильков. Слово хорошее, ласкательное и верно выражает предмет.

Надежда Антоновна. Ну, хорошо, хорошо. *(Подходит к нему.)* Но счастлив ли ты? Скажи, счастлив ли, сынок? *(Берет его за ухо.)*

Васильков *(целуя ее руку)*. Да, я счастлив, совершенно счастлив. Я могу теперь сказать, что в моей жизни было несколько дней блаженства. Ах, маменька…

Надежда Антоновна. Опять маменька!

Васильков. Извините!

Надежда Антоновна. Я ничего другого и ожидать не могла, кроме счастья, иначе бы я и не отдала за тебя Лидиньку.

Васильков. Я был бы еще счастливее, если б… если б…

Надежда Антоновна *(садится)*. Что, если б? Чего вам еще мало, неблагодарный!

Васильков. Если б всю жизнь можно было разъезжать по Москве то с визитами, то по вечерам и концертам… ничего не делая; если б не стыдно было так жить и были бы на это средства.

Надежда Антоновна. Если все порядочные люди так живут, значит, не стыдно, а средства нужны небольшие.

Васильков. Однако! По моим соображениям, я прожил много. Я не считаю, да и не знаю, сколько прожила Лидия; я в ее расчеты не мешаюсь.

Надежда Антоновна. И прекрасно делаете.

Васильков. У нее свое, у меня свое. Но я рассчитываю, много ли мне придется таким образом прожить в год.

Надежда Антоновна. Ах, какие пустяки! Да живите, как живется; ведь вас такие расходы стеснить не могут.

Васильков. Как не могут?! Ведь так в полгода проживешь тысяч двадцать пять.

Надежда Антоновна. Ну, много ли это! Неужели вам жаль? Я вас не узнаю.

Васильков. Совсем не в том вопрос, жаль или нет, а в том, где взять их.

Надежда Антоновна. Ну, уж это я не знаю. Вам это должно быть лучше известно.

Васильков. Чтоб так жить, надо иметь миллион.

Надежда Антоновна. Мы не запрещаем вам иметь их и два.

Васильков. Ни двух, ни одного нет у меня; мое состояние обыкновенное.

Надежда Антоновна. Надеюсь, все-таки за полмиллиона. И это хорошо.

Васильков. У меня есть имение, есть деньги небольшие, есть дела; но все-таки я более семи, осьми тысяч в год проживать не могу.

Надежда Антоновна. А прииски?

Васильков. Какие прииски, что вы!

Надежда Антоновна. Золотые.

Васильков. Не только золотых, но и медных нет.

Надежда Антоновна *(встает)*. Зачем же вы нас обманули так жестоко!

Васильков. Чем я вас обманул?

Надежда Антоновна. Вы сказали, что у вас есть состояние.

Васильков. И действительно есть, очень порядочное.

Надежда Антоновна. Подите вы! Вы не понимаете, что говорите. Вы не знаете самых простых вещей, которые маленьким детям известны.

Васильков. Да позвольте! Чем же это не состояние. Что ж это такое?

Надежда Антоновна. Что? Нищета, бедность, вот что. Того, что вы называете состоянием, действительно довольно для холостого человека; этого состояния ему достанет на перчатки. Что же вы сделали с моей бедной дочерью?

Васильков. Я хотел сделать ее счастливою и

постараюсь достигнуть.

Надежда Антоновна. Смешно. Без состояния?

Васильков. Я имею достаточно и стараюсь приобретать.

Надежда Антоновна. Что, достаточно? Ей нужно состояние, а состояние вам приобресть нельзя — откупов нет, концессии на железную дорогу вам не дадут. Состояние можно только получить по наследству, да еще при большом счастье выиграть в карты.

Васильков. Нет, еще есть средство: ограбить кого-нибудь. Не его ли вы мне посоветуете?

Надежда Антоновна. Вы думаете? Как хорошо вы меня знаете! Нет, я вижу, мне нужно принимать меры и поправлять нашу ошибку.

Васильков. Что поправлять? Какая ошибка? Прошу вас, не мешайтесь в чужие дела. *(Берет шляпу.)*

Надежда Антоновна. Вы уходите?

Васильков. Мне пора. До свидания. *(Уходит.)*

Надежда Антоновна. Вот еще, хлопоты с этим зятем! Впрочем, кто же бы взял Лидию, если б узнали, что у нее ничего нет? Надо будет для него постараться, уж нечего делать.

Входит Андрей.

Андрей. Господин Кучумов.

Надежда Антоновна. Вот кстати! *(Андрею.)* Проси.

Андрей уходит.

Я сейчас за него примусь.

Входит Кучумов.

Явление третье

Надежда Антоновна и Кучумов.

Кучумов. Pace e gioia son con voi[7].

Надежда Антоновна. Очень рада. Садитесь!

Кучумов *(садясь)*. Pace e gioia… А где ж наша нимфа?

Надежда Антоновна. Полетела с визитами, она сейчас будет.

Кучумов. А сатир, который у нас ее похитил?

Надежда Антоновна. Побежал по своим делам. У него все какие-то дела.

Кучумов. Черствый человек! Впрочем, что ж ему! Он муж, а вот мы таем да облизываемся, как лисица на виноград.

Надежда Антоновна. Старичок, старичок, что вы!

Кучумов. Сердцем молод. Надежда Антоновна, волканическая натура.

---

[7] Примечания: 7

Мир и радость пусть будут с вами.

Надежда Антоновна. Ах, да. Вы получили от мужа письмо?

Кучумов. Получил. Не беспокойтесь! Завтра же пошлю ему. Какая это сумма! Выкиньте из головы!

Надежда Антоновна. У меня еще до вас просьба.

Кучумов. Что такое, что такое! Рад, душевно рад.

Надежда Антоновна. Не можете ли вы доставить одному моему знакомому место повыгоднее, да еще опеку, большую, или управление богатым имением?

Кучумов. Надо знать, кому.

Надежда Антоновна *(пожимая плечами)*. Зятю.

Кучумов. Что, видно, плохо дело! Я так и ожидал.

Надежда Антоновна. Да, мой истинный друг, мы немножко ошиблись.

Кучумов. Какое ж он право имел на вашу дочь? Прикидывался, чай, что золотом осыплет? А теперь вышло, что самого корми. Знаете, он, должно быть, хапуга по природе. В нем, вероятно, подьяческой крови много! Он для чего место ищет? Чтоб взятки брать. Как же мне его реко-

мендовать! Он, пожалуй, осрамит меня, каналья.

Надежда Антоновна. Вы меня-то пожалейте, он мне зять.

Кучумов. Да ведь вы сами говорили, что в нем ошиблись. То-то мне рожа-то его…

Надежда Антоновна. Ах, перестаньте! Неужели вам неприятно быть покровителем человека, у которого жена такая хорошенькая?

Кучумов. Как, неприятно! Кто вам сказал! Очень приятно.

Надежда Антоновна. Я Лидию знаю, она не захочет остаться неблагодарной.

Кучумов. Да я все средства… всех знакомых на ноги…

Надежда Антоновна. Вы думаете, женщины не умеют быть благодарными? Нет, если они захотят…

Кучумов. Да я лечу, сейчас лечу… Как, что, куда? Приказывайте.

Входит Лидия.

Явление четвертое

Надежда Антоновна, Кучумов и Лидия.

Кучумов. Ах, ах, немею!

Лидия. Очень жаль будет, если онемеете, вы так хорошо говорите. Измучилась. *(Садится на*

кресло.) Всю Москву объездила.

Надежда Антоновна. Да, Лидия, Григорий Борисыч не только хорошо говорит, но хорошо и дела делает; он завтра посылает отцу твоему деньги на выкуп имения, да и нам оказывает услуги. Мы должны быть ему очень, очень благодарны. *(Взглядывает на дочь.)*

Входит Андрей.

Андрей. Господин Глумов.

Надежда Антоновна. Проси его ко мне, я его у себя приму. *(Уходит; за ней Андрей).*

Явление пятое

Кучумов и Лидия.

Лидия. Скажите, пожалуйста, что вы за благодетель такой! Ведь помогать другим — отнимать у себя. Что вас побуждает?

Кучумов. И вы, вы меня спрашиваете?

Лидия. Отчего ж мне не спрашивать?

Кучумов. Да я не только состоянием, я для вас готов жизнью…

Лидия. Всего вероятнее, что такая жертва мне будет не нужна. Но вы действительно посылаете отцу денег?

Кучумов. Завтра же.

Лидия. Это благородно. Нельзя не ценить такой

дружбы.

Кучумов. Больше, чем дружба, Лидия Юрьевна, гораздо больше. Знаете что? Я лучше куплю это имение у вашего отца и подарю его вам.

Лидия. Ну что ж, купите и подарите. Я очень люблю подарки.

Кучумов. Я завтра же пишу вашему отцу, что покупаю у него имение, и пошлю ему в задаток тридцать тысяч. Что мне деньги! Мне ваше расположение, только ваше расположение.

Лидия. Как же может выразиться мое расположение? Вы у нас и так, как родной.

Кучумов *(подвигаясь)*. Как родной, как родной…

Лидия. Однако какая же вы можете быть мне родня? Для брата вы уж стареньки. Хотите быть папашей на время?

Кучумов *(опускаясь на колени и целуя ее руку)*. Папашей, папашей.

Лидия *(отнимая руку)*. Шалишь, папашка!

Кучумов. Шалю, шалю! *(Опять целует руку.)*

Глумов показывается на пороге и быстро уходит.

Лидия *(встает)*. Тебе стыдно шалить, ты не маленький.

Кучумов встает с колен. Входит Андрей.

Андрей. Господин Телятев.

Лидия. Проси.

Андрей уходит.

Кучумов. Addio mia carina![8] Лечу по вашим делам.

Лидия. По каким?

Кучумов. После узнаете. *(Уходит.)*

Входит Телятев.

Явление шестое

Лидия и Телятев.

Телятев. Казните, да только поскорее. Если вы хотите дуться на меня, так я убегу куда-нибудь в лес. Вы лучше прибейте меня, только потом смилуйтесь надо мной. Я не могу жить без вас, на меня нападает сплин, и я застрелюсь, как англичанин.

Лидия. За что мне сердиться на вас?

Телятев. Ну, вот какие слова! Ведь это кинжалы.

Лидия. Чем вы хуже других? Есть и хуже вас.

Телятев. Ну, вот опять! Терзать желаете? Говорите прямо, что негодяй.

Лидия. Не спорю. Вы много виноваты передо

---

[8] Примечания: 8
Прощай, моя дорогая!

мной, очень много! Вы причина того, что я вышла за человека, которого не люблю.

Телятев. Не любите? Это очень хорошо.

Лидия. Да, кажется, и он меня не любит.

Телятев. Не любит! Бесподобно!

Лидия. Что же тут хорошего?

Телятев. Не знаю, как для вас, а для нашего брата, беспутного холостяка, это находка. Мы ведь сироты, всю жизнь таких случаев ищем.

Лидия. Вы безнравственный до мозга костей.

Телятев. Ну, еще как-нибудь побраните!

Лидия. Довольно бранить. За что? За то, что вы меня любите? За любовь разве можно бранить? За то, что вы не женились на мне, любя меня? Так ведь это прошло. Этой беды вам поправить нельзя.

Телятев. Жениться нельзя. Это верно. Любить можно.

Лидия. Разве я могу запретить? Это льстит женскому самолюбию. Чем больше поклонников, тем лучше.

Телятев. Ну, на что вам много? Возьмите пока одного.

Лидия. Вы еще плохо жизнь знаете. Одного-то и не хорошо, сейчас разговоры пойдут, а как много-то, так и подозрения нет. Как узнаешь, который

настоящий?

Телятев. Так вы возьмите меня настоящего, да еще человека четыре сверхштатных.

Лидия *(смеясь)*. Вы такой шут, что на вас решительно сердиться нельзя.

Телятев. Гнев прошел. Можно теперь любезные слова говорить?

Лидия. Говорите, я люблю вас слушать. Ведь вы милый! А?

Телятев. Ей-богу, милый. Как вы похорошели! Знаете, какая перемена в вас? Такая перемена всегда…

Лидия. Нет, вы, пожалуйста, пожалейте меня! Я еще недавно дама, не успела привыкнуть к вашим разговорам! Я знаю, какие вы вещи дамам рассказываете.

Телятев. Как жаль, что вы не привыкли! Привыкайте поскорей, а то скучно. Обратимся к старому. Скоро вы заведете cavalier servente[9]?

Лидия. Да разве у нас это принято?

Телятев. Надо завести этот прекрасный обычай. Хорошее перенимать не стыдно.

Лидия. А мужья что скажут?

Телятев. Привыкнут понемножку. Ну, конечно,

---

[9] Примечания: 9
поклонника

сначала многих из нас, кавалеров, побьют довольно чувствительно, особенно купцы; многих сведут к мировым; а там дело и пойдет своим порядком. Первые должны пожертвовать собой, зато другим будет хорошо. Без жертв никакое полезное нововведение не обходится.

Лидия. Прекрасно, но едва ли это скоро введется.

Телятев. Уже начинаем, уж несколько жертв принесено: одного в синюю кубовую краску окрасили, с другим еще хуже было.

Лидия. Ну вот, когда этот похвальный обычай укоренится…

Телятев. Тогда вы возьмете меня.

Лидия. Если будете стоить. Вы очень ветрены.

Телятев. Отчего я ветрен, знаете ли?

Лидия. Оттого, что душа мелка.

Телятев. Нет! Оттого, что мне постоянным быть не для кого. Прикажите, и я буду постояннее телеграфного столба.

Лидия. Испытаем.

Телятев. Испытаете? Да я за одно это сейчас буду у ног ваших.

Лидия. Нет, уж от этой церемонии вы меня увольте! Можно и без нее обойтись.

Телятев. Как угодно. Однако я все-таки чув-

ствую потребность оказать вам какую-нибудь видимую, осязательную ласку.

Лидия *(подает ему руку)*. Целуйте!

Входит Глумов и остается в глубине.

Явление седьмое

Лидия, Телятев и Глумов.

Телятев *(не замечая Глумова)*. В перчатке? Что это за поцелуй! Электричество, которым так переполнено мое сердце и которое я желаю передать вам, не дойдет до вашего сердца через перчатку. Лайка — дурной проводник. *(Целует руку несколько выше перчатки.)*

Лидия. Ну, довольно! Вам нельзя ничего позволить! Вы всегда делаете больше того, что вам дозволяют.

Телятев. Да много ли больше-то? Всего на полвершка; стоит ли об этом разговаривать!

Лидия. Нынче на полвершка, завтра на полвершка, этак… *(Увидев Глумова.)* А! Егор Дмитрич! Мы вас и не видим.

Глумов. Ничего, продолжайте, продолжайте, я вам не мешаю.

Лидия. Что такое; продолжайте! Что за тон! Вы не хотите ли придать какую-нибудь важность тому, что я позволила Телятеву, моему старому

другу, поцеловать мою руку? Я с охотой позволю и вам то же сделать. *(Протягивает ему руку.)*

Глумов. Покорно благодарю! Я рук не целую ни у кого. Я позволяю себе целовать руки только у матери или у любовницы.

Лидия. Ну, так вам моей руки не целовать никогда.

Глумов. Как знать! Жизнь велика, гора с горой не сходится…

Лидия. Пойдемте, Иван Петрович. *(Подает руку Телятеву.)* Он грубый человек. *(Глумову.)* Вы мужа дожидаетесь? Подождите, он скоро придет.

Глумов. Да-с, я вашего супруга дожидаюсь, у меня есть много интересного передать ему.

Лидия. Сделайте милость, рассмешите его чем-нибудь! Он такой задумчивый. Забавлять лучше вас никто не умеет, вы очень забавны.

Уходят Телятев и Лидия.

Явление восьмое

Глумов один, потом Василий.

Глумов. Да, я вас позабавлю! Ай, Лидия Юрьевна, браво! Я еще только задумал подъехать к ней с любезностями, а уж тут двое. Теперь остается только их стравить всех втроем, и с мужем. Василий!

Входит Василий.

Василий. Что, сударь, прикажете?

Глумов. Когда у вас Кучумов бывает, в какое время?

Василий. Завсегда, сударь, во втором часу. Барин в это время дома не бывает.

Глумов. Где же он бывает?

Василий. В своем заседании, съезжаются тоже всё люди богатые — разговор промеж них идет о делах.

Глумов. О каких делах?

Василий. Как все чтоб лучше, чтоб им денег больше.

Глумов. А твой барин богат?

Василий. Само собою.

Глумов. Ведь, по-вашему, у кого есть сторублевая бумажка, тот и богат.

Василий. Может, и не сто, и не тысяча, а и больше есть.

Глумов. Невелики деньги.

Василий. Поищем, так найдем. Да что говорить-то! Даже еще и не приказано, и не всякий понимать может. Тоже и наука, а не то что лежа на боку. Мы, может, ночи не спали, страху навиделись. Как вы обо мне понимаете? Я до Лондона только одиннадцать верст не доезжал, назад

вернули при машинах. Стало быть, нам много разговаривать нельзя. *(Уходит.)*

Глумов. Что он тут нагородил! Кучумов бывает во втором часу, это важное дело, так мы и запишем.

Входят Васильков, Лидия, Телятев и Надежда Антоновна.

Явление девятое

Глумов, Васильков, Лидия, Телятев и Надежда Антоновна.

Глумов *(Василькову)*. Здравствуй!

Васильков. Здравствуй!

Глумов. Что ты так озабочен?

Васильков. Да ведь у меня дела-то не то, что у вас по улицам собак гонять. Господа кавалеры, вы меня извините, толкуйте с дамами, а мне некогда, у меня дел много, я пойду заниматься.

Телятев и Глумов. Ступай! Ступай!

Васильков. К обеду освобожусь. Коли хотите обедать, так оставайтесь без церемонии! Милости просим. А не хотите, так убирайтесь. *(Уходит в кабинет.)*

Надежда Антоновна. Учтиво, нечего сказать.

Телятев. Мы на него не сердимся, он добрый малый. А не убираться ли нам, в самом деле?

Глумов. Поедем. Я домашних обедов, запросто, не люблю. В них всегда есть что-то фамильярное: либо квас посередине стола в большом графине, либо домашние наливки, либо миска с отбитой ручкой, либо пирожки свечным салом пахнут. У вас, конечно, все роскошно, но я все-таки предпочитаю обедать в гостинице или клубе.

Телятев. Поедем в Английский, нынче там обед.

Глумов. Поедем.

Раскланиваются и уходят.

Явление десятое

Лидия и Надежда Антоновна.

Надежда Антоновна. Лидия, муж твой или скуп, или не имеет состояния.

Лидия *(с испугом)*. Что вы говорите?

Надежда Антоновна. Он давеча сказал мне, что так жить ему не позволяют средства и что надо сократить расходы. Что ж будет, если он узнает, сколько мы сделали долгов до свадьбы и что все придется платить ему? Твоих долгов он и знать не хочет.

Лидия. А где ж прииски?

Надежда Антоновна. Выдумка Глумова.

Лидия. Я погибла. Я, как бабочка, без золотой

пыли жить не могу; я умру, умру.

Надежда Антоновна. Мне кажется, у него есть деньги, только он скуп. Если б ты оказала ему побольше ласки… Переломи себя.

Лидия *(задумавшись)*. Ласки? Ласки? О, если только нужно, он увидит такую ласку, что задохнется от счастья. Это мне будет практикой. Мне нужно испробовать себя, сколько сильна моя ласка, и что она стоит на вес золота. Мне это годится вперед, мне без золота жить нельзя.

Надежда Антоновна. Страшные слова говоришь ты, Лидия.

Лидия. Страшней бедности ничего нет.

Надежда Антоновна. Есть, Лидия: порок.

Лидия. Порок! Что такое порок? Бояться порока, когда все порочны, и глупо, и нерасчетливо. Самый большой порок есть бедность. Нет, нет! Это будет первый мой женский подвиг. Я доселе была скромно кокетлива, теперь я испытаю себя, насколько я могу обойтись без стыда.

Надежда Антоновна. Ах, перестань, Лидия! Ужасно! Ужасно!

Лидия. Вы старуха, вам бедность не страшна, я молодая и хочу жить. Для меня жизнь там, где блеск, раболепство мужчин и безумная роскошь.

Надежда Антоновна. Я не слушаю.

Лидия. Кто богаче, Кучумов или Телятев? Мне это нужно знать, они оба в моих руках.

Надежда Антоновна. Оба они богаты и мотают, но Кучумов богаче и добрее.

Лидия. Только мне и нужно. Где у вас счеты из магазинов и лавок? Давайте сюда!

Надежда Антоновна *(достает из кармана)*. Вот все. *(Уходит.)*

Лидия берет их и решительным шагом идет в кабинет мужа. Навстречу ей выходит Васильков.

Явление одиннадцатое

Лидия и Васильков.

Лидия. Я шла к тебе.

Васильков. А я к тебе.

Лидия. Вот и прекрасно. Мы сошлись на полдороге; куда же нам идти, к тебе или ко мне? Туда? *(Указывает на свои комнаты.)* Туда, что ли? Говори, милый ты мой! А? Ну!

Васильков. Остановимся пока на полдороге. Поболтаем полчасика до обеда. Ты меня, Лидия, прости, я тебя так часто оставляю одну.

Лидия. Чем реже я тебя вижу, тем дороже ты для меня. *(Обнимает его.)*

Васильков. Что с тобою, Лидия? Такая перемена

меня удивляет.

Лидия. Да разве я не живой человек, разве я не женщина! Зачем же я выходила замуж? Мне нечего стыдиться моей любви к тебе! Я не девочка, мне двадцать четыре года… Не знаю, как для других, а для меня муж все, — понимаешь, все. Я и так долго дичилась тебя, но вижу, что это совершенно напрасно.

Васильков. Совершенно напрасно.

Лидия. Теперь уж, когда мне придет в голову задушить тебя в своих объятиях, так и задушу. Ты мне позволь.

Васильков. Да как не позволить.

Лидия. Я не знаю, что со мной сделалось. Я не любила тебя прежде и вдруг привязалась так страстно. Слышишь, как бьется сердце? Друг мой, блаженство мое! *(Плачет.)*

Васильков. Но об чем же ты плачешь?

Лидия. От счастия.

Васильков. Я должен плакать. Я искал в тебе только изящную внешность и нашел доброе, чувствительное сердце. Полюби меня, я того стою.

Лидия. Я тебя и так люблю, мой дикарь.

Васильков. Да, я дикарь; но у меня мягкие чувства и образованный вкус. Дай мне твою прелестную руку. *(Берет руку Лидии.)* Как хороша

твоя рука! Жаль, что я не художник.

Лидия. Моя рука! У меня нет ничего моего, все твое, все твое. *(Прилегает к нему на грудь.)*

Васильков *(целуя руку Лидии)*. Дай мне обе!

Лидия прячет счеты в карман.

Что ты там прячешь?

Лидия. Ах, пожалуйста, не спрашивай меня! Друг мой, прошу тебя, не спрашивай!

Васильков. Зачем ты так просишь? Если есть у тебя тайна, так береги ее про себя, я до чужих тайн не охотник.

Лидия. Разве у меня могут быть тайны? Разве мы не одна душа? Вот мой секрет: в этом кармане у меня счеты из магазинов, по которым maman должна заплатить за мое приданое. Она теперь в затруднении, отец денег не высылает, у него какое-то большое предприятие. Я хотела заплатить за нее из своих денег, да не знаю, достанет ли у меня в настоящую минуту. Видишь, какой вздор.

Васильков. Покажи мне эти счеты!

Лидия *(отдает счеты)*. На! Зачем они тебе, не понимаю.

Васильков. А вот зачем; за то блаженство, которое ты мне нынче доставила, я заплачу за твое приданое. Все равно, ведь я мог жениться на бедной, пришлось бы делать приданое на свой

счет. А еще неизвестно, любила ли бы она меня, а ты любишь.

Лидия. Нет, нет! Я тоже должна чем-нибудь заплатить матери за ее заботы обо мне.

Васильков. Береги свои деньги, дитя мое, для себя. Василий!

Входит Василий.

Подай со стола из кабинета счеты.

Василий приносит счеты и уходит. Входит Надежда Антоновна. Васильков садится к столу и начинает разбирать счеты.

Явление двенадцатое

Васильков, Лидия и Надежда Антоновна.

Лидия *(тихо Надежде Антоновне)*. Он все заплатит. *(Ложится на диван и берет книгу в руки. Громко.)* Maman, не будемте мешать ему, он занят. *(Надежде Антоновне, которая садится в головах Лидии, — тихо.)* Он у меня в руках.

Васильков *(считая на счетах)*. Лидия, тут счет за обои и за драпировки, которые никак не могут идти в приданое.

Лидия. Ах, мой друг, все это надо было подновить к нашей свадьбе, к нам так много народу стало съезжаться. Не будь моей свадьбы, мы бы не решились на такую трату.

Надежда Антоновна. Простояло бы еще зиму.

Васильков. Ну, хорошо, хорошо. *(Считает).*

Лидия *(Надежде Антоновне тихо).* Я вам говорю, что он заплатит за все, решительно за все.

Входит горничная, очень модно одетая, и подает Лидии счет; та показывает ей рукой на мужа. Горничная подает счет Василькову; тот, пробежав его, кивает головой на жену и продолжает стучать на счетах. Горничная опять подает счет Лидии, та берет его и небрежно бросает на пол.

Горничная уходит.

Входит Андрей с двумя счетами; повторяется точно та же история. Андрей уходит. Входит Василий с десятком счетов и подает их Василькову.

Василий. Вот их сколько, сударь! Что французов там дожидается!

Васильков. Подай барыне!

Василий подает, Лидия бросает их на пол.

Василий *(подбирая счеты).* Зачем же бросать! Счет — ведь это документ, по ем надо деньги платить.

Лидия. Вон отсюда! Я не могу видеть тебя!

Василий разглаживает каждый счет, кладет их аккуратно на стол и уходит.

Васильков *(встает и ходит по комнате)*. Я кончил. Тут тридцать две тысячи пятьсот сорок семь рублей девяносто восемь копеек. Эта сумма для меня слишком значительна, но я заранее дал тебе слово и потому заплатить должен. Я займу сегодня, сколько будет нужно; но чтоб сохранить равновесие в бюджете, мы должны будем надолго значительно сократить наши расходы. Через улицу, напротив, есть одноэтажный домик в три окна на улицу; я его смотрел, он для нас будет очень достаточен. Надо распустить прислугу: я себе оставлю Василья, а ты одну горничную, подешевле, — повара отпустим и наймем кухарку. Лошадей держать не будем.

Лидия *(смеется)*. Как же мы без лошадей останемся? Ведь лошади для того и созданы, чтоб на них ездить… Неужели вы этого не знаете? На чем мы выезжать будем? В аэростате ведь никто еще не ездил. Ха, ха, ха!

Васильков. Когда сухо — пешком, а грязно — на извозчике.

Лидия. Вот любовь-то ваша!

Васильков. Я оттого и не хочу разориться, что люблю тебя.

Лидия. Подите скорей! Cotmis дожидаются, они люди порядочные. Это неучтиво! Им надо

заплатить.

Васильков. Платите вы, у вас есть свои деньги.

Лидия. Я не заплачу.

Васильков. Вас заставят судом.

Лидия. Но мне нечем заплатить! Боже мой! *(Закрывает лицо руками.)*

Надежда Антоновна *(горячо)*. За что вы терзаете нас? Мы заслуживаем лучшей участи. Мы ошиблись — вы бедны, но мы же стараемся и поправить эту ошибку. Конечно, по грубости чувств, вы едва ли поймете нашу деликатность, но я приведу вам в пример моего мужа. Он имел видное и очень ответственное место; через его руки проходило много денег, — и знаете ли, он так любил меня и дочь, что, когда требовалась какая-нибудь очень большая сумма для поддержания достоинства нашей фамилии или просто даже для наших прихотей, он… не знал различия между своими и казенными деньгами. Понимаете ли вы, он пожертвовал собою для святого чувства семейной любви. Он был предан суду и должен был уехать из Москвы.

Васильков. И поделом.

Надежда Антоновна. Вы не умеете ценить его, оцените хоть нас! Вы бедны, мы вас не оставим в бедности; мы имеем связи. Мы ищем и непремен-

но найдем вам хорошее место и богатую опеку. Вам останется только подражать моему мужу, примерному семьянину. *(Подходит к Василькову, кладет ему руку на плечо и говорит шепотом.)* Вы не церемоньтесь!.. Понимаете? *(Показывает на карман.)* Уж это мое дело, чтоб на вас глядели сквозь пальцы. Пользуйтесь везде, где только можно.

Васильков. Да подите ж прочь с вашими советами! Никакая нужда, никакая красавица меня вором не сделают. Если вы мне еще о воровстве заикнетесь, я с вами церемониться не буду. Лидия, перестань плакать! Я заплачу за тебя, но в последний раз и с таким условием; завтра же переехать в этот домик с тремя окнами, — там и для маменьки есть комната, — и вести жизнь скромную. Мы не будем никого принимать. *(Рассматривает счеты.)*

Лидия *(прилегая на плечо к матери)*. Надо с ним согласиться. *(Тихо.)* У нас будут деньги, и мы с вами будем жить богато. *(Громко мужу.)* Мой друг, я согласна. Не противиться тебе, а благодарить тебя я должна.*(Тихо матери.)* Как я проведу его. *(Громко мужу.)* Мы не будем никого принимать.

Васильков *(считая)*. Я знаю, что ты у меня умница.

Лидия. Но старик Кучумов, он благодетель всего нашего семейства, почти родственник.

Васильков *(считая)*. Ну, Кучумова можно.

Лидия судорожно сжимает матери руку.

Надежда Антоновна *(тихо)*. Ты что-то затеваешь?

Лидия *(тихо)*. Затеваю. Никто так меня не унижал, как он. Я теперь не женщина, я змея! И я его больно ужалю.

Васильков. Однако ты порядочная мотовка!

Лидия *(кидается ему на шею)*. Ну, прости меня, душа моя, жизнь моя. Я сумасшедшая, избалованная женщина; но я постараюсь исправиться. Мне такие уроки нужны, не жалей меня!

Васильков. Значит, мир?

Лидия. Мир, мир, надолго, навсегда.

Васильков. Ну, вот и прекрасно, моя милая! По крайней мере, мы теперь знаем друг друга. Ты знаешь, что я расчетлив, я знаю, что ты избалована, но зато любишь меня и доставишь мне счастье, на которое грубому труженику нельзя было надеяться и которое мне дорого, очень дорого, моя Лидия, мой ангел! *(Обнимает жену.)*

Действие четвертое

ЛИЦА:
Надежда Антоновна.
Телятев.
Васильков.
Глумов.
Лидия.
Василий.
Кучумов.

Весьма скромная зала, она же и кабинет; по сторонам окна, на задней стене, направо от зрителей, дверь в переднюю, налево — во внутренние комнаты, между дверей изразцовая печь; меблировка бедная: письменный стол, старое фортепьяно.

Явление первое

Васильков сидит у стола и собирает бумаги, Василий стоит за стулом.

Васильков. Ну что, Василий Иваныч, барыня, кажется, начинает привыкать и к новой квартире, и к тебе?

Василий. Насчет квартиры не знаю, сударь, что сказать. Все смеются с маменькой по-французски. А про меня уж что! Как еще только я жив!

Васильков. Что ты, бог с тобою!

Василий. Да помилуйте, Савва Геннадич, сударь! Им нужно, чтоб в штиблетах, а я не могу. Какой же я камардин, коли я при вас служащий, все одно как помощник. Помилуйте, Савва Геннадич, мы, может быть, с вами нужду видали вместе, может быть, тонули вместе в реке по нашему делу.

Васильков. Ну да, да, конечно. *(Встает со стула.)*

Василий. Ну, и за фрукты тоже съела было совсем.

Васильков. За какие фрукты?

Василий. Конечно, по нашему званию… и всего-то вот сколько было. *(Показывает на пальце.)*

Васильков. Чего?

Василий. Редечки… всего-то вот столько было. Сидел в передней, доедал.

Васильков. Уж ты, Василий Иваныч…

Василий. Да невозможно, сударь, Савва Геннадич! Мы народ рабочий, на том воспитаны. Да мне дороже она бог знает чего.

Васильков. Так слушай, Василий Иваныч! Без

меня, кроме Кучумова, никого не принимай!

Василий. Уж будьте покойны! *(Уходит.)*

Входит Лидия.

Явление второе

Лидия одна.

Лидия. Что так долго не едет этот противный старичишка! Вот уж три дня я томлюсь в этой конуре, мне страшно подойти к окну. Теперь, чай, нарочно ездят мимо, чтоб увидать меня в окне. У Глумова, пожалуй, и стихи готовы. Старичок, Кучуминька, миленький! Выручи меня из заключения! Переехали бы мы с maman на старую квартиру и зажили лучше прежнего. Развлечь себя хоть музыкой! Звуки вальса имеют много утешения. Что ни говори, а Страус и Гунгль — лучшие знатоки женского сердца. *(Пробует фортепиано.)* Экая дрянь! Это он нарочно завел, чтоб меня унизить. Погоди же, мой друг, я тебя утешу. *(Прислушивается, слышит стук экипажа.)* Посмотрела бы, да стыдно светской даме подойти к окну! Не Кучумов ли? Он всегда в два часа бывает. Он, он! Идет на крыльцо, слышу его походку. Ну, что-то будет?

За сценой голос Кучумова: «Дома барыня?»

Голос Василия: «Пожалуйте! У себя-с». Кучумов

входит.

Явление третье

Лидия и Кучумов.

Лидия. Наконец-то, а еще папаша.

Кучумов *(целуя руки Лидии, грозно оглядывает комнату)*. Что такое? Что такое? Куда это вы попали? Что за обстановка. Это постоялый двор какой-то. Но я вас спрашиваю, что все это значит? Мой ангел, не сердитесь на меня, что я так грубо вас спрашиваю! В таких комнатах иначе нельзя говорить, как грубо. Как это случилось? Чем вы себя довели до такого унижения? Вы срамите фамилию Чебоксаровых!

Лидия. Вы меня не упрекайте, а лучше пожалейте!

Кучумов. Нельзя вас жалеть, милостивая государыня. Вы позорите свой род. Что бы сказал ваш бедный отец, если бы узнал ваше унижение!

Лидия. Что же мне делать?

Кучумов. Бежать, сударыня, бежать без оглядки.

Лидия. Куда? У maman ничего нет. Он за нас все долги заплатил.

Кучумов. Его прямая обязанность. За обладание таким сокровищем, за то счастье, которое вы

доставили этому моржу, он обязан исполнять все ваши желания.

Лидия. Видно, он не считает за большое счастие обладать мною.

Кучумов. А не считает, тем лучше. Вы должны знать цену себе. Переезжайте с maman на старую квартиру, в этом нет ничего дурного; а жить в курятнике позорно.

Лидия. Но, папаша, чем же нам жить! У maman нет ничего, у меня тоже. На кредит нельзя рассчитывать.

Кучумов. Кредит! Да на что вам кредит? Стыдно, стыдно! Надо было прямо обратиться ко мне. Вам стыдно было попросить у меня денег, а не стыдно фее жить в таком шалаше! Вы, фея наша легкокрылая, вы забыли свое могущество. Вам стоит сделать только один жест, и этот шалаш превратится во дворец.

Лидия. Какой жест, папаша?

Кучумов. Вы и как фея, и как женщина должны это знать лучше, чем мы, мужчины. У фей и женщин в запасе много жестов.

Лидия *(бросаясь ему на шею)*. Такой жест, папаша?

Кучумов. Так, так, так… *(Зажмурив глаза, опускается на стул.)* С тебя будет пока сорока тысяч

на первый раз?

Лидия. Я не знаю, папаша.

Кучумов. Теперь вам много не нужно, вы переедете на старую квартиру, она отделана превосходно и еще не занята. Гардероб у тебя восхитительный! На первое время вам сорока тысяч слишком довольно. Послушай, если ты не возьмешь, я выброшу их из кареты, нарочно проиграю в клубе. Во всяком случае, я эту сумму уничтожу, если ты не хочешь взять ее.

Лидия. Ну, так давай, папаша!

Кучумов *(берется за карман)*. Ах, боже мой! Это только со мной одним случается. Нарочно положил на столе бумажник и позабыл. Дитя, прости меня! *(Целует у нее руку.)* Я тебе привезу их завтра на новоселье. Я надеюсь, что вы нынче же переедете. Закажу у Эйнем пирог, куплю у Сазикова золотую солонку фунтов в пять и положу туда деньги. Хорошо бы положить все золотом для счастья, да такой суммы едва ли найдешь. Все-таки полуимпериалов с сотню наберу у себя.

Лидия. Мегсі, mercі, папаша. *(Гладит его по голове.)*

Кучумов. Блаженство! Блаженство… Что такое деньги! Имей я хоть миллионы, но если не вижу таких глаз, таких ласк, я нищий.

Входит Надежда Антоновна.

Явление четвертое

Лидия, Кучумов и Надежда Антоновна.

Лидия. Maman, Григорий Борисыч советует нам переезжать на старую квартиру.

Кучумов. Разумеется. Нельзя оставаться, дорогая моя, нельзя.

Надежда Антоновна. Ах, Григорий Борисыч, не говорите! Что я терплю! Как я страдаю! Вы знаете мою жизнь в молодости; теперь, при одном воспоминании, у меня делаются припадки. Я бы уехала с Лидией к мужу, но он пишет, чтоб мы не ездили. О ваших деньгах ничего не упоминает.

Кучумов. Не дошли. *(Считает по пальцам.)* Вторник, среда, четверг, пятница. Он их получил вчера вечером или сегодня утром.

Лидия. Maman, нам бы переехать сейчас же.

Надежда Антоновна. Ах, Лидия, нужно подумать. Мне все кажется, что твой муж притворяется, а что он очень богат.

Лидия. Богат он, беден ли, но он нас унизил, и между нами все кончено. Григорий Борисыч сделал для нас много и не желает, чтоб я жила с мужем. Наша жизнь будет вполне обеспечена, папашка мне обещал.

Надежда Антоновна. Папашка! Где ты научилась? Ах, Лидия, как ты говоришь! Невозможно, невыносимо слушать матери.

Лидия. Скажите! Стыдно? Я теперь решилась называть стыдом только бедность, все остальное для меня не стыдно. Maman, мы с вами женщины, у нас нет средств жить даже порядочно; а вы желаете жить роскошно, как же вы можете требовать от меня стыда. Нет, уж вам поневоле придется смотреть кой на что сквозь пальцы. Такова участь всех матерей, которые воспитывают детей в роскоши и оставляют их без денег.

Кучумов. Benissimo[10] Я никак не мог ожидать, чтобы в такой молодой женщине было столько житейской мудрости.

Лидия. Maman, папашка обещает нам на новоселье сорок тысяч.

Надежда Антоновна *(с радостью)*. Неужели? *(Кучумову)*. Вы очень добрый человек. Однако ж все-таки подумать надо.

Лидия. О чем думать! Здесь унижение, там — счастье.

Надежда Антоновна. Пойдемте в мою комнату, обсудимте вопрос со всех сторон. Главное, чтоб

---

[10] Примечания: 10
Отлично.

приличие было сохранено.

Лидия *(матери)*. В этом положитесь на меня.

Кучумов. Я уж не мальчишка, умею пользоваться счастьем втихомолку, много не болтаю.

За сценой голос Василия «Не приказано принимать».

Голос Глумова «Что ты врешь».

Кучумов, Лидия, Надежда Антоновна уходят. Шляпа Кучумова остается на столе. Входят Глумов и Василий.

Явление пятое

Глумов и Василий.

Глумов. Что ты, болван, выдумываешь! Меня не велено принимать! Невозможно!

Василий. Совсем я не болван; на болванах чепчики шьют. А что не велено пущать, опять же не моя вина.

Глумов. Кто же не велел пущать, барин или барыня?

Василий. Да нешто для вас не все равно! Кто бы ни приказал, а, значит, пущать не буду. А коли хотите знать, так вот вам раз: и барин не велел, и барыня, и ни за что к вам не выдут.

Глумов. Ты глуп безгранично, исторически; но все-таки ты можешь знать причину, почему

меня не велено принимать. Не знаешь ли? Не слыхал ли ты, любезный друг, хоть краем своего ослиного уха? Так поведай, рубль серебром деньга не малая.

Василий. Покорно благодарю. Пожалуйте *(Берет рубль и прячет в карман.)*А что я вам проповедаю? Известно, дела, обстоятельства. Вы придете, другой, третий; рюмка водки, другая, пятая, десятая, а все расчет. А дела наши, барин говорит, по видимости, подходят тонкие. А вы рассудите сами! Пожалуй, корми дармоедов-то, пользы от них никакой, а все из кармана. Вот кабы знакомство хорошее, степенное, а то какое у нас знакомство!..

Глумов. Ну, довольно! Дай клочок бумаги и убирайся! Я напишу барину записку и уйду.

Василий. Да вот бумага-то на столе! Только вы от хорошей зря не рвите! А я, что ж, я уйду. *(Уходит.)*

Глумов *(берет бумагу и перо)*. Что бы такое ему написать? *(Замечает шляпу.)* Чья это шляпа? *(Берет ее в руки.)* Ба, ба, ба! Да это Кучумова. Значит, князинька здесь. Вот и прекрасно. Васильков теперь уж получил письмо. Телятев тоже; съедутся все вместе. Вот будет сцена! Напишу для отклонения подозрения что-нибудь. *(Пишет и*

читает.) «Любезнейший друг, я заходил к тебе посоветоваться по одному делу. Жаль, что не застал. Завтра зайду пораньше. Твой Глумов». Написано крупно, положу посредине стола, чтоб он увидал сразу.

Голос Телятева: «Ну, а я все-таки войду».

Входят Телятев и Василий.

Явление шестое

Глумов, Телятев и Василий.

Телятев *(Глумову)*. Ты был у Лидии Юрьевны?

Глумов. Нет, зачем мне она? Я заходил к Савве, да не застал, записку ему оставил. Прощай! Если ты хочешь Василькова видеть, так ступай на биржу, он там целый день проводит.

Телятев. Тем лучше.

Глумов. Он, кажется, новою отраслью промышленности занялся, шелком маклерует.

Телятев. Отличное занятие.

Глумов. В хороший день рублей пять выторгует.

Василий. Вот уж это, сударь, что напрасно, то напрасно.

Глумов. Помнишь, сколько к нам провинциалов наезжало! Подумаешь, у него горы золотые, — так развернется. А глядишь, покутит

недель шесть, либо в солдаты продается, либо его домой по этапу вышлют, а то приедет отец, да как в трактире за волосы ухватит, так и везет его до самого дому верст четыреста. *(Глядит на часы.)* Однако мне пора. Как я заболтался. *(Быстро уходит.)*

Телятев *(садится к столу, держа свою шляпу в левой руке)*. Ну как же, Василий Иваныч, принимать не велели?

Василий. Да так же, сударь.

Телятев. Да вы это, Василий Иваныч, по глупости, может быть?

Василий. Нет, истинно, истинно. Что вы? Смею ли я!

Телятев. И вам, Василий Иваныч, меня не жаль?

Василий. Как не жаль, сударь! Известно, вы не как другие.

Телятев. Лучше?

Василий. Не в пример.

Телятев. Садитесь, Василий Иваныч!

Василий Иваныч садится и опирается руками в колена.

Давайте с вами разговаривать.

Василий. Вы думаете, не могу?

Телятев. Ничего я не думаю. Вы, я слышал,

были в Лондоне, а в Марокко не были?

Василий. Этаких стран я, сударь, и не слыхивал, Морок, так он Мороком и останется, а нам не для чего. У нас, по нашим грехам, тоже этого достаточно, обморочат как раз. А знают ли они там холод и голод, вот что?

Телятев. Про голод не слыхал, а холоду не бывает оттого, что там очень жарко.

Василий. Ну и пущай они дохнут с голоду ли, с жару ли, а нам пуще всего уповать нужно.

Телятев. На что же уповать, Василий Иваныч?

Василий. Чтоб как все к лучшему. По нашему теперь тоже делу босоты и наготы навидались. Конечно, порядок такой, искони; а бог невидимо посылает.

Телятев. Василий Иваныч, в философии далеко уходить не годится.

Василий. Я и про что другое могу.

Телятев. Прощайте, Василий Иваныч. *(В рассеянии берет со стола правой рукой шляпу Кучумова и хочет надеть обе)*. Это как же, Василий Иваныч?

Василий. Грех, сударь, бывает со всяким.

Телятев. Какой же тут грех-то, Василий Иваныч?

Василий. Бывает, что и уносят.

Телятев. Вы, Василий Иваныч, заврались!

Василий. А вот что, сударь: померяйте обе, которая впору, та и ваша.

Телятев. Вот, Василий Иваныч, умные речи приятно и слушать *(Примеривает сначала свою.)* Это моя. А это чья же? Да это князинькина. Значит, он здесь?

Василий *(таинственно)*. Здесь-с.

Телятев. Где же он?

Василий молча и величественно указывает на дверь во внутренние комнаты.

Отчего же его принимают, а меня нельзя?

Василий. Потому сродственник.

Телятев. Такой же сродственник, как и вы, Василий Иваныч. Уж вы меня извините, я останусь, а вы подите в переднюю.

Василий. Оно точно, что в это время барин никогда дома не бывает, а если в другой раз…

Телятев. Ну, довольно, Василий Иваныч! Учтивость за учтивость, а то я скажу вам: «Пошел вон!»

Василий. Можно, для вас все, сударь, можно. *(Уходит.)*

Явление седьмое

Телятев один.

Телятев *(вынимает из кармана письмо и читает)*:

Не будь, Телятев, легковерен,
Бывают в мире чудеса;
Князек надуть тебя намерен
У Васильковой в два часа.

И все так точно и надул. Он сродственник, а меня и принимать не приказано. Что же мне делать? Уступить даром как-то неловко, что-то за сердце скребет. Подожду их, посмотрю, как она его будет провожать. Вот удивятся, вот рты-то разинут, как я встану перед ними, как statua gentilissima[11]. А статуя Командора, — мне один немец божился до того, что заплакал, — представляет совесть. Ужасно будет их положение. А не лучше ли явиться к ним самому, оно, конечно, не совсем учтиво… Где они скрываются?*(Подходит к двери и прислушивается.)* Никого нет. Проникну далее. *(Отворяет осторожно дверь, уходит и так*

---

[11] Примечания: 11
благороднейшая статуя

же осторожно затворяет.)

Входят Васильков и Василий.

Явление восьмое

Васильков и Василий.

Васильков *(быстро)*. Был без меня кто-нибудь?

Василий. Господин Глумов. Вот и записку оставили.

Васильков *(строго)*. А еще кто?

Василий. Господин Кучумов… а…

Васильков. Ну, хорошо, ступай!

Василий уходит.

Кучумов так стар, что и подозревать нельзя; моя жена женщина со вкусом. *(Останавливается перед столом в задумчивости и видит записку Глумова. Вынимает из кармана письмо и сличает с запиской Глумова.)* Ничего не похоже, а я думал, что он. *(Читает письмо.)*

Из дома муж уходит смело
С утра на биржу делать дело
И верит, что жена от скуки
Сидит и ждет, сложивши руки.
Несчастный муж!

Для мужа друг — велико дело.

Когда жена сидит без дела
Муж занят, а жена от скуки,
Глядишь, и бьет на обе руки.
Несчастный муж!

«Будь дома в два часа непременно, и ты поймешь смысл этих слов» *(Короткое молчание.)* Что это, шутка или несчастие? Если это шутка, то глупо и непростительно шутить над человеком, не зная его сердца. Если это несчастие, то зачем же оно приходит так рано и неожиданно? Если б я знал свою жену, я бы не колебался. Как любит, как чувствует простая девушка или женщина, я знаю; а как чувствует светская дама, я не знаю. Я души ее не вижу; я ей чужой, и она мне чужая. Ей не нужно сердца, а нужны речи. А у меня речей нет. О, проклятые речи! Как легко мы перенимаем чужие речи и как туго перенимаем чужой ум. Теперь говорят, как в английском парламенте, а думают все еще как при Аскольде. А делают… Да что здесь делают? Ничего не делают. Но что же, однако, значит это письмо? Пойду покажу его Лидии. Но если, если… боже; Что мне делать тогда, что мне делать? Как повести себя? Нет, нет, стыдно в таком деле готовиться, стыдно роль играть! Что подскажет мне глупое провинци-

альное сердце, то и сделаю. *(Открывает ящик с пистолетами, осматривает их, опять кладет на место; ящик остается открытым. Идет к двери; навстречу ему тихо, пятясь задом, показывается Телятев.)*

Явление девятое

Васильков и Телятев.

Васильков. Телятев, так друзья не делают.

Телятев. А, здравствуй! *(Тихо.)* Постой, погоди, они сейчас выдут.

Васильков. Отвечай мне на мои вопросы, или я тебя убью на месте.

Телятев. Потише ты, я говорю тебе! *(Прислушивается.)* Ну, что нужно? Спрашивай!

Васильков. Ты к моей жене приехал?

Телятев. Да.

Васильков. Зачем?

Телятев. Приятно провести время, полюбезничать. Какие ты странные вопросы делаешь!

Васильков. Отчего же ты к моей жене едешь, а не к другой?

Телятев. Оттого, что у меня вкус хорош.

Васильков. Мы будем стреляться.

Телятев. Ну, хорошо, хорошо! Ты только не шуми. Я слышу голоса.

Васильков. Чьи бы голоса ни были, они мне не помешают.

Телятев. Ты с ума сошел, Савва! Опомнись, выпей холодной воды.

Васильков. Нет, Телятев. Я человек смирный, добрый; но бывают в жизни минуты… Ах, я рассказать тебе не могу, что делается в моей груди… Видишь, я плачу… Вот пистолеты! Выбирай любой.

Телятев. Коли ты подарить хочешь, так давай оба, к чему их рознить; а коли стреляться, так куда торопиться, чудак! У меня сегодня обед хороший. После сытного обеда мне всегда тяжело жить на свете; тогда, пожалуй, давай стреляться.

Васильков. Нет, нет, сейчас, здесь, на этом месте, без свидетелей.

Телятев. Ну, уж ведь я тоже с характером, я здесь не буду, говорю тебе наотрез. Что за место? Всякое дело, Савва, нужно делать порядком. Да! Постой! Прежде всего, скажи ты мне, зачем ты переехал в такую гнусную квартиру?

Васильков. Средств нет жить лучше.

Телятев. Так возьми у меня. *(Вынимает бумажник.)* Сколько тебе нужно? Да, пожалуй, бери все, я в Москве и без денег проживу.

Васильков. Ты этими деньгами хочешь купить

мою снисходительность, хочешь купить жену у меня? *(Берет пистолет.)*

Телятев. Послушай, любезный друг! Ты меня лучше убей, только не оскорбляй! Я тебя уважаю больше, чем ты думаешь и чем ты стоишь.

Васильков. Извини! Я человек помешанный.

Телятев. Я просто предлагаю тебе деньги, по доброте сердечной, или, лучше сказать, по нашей общей распущенности: когда есть деньги, давай первому встречному, когда нет — занимай у первого встречного.

Васильков. Ну, хорошо, давай деньги! Сколько тут?

Телятев. Сочтешь после. Тысяч около пяти.

Васильков. Надо счесть теперь и дать тебе расписку.

Телятев. Уж от этого, сделай милость, уволь. С меня берут расписки, а я ни с кого; хоть бы я и взял, я ее непременно потеряю.

Васильков. Спасибо. Я тебе заплачу хорошие проценты.

Телятев. Шампанским, других процентов не беру.

Васильков. А все-таки за то, что ты ухаживаешь за моей женой, мы с тобой стреляться будем.

Телятев. Не стоит, — поверь мне, не стоит. Если

она честная женщина, из моего ухаживания ничего не выйдет, а мне все-таки развлечение; если она дурная женщина, не стоит за нее стреляться.

Васильков. Что же мне тогда делать в этом последнем случае? *(С отчаянием.)* Что мне делать?

Телятев. Бросить ее, и все тут.

Васильков. Я был так счастлив, она так притворялась, что любит меня! Ты только подумай! Для меня, для провинциала, для несчастного тюленя, ласки такой красавицы — ведь рай! И вдруг она изменяет. У меня оборвалось сердце, подкосились ноги, мне жизнь не мила; она меня обманывает.

Телятев. Так ты ее убей, а меня-то за что же?

Васильков. За то, что вы ее развратили. Она от природы создание доброе; в вашем омуте женщина может потерять все — и честь, и совесть, и всякий стыд. А ты развратней всех. Нет, нет, бери пистолет, а то я тебя убью стулом.

Телятев. Ну, черт с тобой! Ты мне надоел. Давай стреляться! *(Проходит к пистолетам и прислушивается у двери.)* Вот что: перед смертью попробуем спрятаться за печку!

Васильков. Нет, нет, стреляться!

Телятев *(берет его за плечо)*. Тише ты, тише, ради бога! *(Насильно уводит его за печку к выходной двери.)*

Входят Кучумов и Лидия.

Явление десятое

Васильков, Телятев, Кучумов и Лидия.

Кучумов *(поет)*. In mia mano al fin tu sei![12]

Лидия. Прощай, папашка!

Кучумов *(поет)*. Лобзай меня! Твои лобзанья… Addio mia carina![13]

Лидия. Изволь, папашка! *(Целует его.)*

Телятев и Васильков выходят из-за печки.

Лидия. Ай! *(Отходит в сторону.)*

Кучумов *(грозя пальцем)*. Но, но, но, господа! Я по правам старой дружбы… Honni soit qui mal y pense![14]

Васильков *(указывает на двери)*. Вон! Завтра я пришлю к вам секунданта.

Кучумов. Ни, ни, ни, молодой человек! Я с вами драться не стану; моя жизнь слишком дорога для Москвы, чтоб поставить ее против вашей, может быть, совсем бесполезной.

---

[12] Примечания: 12
Ты, наконец, в моих руках!

[13] Примечания: 13
Прощай, моя дорогая!

[14] Примечания: 14
Да будет стыдно тому, кто плохо об этом думает!

Васильков. Так я убью вас. *(Идет к столу.)*

Кучумов. Но! Молодой человек, но! Так не шутят, молодой человек, не шутят! *(Быстро уходит.)*

Входит Надежда Антоновна.

Явление одиннадцатое

Васильков, Телятев, Лидия и Надежда Антоновна.

Надежда Антоновна. Что за шум у вас!

Васильков. Возьмите от меня вашу дочь! Мы с вами в расчете. Я возвращаю ее вам такую же безнравственную, как и взял от вас; она жаловалась, что переменила свою громкую фамилию на мою почти мещанскую; зато я теперь вправе жаловаться, что она запятнала мое простое, но честное имя. Она, выходя за меня, говорила, что не любит меня; я, проживя с ней только неделю, презираю ее. Она шла за меня ни с чем, я заплатил за ее приданое и за ее наряды; это пусть она зачтет за то, что я неделю пользовался ее ласками, хотя и не один.

Лидия. Ха, ха, ха! Какая трагедия!

Надежда Антоновна. Что вы! Что вы! У вас какое-то недоразумение. Бывают случаи, что люди расходятся, но всегда мирно, прилично.

Васильков *(Телятеву)*. Друг мой, не оставляй меня; мне нужно сделать некоторые распоряжения. Вот твои деньги, возьми их! Я хотел за твою доброту заработать тебе огромные проценты. Возьми их! *(Отдает деньги Телятеву, тот кладет их небрежно в карман. Лидия пристально смотрит на деньги.)* Нужно сделать некоторые распоряжения, написать к матушке… Я застрелюсь. *(Опускает голову на грудь.)*

Телятев. Полно, полно! Савва, ты дурачишься. У моего знакомого две жены бежали, что ж, ему два раза надо было застрелиться? Савва, ну, взгляни на меня! Послушай, я человек благоразумный, я тебе много могу дать хороших советов. Во-первых, ты не вздумай стреляться в комнате, — это не принято: стреляются в Петровском парке; во-вторых, мы с тобой сначала пообедаем хорошенько, а там видно будет.

Васильков *(Надежде Антоновне)*. Берите скорее вашу дочь от меня. Берите ее скорей!

Лидия. Скорее, чем вы думаете. Мы сами сегодня хотели переехать. Мы наняли нашу старую квартиру и постараемся из ее зеркальных окон даже не глядеть на эту жалкую лачугу с жалким обитателем ее. Вы играли комедию, и мы играли комедию. У нас больше денег, чем у вас; но

мы женщины, а женщины платить не любят. Я притворялась, что люблю вас, притворялась с отвращением; но мне нужно было, чтоб вы заплатили наши долги. Я в этом успела, с меня довольно. Оценили ли вы мою способность притворяться? С такой способностью женщина не погибнет. Застрелитесь, пожалуйста, поскорей! Телятев, не отговаривайте его. Вы мне развяжете руки, и уж в другой раз я не ошибусь в выборе или мужа, или… ну, сами понимаете, кого. Прощайте! Все мое желание — не видеть вас более никогда. *(Матери.)* Вы послали за экипажем?

Надежда Антоновна. Посылала, он готов. *(Уходит, за ней Лидия.)*

Васильков. Кончено, теперь все уже для меня кончено.

Телятев. Ну, где же кончено? Мало ли еще осталось в жизни?

Васильков. Нет, уж все. Если бы я сам был злой человек, как она, я бы теперь грыз себе руки, колотился головой об стену; если б я сам ее обманывал, я бы ее простил. Но я человек добрый, я ей верил, а она так коварно насмеялась над моей добротой. Над чем хочешь смейся: над лицом моим, над моей фамилией, но над добротой!.. Над тем, что я любил ее, что после каждой ласки ее я по часу

сидел в кабинете и плакал от счастья! Друг, во мне оскорблено не самолюбие, а душа моя! Душа моя убита, осталось убить тело. *(Плачет.)*

Телятев. Послушай! Ты лучше замолчи! А то я сам расплачусь; хороша будет у меня физиономия. Перестань, Савва, перестань! Отдайся ты на мою волю хоть на несколько часов! Мы с тобой пообедаем; чем я тебя буду кормить, поить — это мое дело.

Васильков *(берет пистолет и кладет в карман)*. Друг мой, что это? *(Подбегает к окну.)* Карета! Они уезжают! *(Совершенно убитый.)* Вези мой труп, куда хочешь, пока он не ляжет где-нибудь под кустом за заставой. *(Уходит.)*

Действие пятое

ЛИЦА:
Чебоксарова.
Лидия.
Васильков.
Кучумов.
Телятев.
Глумов.
Андрей.
Горничная.

Будуар в прежней квартире Чебоксаровых; направо от зрителей дверь в залу, прямо входная, налево зеркальное окно.

Явление первое

Лидия в утреннем костюме лежит на кушетке. Чебоксарова входит.

Надежда Антоновна. Что, не был?

Лидия. Нет еще.

Надежда Антоновна. Я совершенно потеряла голову. Что нам делать! Кучумов неделю тому назад, вместо того, что обещал привезти на но-

воселье, дал мне только шестьсот тринадцать рублей, и то с такими гримасами, с такими ужимками, как будто он делает Бог знает какое одолжение. У нас опять накопилась пропасть долгов. Не забудь, вся мебель — новая, та продана твоим злодеем.

Лидия. Он обещал непременно привезти сегодня. Ему не верить стыдно, когда он сделал такое одолжение отцу.

Надежда Антоновна. Да сделал ли, я что-то сомневаюсь. Вот я сегодня получила письмо от мужа; он пишет, что никаких денег не получал, что имение его продано, а сам он теперь живет у своего приятеля. Он мне пишет, что после продажи, за удовлетворением долга, ему остается очень незначительная сумма, и что на нее он хочет с каким-то татарином или башкиром завести кумыс.

Лидия. Теперь я понимаю. Знаете, кто купил имение?

Надежда Антоновна. Кто?

Лидия. Кучумов. Он обещал купить и подарить его мне.

Надежда Антоновна. Едва ли. Твой отец пишет, что на торгах дал самую большую сумму какой-то Ермолаев, поверенный Василькова. Уж не он ли? *(Показывает на окно.)*

Лидия. Смешно! Где ему — Вы сами видели, что он занимал деньги у Телятева и обещал большие проценты; а большие проценты дают только в нужде. Да он и слишком глуп для такого дела. Не упоминать о нем будет гораздо покойнее.

Надежда Антоновна. Уж конечно.

Лидия. Я считаю себя опозоренной, что вышла за него. Мне надо, чтоб всякая память о нем изгладилась из моего воображения. Я бросила бы ему все его подарки, если б они не были так драгоценны. Я их велела все переделать, чтоб они не имели прежней формы.

Надежда Антоновна. Я пойду спрошу, привезли ли коляску. Я ухитрилась взять в долг у одного каретника и гербы велела сделать. Лошадей будем брать извозчичьих, а своей коляски не иметь нельзя. Извозчичий экипаж всегда заметен. *(Уходит.)*

Лидия. Да, опытность — великое дело. Я все еще очень доверчива. А с доверчивостью можно сделать ошибку неисправимую.

Входит Андрей.

Андрей. Господин Кучумов.

Лидия. Проси!

Андрей уходит. Входит Кучумов.

Явление второе

Лидия и Кучумов.

Кучумов *(становясь на колена и целуя руку Лидии)*. Il segretto per esser felice.[15]

Лидия. Что за шалости! Садитесь, мне нужно поговорить с вами.

Кучумов. Какая холодность! Что за тон, дитя мое?

Лидия. Э! Полно! Довольно шутить! Послушайте! Вы меня заставили переехать от мужа; мы должаем, мне стыдно напоминать вам о деньгах, точно я у вас на содержании, вы сами навязались с деньгами.

Кучумов *(садится)*. Вам меня надо или убивать или прощать за мою рассеянность. Сейчас отсчитывал деньги в бумажник, чтобы взять с собой, вошла вдруг жена, я его кинул в стол и запер. Заболтался с ней, так и позабыл, Я вам привезу деньги через полчаса.

Лидия. А кто купил имение отца?

Кучумов. Разумеется, я.

Лидия. Отец пишет, что купил поверенный Василькова.

---

[15] Примечания: 15
Секрет быть счастливым.

Кучумов. Иначе и быть не может, я дал доверенность Василькову, одному знакомому купцу. Я у него сына крестил. Он законов не знает и передоверил от себя другому. Какое он мне уморительное письмо прислал! Я вам привезу его через десять минут. *(Встает и оглядывает комнату. Поет.)* Io son rico! tu sei bella![16] Вот это мило и это недурно. Какой у вас вкус! Тут надо зелени. Я пришлю большую пальму и тропических растений. Здесь под пальмой будет место наших интимных разговоров. Я это сегодня же пришлю *(Садится подле Лидии.)*

Лидия *(отодвигаясь)*. Ну вот, когда вы привезете нам деньги, я вас опять буду звать папашей и, может быть, полюблю.

Кучумов *(поет)*. Io son rico! tu sei bella! Так как в моей честности сомнения быть не может, то любви своей вам откладывать нечего, мое блаженство.

Лидия. Вы думаете? Я сегодня в дурном расположении духа, мне не до любви. Я уж сколько времени только и слышу о богатстве; у мужа золотые прииски, у вас золотые горы, Телятев чуть не миллионщик, и Глумов, говорят, вдруг

---

[16] Примечания: 16
Я богат! а ты прекрасна!

богат стал. Все мои поклонники прославляют мою красоту, все сулят меня золотом осыпать, а ни муж мой, ни мои обожатели не хотят ссудить меня на время ничтожной суммой на булавки. Мне не в чем выехать; я езжу в извозчичьей коляске на клячах.

Кучумов. Это ужасно! Но ведь через полчаса все будет поправлено. Я виноват, я признаюсь, я один виноват.

Лидия. Я живу без мужа, вы ко мне ездите каждый день в известный час; что подумают, что будут говорить?

Кучумов. Пища для разговора дана, следовательно, разговор будет, как вы строго себя ни ведите. По-моему, уж если переносить осуждения, так лучше недаром; терпеть напраслину дело ужасное, idol mio[17]. Ведь я вам говорю, через полчаса… ну… могут там встретиться обстоятельства: необходимые взносы; в конторе вдруг столько денег нет; ну через день, два… в крайнем случае, через неделю вы будете иметь все, больше чего желать невозможно.

Лидия *(встает)*. Через неделю? Через десять минут чтобы все было! Слышите, что я говорю!

---

[17] Примечания: 17
мой кумир

Иначе я вас пускать не велю.

Кучумов. Десять минут? Я не Меркурий, чтобы так быстро летать. Меня могут задержать дела.

Лидия. Никто вас не может задержать: деньги у вас в ящике, письмо, вероятно, в другом. До свидания.

Кучумов. Я себя оправдаю в ваших глазах; но я вам долго-долго *(грозит пальцем)* не прощу такого обращения со мной. *(Уходит.)*

Лидия. Вот когда моя самоуверенность колебаться начинает. Какой-то холод пробегает по мне. Кучумов обманывает меня или нет? *(Решительно.)* Обманывает. Он еще не исполнил ни одного своего обещания. Затем что ж у меня? Отчаяние и самоубийство или… тоже самоубийство, только медленное и мучительное…

Входит Андрей.

Андрей. Господин Телятев.

Лидия *(задумчиво.)* Проси.

Андрей уходит. Входит Телятев.

Явление третье

Лидия и Телятев.

Лидия. Что вас давно не видать? Где вы пропадаете?

Телятев. У человека, которому делать нечего,

всегда дел много! Что вы так серьезны? Ай, ай, ай! *(Смотрит на нее пристально.)*

Лидия. Что вы? Что с вами?

Телятев. Морщинка, вот тут, на лбу; маленькая-маленькая, но морщинка.

Лидия *(с испугом)*. Не может быть.

Телятев. Посмотрите в зеркало! Ай, ай, ай! В ваши-то лета. Стыдно!

Лидия *(перед зеркалом)*. Не говорите лучше! Надоели.

Телятев. Думать не надобно, Лидия Юрьевна; больше всего думать остерегайтесь. Боже вас сохрани! У нас женщины тем и сохраняют красоту, что никогда ничего не думают.

Лидия. Ах, Иван Петрович, на моем месте поседеть легко. Как мне не думать! Кто ж за меня думать будет?

Телятев. Да чего же вам лучше? Ваше положение солидное: вы живете одни, в великолепной квартире, совершенно свободны, вы богаты, что я сам от вас слышал, поклонников у вас много, муж для вас не существует.

Лидия *(с радостью)*. Он застрелился?

Телятев. Нет, раздумал.

Лидия. Жаль. Можно вам поверить тайну?

Телятев. Очень можно.

Лидия. Вы умеете их беречь?

Телятев. Нет, не умею. Зато я умею их терять сейчас же, это лучше. Скажите мне в одно ухо, у меня в ту же минуту вылетит в другое; а через час, хоть убейте, никакой тайны не вспомню.

Лидия. Наши дела очень плохи, нам просто жить нечем.

Телятев. В редком семействе не найдется такой тайны.

Лидия. Слушайте! Вы несносны. Я переехала от мужа потому… Нет, мне стыдно.

Телятев. Ах, что вы! Продолжайте! Меня-то стыдно? Я уж такой особенный человек, что меня никогда ни одна женщина не стыдилась.

Лидия. Ну, так и мне вас не стыдно. Я переехала от мужа в надежде на Кучумова; он мне обещал дать взаймы сорок тысяч.

Телятев. Ах, он чудак! Да отчего ж не восемьдесят?

Лидия. А он может и восемьдесят?

Телятев. Еще бы! Он и двести может, то есть обещать, а заплатить где же! У него редко и десять рублей найти в кармане можно.

Лидия. Вы лжете на него. Он выкупил отцово имение, оно стоит больших денег; я сама видела, как он дал моей maman шестьсот рублей.

Телятев. Насчет имения я сказать ничего не могу; а откуда у него шестьсот рублей, я знаю. Он пять дней бегал по Москве, искал их, насилу ему дали на месяц и взяли вексель в две тысячи рублей. Я думал, что он ищет денег для вашего мужа, которому он уже давно проиграл в клубе эту сумму и не заплатил.

Лидия *(в отчаянии)*. Вы меня убиваете!

Телятев. Чем? Он человек очень хороший. Вы не беспокойтесь. Мы все его любим; только он забывчив очень. У него точно было большое состояние, но он часто забывает, что все прожито. Да ему легко и забыть: у него теперь и обеды, и балы, и ужины, и великолепные экипажи, только все это женино, и все еще при жизни отдано племянницам. А ему собственно выдается деньгами не более десяти рублей на клуб. В именины и в праздники дают ему пятьдесят, а иногда сто рублей. Ну, вот тогда и посмотрите на него! Приедет в клуб, садится в конце стола, тут у него и трюфели, и шампанское, и устрицы; а как разборчив! Прислугу всю с ног собьет, человек пять так и бегают около него. А уж что достается бедным поварам!

Лидия *(бледнея)*. Что мне делать? Я столько задолжала.

Телятев. Есть отчего в отчаянье прийти! Кто

нынче не должен!

Лидия. Телятев! У вас огромное состояние, пожалейте меня! Не дайте мне погибнуть!

Телятев опускает голову.

Телятев, поддержите честь нашей фамилии! Я могу полюбить вас! Вы добрый, милый.

Телятев еще ниже опускает голову.

Jean, я гибну! Спасите меня! Если вы мне поможете в этой беде, я ваша. *(Кладет ему обе руки на плечи и склоняется головой.)*

Телятев. Все это очень мило с вашей стороны, и я был бы совершенно счастлив; но, Лидия Юрьевна, я сам-то теперь не свой.

Лидия *(смотрит на него во все глаза)*. Как? Вы женитесь или женаты?

Телятев. Не женюсь и не женат, а должно быть, завтра свезут меня к Воскресенским воротам.

Лидия. Как к Воскресенским воротам?

Телятев. Так, привезут с квартальным и опустят.

Лидия. Не может быть! Где же ваши деньги? Я знаю, что вы давали мужу взаймы.

Телятев. Ну, что ж из этого! Разве мне чужих-то жалко?

Лидия. А своих у вас нет?

Телятев. Я уж и не помню, когда они были. Я

вчера узнал, что я должен тысяч до трехсот. Все, что вы у меня видели когда-нибудь, все чужое: лошади, экипажи, квартира, платье. За все это денег не плачено, за все это писали счеты на меня, потом векселя, потом подали ко взысканию, потом получили исполнительные листы. Деньгами взято у ростовщиков видимо-невидимо. Все кредиторы завтра явятся ко мне; картина будет поразительная. Мебель, ковры, зеркала, картины взяты напрокат и нынче же отобраны. Коляска и лошади от Ваханского; платье портной возьмет завтра чем свет! Я уверен, что кредиторы насмеются досыта. Я их приму, разумеется, в халате, это единственная моя собственность; предложу им по сигаре, у меня еще с десяток осталось. Посмотрят они на меня да на пустые стены и скажут: «Гуляй, Иван Петрович, по белому свету!» Один за жену сердит; этот, пожалуй, продержит месяца два в яме, пока не надоест кормовые платить. Ну, а там и выпустят, и опять я свободен, и опять кредит будет, потому что я добрый малый, и у меня еще живы одиннадцать теток и бабушек, и всем им я наследник. Что я гербовой бумаги извел на векселя, вы не поверите. Если ее с пуда продавать, так больше возьмешь, чем с меня.

Лидия. И вы так покойны?

Телятев. Что ж мне беспокоиться-то? Совесть моя так же чиста, как и карманы. Кредиторы мои давно получили с меня втрое, а взыскивают, только чтоб форму соблюсти.

Лидия. Где ж мне денег взять, то есть больших денег, много денег? Неужели нет ни у кого?

Телятев. Есть, как не быть!

Лидия. У кого же они?

Телятев. У деловых людей, которые их даром не бросают.

Лидия. Не бросают? Жаль!

Телятев. Еще как жаль-то! Теперь и деньги-то умней стали, все к деловым людям идут, а не к нам. А прежде деньги глупей были. Вот именно такие деньги вам и нужны.

Лидия. Какие?

Телятев. Бешеные. Вот и мне доставались все бешеные, никак их в кармане не удержишь. Знаете ли, я недавно догадался, отчего у нас с вами бешеные деньги? Оттого, что не мы сами их наживали. Деньги, нажитые трудом, — деньги умные. Они лежат смирно. Мы их маним к себе, а они нейдут; говорят: «Мы знаем, какие вам деньги нужны, мы к вам не пойдем». И уж как их ни проси, не пойдут. Что обидно-то, знакомства с нами не хотят иметь.

Лидия. Я в актрисы пойду.

Телятев. Талант нужен, Лидия Юрьевна.

Лидия. Я в провинцию.

Телятев. Что за расчет! Увлечете какого-нибудь мушника Тулумбасова или уж много-много средней руки помещика. Что за карьера!

Лидия. Телятев, помогите, мне нужны деньги!

Телятев. А вот, пожалуйте сюда! *(Подводит ее к окну.)* Видите? У ворот стоит Домик-крошечка; Он на всех глядит В три окошечка. Вот где деньги,

Лидия. У мужа?

Телятев. Да, у него. Он не только богаче всех нас, но так богат, что подумаешь — так голова закружится. Нынче не тот богат, у кого денег много, а тот, кто их добывать умеет. Если у вашего мужа теперь наличных тысяч триста, так можно поручиться, что через год будет мильон, а через пять — пять.

Лидия. Не может быть. Я не верю вам. Подите прочь. Это он вас подослал ко мне.

Телятев. А вот послушайте. Когда вы его оставили, поехали мы обедать в Троицкий. Сидит, на свет не глядит, ни ухи не ест, ни вина не пьет. Подходили к нему какие-то странные личности, шептались что-то, он как будто стал поживее. Потом вдруг несут ему телеграмму, прочел ее, и

глаза засияли. «Нет, говорит, глупо стреляться. Покутим, говорит, нынешний день, поздравь меня». Ну, я его поздравил, поцеловались, и поехали, и поехали. Познакомил я его кое с кем из старых своих знакомых, то есть не из старых, а из прежних, а они еще молоденькие.

Лидия *(глядя в окно)*. Погодите! Что это за коляска? Кружева! Неужели это maman взяла для меня? Какая прелесть, какая роскошь!

Телятев. Нет, вы ошиблись. Это коляска, которую он подарил моей знакомой, и с лошадьми, и кучера нанял такого, что в Зоологическом саду показывать можно. Вот она едет от него, блондиночка, а глаза — васильки.

Лидия. Ай! Я упаду в обморок. Это не коляска, это мечта. Можно задохнуться от счастья сидеть в этой коляске. Что со мною? Я его ненавижу и как будто ревную. Я бы убила эту блондинку. Нос у нее и так невелик, а она его еще вздергивает.

Телятев. Это не ревность, а зависть.

Лидия. Он ее любит?

Телятев. Что? Коляску?

Лидия. Нет, блондинку.

Телятев. Зачем же? И любить да и деньги давать, уж слишком много расходу будет. Хотите слушать, что ваш муж мне рассказал про себя?

Лидия. Говорите!

Телятев. Учился он много, чему — уж не помню. Разные есть науки, Лидия Юрьевна, про которые мы с вами и не слыхали.

Лидия. Говорите, говорите!

Телятев. Поехал за границу, посмотрел, как ведут железные дороги, вернулся в Россию и снял у подрядчика небольшой участок. Сам с рабочими и жил в бараках, да Василий Иваныч с ним. Знаете Василия Иваныча? Золото, а не человек.

Лидия. Ах, подите вы!

Телятев. Первый подряд удался, он взял побольше, потом еще побольше. Теперь получил какую-то телеграмму. «Ну, говорит, Вася, ближе мильона не помирюсь». А я говорю: «И не мирись». Что ж, мне ведь все равно, убытку не будет.

Лидия. Я умираю.

Телятев. Что с вами?

Лидия *(ложится на диван)*. Позовите maman! Позовите скорей!

Телятев *(в дверях)*. Надежда Антоновна!

Входит Надежда Антоновна.

Явление четвертое

Лидия, Телятев и Надежда Антоновна.

Лидия. Maman, ради бога!

Надежда Антоновна. Что с тобой, Лидия? Что с тобой, дитя мое?

Лидия. Ради бога, maman! Подите к моему мужу, позовите его сюда, скажите, что я умираю.

Телятев. Берите моих лошадей, Надежда Антоновна, и поезжайте скорее!

Надежда Антоновна *(всматривается в дочь)*. Да, да, я вижу, ты в самом деле нехороша. Я сейчас еду. *(Уходит.)*

Входит Андрей.

Андрей. Господин Глумов.

Лидия *(привстав)*. Принимать его или нет? Еще муж придет или нет, неизвестно. Утопающий хватается за соломинку. *(Андрею.)* Проси!

Андрей уходит. Входит Глумов.

Явление пятое

Лидия, Телятев и Глумов.

Глумов. Что с вами?

Лидия. Немного нездорова. А с вами что? Я слышала, что вы разбогатели.

Глумов. Еще нет, а надеюсь. Очень выгодную должность занял.

Телятев. И совершенно по способностям.

Глумов. Счастливый случай, больше ничего. Одна пожилая дама долго искала не то, чтоб управляющего, а как бы это назвать…

Лидия. Un secretaire intime?[18]

Глумов. Oui, madam! Ей нужно было честного человека, которому бы она могла доверить…

Телятев. И себя, и свое состояние?

Глумов. Почти так. У ней дома, имения, куча дел: где же ей управляться! С наследниками она в ссоре. Я стараюсь все обратить в капитал, на что имею полную доверенность, и пользуюсь значительными процентами за комиссию.

Телятев. Благородная, доверчивая женщина. Признайся, Глумов, ведь немного найдешь таких?

Глумов. Да, должно быть, одна только осталась; я наперечет всех знаю.

Телятев. Мы сейчас только говорили о бешеных деньгах, что они перевелись, а ты счастливей нас, ты их нашел.

Глумов. Зато как долго и прилежно я искал их.

---

[18] Примечания: 18
Личный секретарь?

Лидия. Значит, у вас теперь денег много?

Глумов. «Много» — ведь это понятие относительное. Для Ротшильда было бы мало, а для меня довольно.

Лидия. Дайте мне взаймы тысяч двадцать.

Глумов. Молоденьким, хорошеньким женщинам взаймы денег не дают, потому что неделикатно им напоминать, когда они забудут о долге, а взыскивать еще неделикатнее. Им или учтиво отказывают, или дарят.

Лидия. Ну, как хотите, только дайте.

Глумов. Теперь не могу, извините. Помните, вы сказали, что мне никогда вашей руки не целовать? Я злопамятен.

Лидия. Целуйте.

Глумов. Теперь уж поздно, или, лучше сказать, рано. Подождите меня год, я приеду целовать ваши ручки. Я завтра отправляюсь со своей доверительницей в Париж; она не знает счета ни на рубли, ни на франки, я буду ее кассиром. Она страдает одышкой и общим ожирением; ей и здесь-то доктора больше года жизни не дают, а в Париже с переездами на воды и с помощью усовершенствованной медицины она умрет скорее. Вы видите, что мне некогда, год я должен сердобольно ухаживать за больной, а потом могу

пожинать плоды трудов своих, могу и проживать довольно много, пожалуй, при вашем содействии, если вам будет угодно.

Лидия. Вы злой, злой человек!

Глумов. Прежде вам эта черта во мне нравилась; мы с этой стороны похожи друг на друга.

Лидия. Да, пока вы не переходили границ, а теперь прощайте.

Глумов. Прощайте! Я уезжаю со сладкою надеждой, что в год вы обо мне соскучитесь, что вы меня оцените и мы, вероятно, встретимся, как родные.

Лидия. Довольно, довольно!

Глумов. До свиданья.

Телятев. Прощай, Глумов. Счастливого пути! Вспомни обо мне в Париже: там на каждом перекрестке еще блуждает моя тень.

Глумов. Прощай, Телятев. *(Уходит.)*

Входит Надежда Антоновна со склянками, за ней горничная с подушками, кладет их на диван и уходит.

Явление шестое

Лидия, Телятев, Надежда Антоновна.

Надежда Антоновна. Тебе надо лечь, Лидия, непременно. Напрасно ты себя, мой друг, утом-

ляешь! По лицу твоему видно, что ты ужасно страдаешь. Я так и мужу сказала. Он сейчас придет. Вот твой спирт и капли, которые тебе всегда помогали.

Лидия *(ложится на подушки)*. Как он вас принял?

Надежда Антоновна. Очень вежливо, хотя довольно холодно. Он спросил, серьезно ли ты больна; я отвечала, что очень. Что вы, Иван Петрович, смеетесь?

Телятев. Мне равнодушно нельзя оставаться: надо либо плакать, либо смеяться.

Надежда Антоновна. Вы не знаете ни натуры, ни сложения Лидии; она такая нервная, такая нервная… Это у нее с детства.

Телятев. Извините, я действительно не знаю сложения Лидии Юрьевны, это для меня тайна.

Лидия. Иван Петрович, вы такой болтун, вы меня рассмешите.

Надежда Антоновна. Да вы, пожалуй, в самом деле, рассмешите, а он войдет.

Телятев. Скрыться прикажете?

Лидия *(томно)*. Нет, останьтесь! Мне так приятно видеть вас, вы мне даете силу.

Телятев. Если вам приятно, то я не только не уйду, а, как привинченный, буду стоять против

вас. Смотрите на меня, сколько вам угодно. Только позвольте мне в этой комедии быть лицом без речей.

Входит Андрей.

Андрей. Господин Васильков.

Лидия *(слабым голосом)*. Проси!

Андрей уходит, Надежда Антоновна оправляет подушки, Телятев подносит платок к глазам своим. Входит Васильков.

Явление седьмое

Лидия, Телятев, Надежда Антоновна и Васильков.

Васильков *(сделав общий поклон)*. Вы меня звали?

Лидия. Я умираю.

Васильков. В таком случае нужен или доктор, или священник; я ни то, ни другое.

Лидия. Вы нас покинули.

Васильков. Не я, а вы меня, и не простившись даже как следует.

Лидия. Так надо проститься?

Васильков. Если вам угодно.

Лидия. По-русски проститься — значит попросить прощенья.

Васильков. Просите.

Лидия. Я виновата только в том, что оставила вас, не сообразя своих средств; в остальном вы виноваты.

Васильков. Мы поквитались: я был виноват, вы меня оставили. О чем же больше говорить! Прощайте!

Лидия. Ах, нет, постойте!

Васильков. Что вам угодно?

Лидия. Вы за свою вину ничем не платите, а я могу поплатиться жестоко. Я кругом в долгу, меня посадят вместе с мещанками в Московскую яму.

Васильков. А! Вы вот чего боитесь? Вот какое бесчестье вам страшно? Не бойтесь! В яму попадают и честные люди, из ямы есть выход. Бояться Московской ямы хорошо, но больше надо бояться той бездонной ямы, которая называется развратом, в которой гибнет и имя, и честь, и благообразие женщины. Ты боишься ямы, а не боишься той пропасти, из которой уж нет возврата на честную дорогу?

Лидия. Кто вам позволил говорить здесь такие слова?

Васильков. А кто позволяет зрячему вывести на дорогу слепого, кто позволяет умному остеречь неразумного, кто позволяет ученому учить неученого?

Лидия. Вы не имеете права учить меня.

Васильков. Нет, имею. Это право — сострадание.

Лидия. Вам ли говорить о сострадании! Вы видите жену в таком положении и не хотите заплатить за нее ничтожного долга.

Васильков. Я даром денег не бросаю. Ни боже мой!

Надежда Антоновна. Я не понимаю вашей философии. Все это для меня какая-то новость, принесенная с луны. Разве платить за жену — значит бросать даром?

Васильков. Какая же она мне жена! Да она ж сама сказала, что у нее денег больше, чем у меня.

Надежда Антоновна. «Сказала». Мало ли что может сказать женщина в раздражении! Как бы жена ни оскорбила мужа, все-таки надо жалеть жену больше, чем мужа. Мы так слабы, так нервны, нам всякая ссора так дорого обходится. Горячая женщина скоро сделает глупость, скоро и одумается.

Васильков. Да она же не говорит, что одумалась.

Лидия. Я одумалась и раскаиваюсь в своем поступке.

Васильков. Не поздно ли?

Надежда Антоновна. Ах, нет! Она может увлечься, но до падения себя не допустит.

Васильков. Я знаю, что не допустила: ваша прислуга гораздо больше получала от меня, чем от вас. Но я не знаю, что спасло ее от падения — честь, или недостаток денег у Кучумова. *(Лидии.)* Чего же вам угодно?

Лидия. Я бы хотела жить опять вместе с вами.

Васильков. Невозможно. Вы так быстро меняете свои решения, что, пожалуй, завтра же захотите уехать от меня. Для меня одного позора довольно, я двух не хочу.

Лидия. Но вы должны меня спасти.

Васильков. Как я вас спасу? Есть только одно средство; я вам предложу честную работу и за нее вознаграждение.

Лидия. Какую работу и какое вознаграждение?

Васильков. Подите ко мне в экономки, я вам дам тысячу рублей в год.

Лидия *(встает с дивана)*. Ступайте вон!

Васильков уходит.

Телятев *(отнимая платок от глаз)*. Теперь вы выздоровели, я могу перестать плакать.

Лидия. Ах, теперь не до шуток! Бегите, догоните, воротите его, во что бы то ни стало.

Телятев убегает.

Надежда Антоновна. Ах, какой он упрямый! Какой несносный! Человек из порядочного общества так поступать не может, он скорее убьет жену, а такого предложения не сделает.

Возвращаются Васильков и Телятев.

Лидия. Вы меня извините, я не поняла вас. Объясните мне, что значит слово «экономка» и какие ее обязанности?

Васильков. Извольте, объясню; но если вы не примете моего предложения, я больше не вернусь к вам. Экономка — значит женщина, которая занимается хозяйством. Это ни для кого не унизительно. А вот обязанности: у меня в деревне маменька-старушка, хозяйка отличная, вы поступите к ней под начальство — она вас выучит: грибы солить, наливки делать, варенья варить, передаст вам ключи от кладовой, от подвала, а сама будет только наблюдать за вами. Мне такая женщина нужна, я постоянно бываю в отъезде.

Лидия. Ужасно, ужасно!

Васильков. Прикажете кончить?

Лидия. Продолжайте!

Васильков. Когда вы изучите в совершенстве хозяйство, я вас возьму в свой губернский город, где вы должны ослепить губернских дам своим туалетом и манерами. Я на это денег не пожалею,

но из бюджета не выйду. Мне тоже, по моим обширным делам, нужно такую жену. Потом, если вы будете со мною любезны, я свезу вас в Петербург, Патти послушаем, тысячу рублей за ложу не пожалею. У меня в Петербурге, по моим делам, есть связи с очень большими людьми; сам я мешковат и неуклюж; мне нужно такую жену, чтоб можно было завести салон, в котором даже и министра принять не стыдно. У вас все есть для этого, только вам надо будет отучиться от некоторых манер, которые вы переняли от Телятева и прочих.

Телятев. Но разве я знал, что Лидии Юрьевне предстоит такая блестящая перспектива от деревенского подвала до петербургского салона.

Васильков *(глядя на часы)*. Согласны вы на мое предложение или нет? Только помните, что прежде всего вы будете экономкой и довольно долго.

Лидия. Пожалейте меня, пожалейте мою гордость! Я дама, дама с головы до ног. Сделайте мне какую-нибудь уступку.

Васильков. Никакой! Мне ли жалеть вашу гордость, когда вы не жалели моей простоты, моей доброты сердечной! Я и теперь предлагаю вам звание экономки, любя вас.

Лидия. Ну, хоть слово измените, оно жестоко для моего нежного уха.

Васильков. Нет, это слово хорошее.

Лидия. Я должна подумать.

Васильков. Думайте.

Телятев. Ах, кабы меня кто взял в экономки!

Входит Андрей.

Андрей. Следственный пристав желает описать имущество.

Лидия и **Надежда Антоновна**. Ах, ах! Ай, ай! *(Лидия прячется в подушки.)*

Телятев. Что вы испугались? Утешьтесь! Вчера описали мебель у двух моих знакомых, сегодня у вас, завтра у меня, послезавтра у вашего Кучумова. Это нынче такое поветрие.

Лидия *(мужу)*. Спасите меня от стыда! Я на все согласна! Что делать? Я хотела блистать неугасающей звездой, а вы хотите сделать меня метеором, который блестит на минуту и погаснет в болоте. Но я согласна, согласна. Умоляю вас, спасите меня.

Васильков уходит с Андреем. Андрей возвращается.

Андрей. Господин Кучумов.

Лидия. Я думаю принять его.

Телятев. Примите.

Лидия *(Андрею)*. Проси!

Андрей уходит. Входит Кучумов, потом Васильков.

Явление восьмое

Лидия, Надежда Антоновна, Телятев, Кучумов, потом Васильков.

Кучумов *(напевая)*. Io son rico… Что с вами?

Лидия. У меня описывают имущество, привезли вы сорок тысяч?

Кучумов. Io son rico… Нет, вы представьте себе, какое со мной несчастье.

Входит Васильков и останавливается у двери.

Мой человек, которого я любил, как сына, обокрал меня совершенно и убежал, должно быть, в Америку.

Телятев. Очень жаль мне твоего человека! С тем, что у тебя можно украсть, не только до Америки, но и до Звенигорода не доедешь.

Кучумов. Не шути, я не люблю. Я разослал телеграммы по всем трактам; вероятно, его скоро схватят, отберут деньги, и тогда я вам, дитя мое, доставлю их.

Телятев. Не все же он украл, ведь осталось же что-нибудь.

Кучумов. Как не остаться! Я без тысячи рублей

из дому не выезжаю.

Васильков. Так отдайте мне шестьсот рублей, которые должны по картам.

Кучумов. А! Вы здесь! И очень хорошо. Я давно хотел с вами расчесться. Карточный долг для меня первое дело. *(Вынимает бумажник.)* Что за вздор такой? Вероятно, я как-нибудь обложился, положил в левый карман. Ах, да я не тот сюртук надел. Впрочем, вы можете получить эти деньги с Надежды Антоновны.

Васильков. Хорошо, я получу. Лидия Юрьевна, я ваш долг заплатил. Вам нужно ехать в деревню.

Лидия. Когда хотите.

Васильков. Я еду завтра, будьте готовы!

Лидия *(подает мужу руку)*. Благодарю вас, что на целый день вы даете волю моим слезам. Мне нужно о многом поплакать! О погибших мечтах всей моей жизни, о моей ошибке, о моем унижении. Мне надо поплакать о том, чего воротить нельзя. Моя богиня беззаботного счастия валится со своего пьедестала, на ее место становится грубый идол труда и промышленности, которому имя бюджет. Ах, как мне жаль бедных, нежных созданий, этих милых, веселеньких девушек! Им не видать больше изящных, нерасчетливых мужей! Эфирные существа, бросьте мечты

о несбыточном счастье, бросьте думать о тех, которые изящно проматывают, и выходите за тех, которые грубо наживают и называют себя деловыми людьми.

Телятев. Каково это слушать нам, бездельникам!

Кучумов *(поет)*. Io son rico…

Телятев. Неправда. Noi siamo poveri[19].

Лидия. Вот другая жертва, которую я приношу вам.

Васильков. Жертв не надо.

Лидия. Я вижу, что нашла коса на камень. Извольте, я признаюсь. Я принимаю ваше предложение, потому что нахожу его выгодным.

Васильков. Но знайте, что я из бюджета не выйду.

Лидия. Ох, уж мне этот бюджет!

Васильков. Только бешеные деньги не знают бюджета.

Телятев. Ты говоришь святую истину; скажу более, что ты повторяешь мои слова.

Васильков *(Телятеву)*. Прощай, друг, мне тебя от души жаль. Ты завтра будешь без крова и без пищи.

---

[19] Примечания: 19
Мы бедны

Телятев. Ты не хочешь ли мне денег дать взаймы? Не давай, не надо. Пропадут, ей-богу, пропадут. Москва, Савва, такой город, что мы, Телятевы да Кучумовы, в ней не погибнем. Мы и без копейки будем иметь и почет, и кредит. Долго еще каждый купчик будет за счастье считать, что мы ужинаем и пьем шампанское на его счет. Вот портные — от тех уважения мало. Но и старую шинель, и старую шляпу можно носить с таким достоинством, что издали дают тебе дорогу. Прощай, друг Савва. Не жалей нас. И в рубище почтенна добродетель. *(Обнимаются с Кучумовым.)*

Лидия робко подходит к Василькову, кладет ему руку на плечо и склоняется головой.

Занавес.

Комментарии

Тушино[*]

Впервые пьеса была опубликована в журнале «Всемирный труд», 1867, № 1.

Эта историческая хроника была задумана Островским в августе, начата 29 сентября и окончена 5 ноября 1866 г. 7 января 1867 г. «Тушино» одобрено Театрально-литературным комитетом, а 23 января разрешено драматической цензурой.

Консервативные круги встретили новую историческую пьесу Островского нападками. Рецензент «Сына отечества» даже утверждал, что жанр исторической драмы вообще не является призванием Островского («Сын отечества», 1867, № 20, 24 января). П. Д. Боборыкин несколько лет спустя в статье «Островский и его сверстники» писал о «Тушине»: «Это смесь историко-бытовых картин с очень рыхлой любовной интригой… народно-государственная драма низводится на степень жанровых картинок, производящих даже в печати весьма низменное действие» («Слово», 1878, № 8, отд. II, стр. 35). Но подобные крайние оценки не были приняты прогрессивной обще-

ственностью, хроника Островского была в общем встречена одобрением и в театральном мире.

Островский читал «Тушино» в Артистическом кружке (16 февраля 1867 г.) и других местах. На одном из таких чтении присутствовал музыкальный критик Н. Д. Кашкин. «„Тушино“, — вспоминал он, — мне чрезвычайно понравилось необыкновенной силой и жизненностью картин, быстро сменяющих одна другую» («Русские ведомости», 1895, № 23, 23 января). Критик либеральной газеты «Голос» писал: «В обществе и в печати довольно распространено мнение, что „Тушино“ — слабейшая из драматических хроник г. Островского. Мы не разделяем этого мнения… действительно, эпоха тушинского вора начерчена автором мастерски… Что касается Василия Шуйского и тушинского вора, то характеры их изображены совершенно верно истории…» Главное достоинство хроники критик видел в «эпическом изображении эпохи» и с похвалой отзывался о колоритности и «определенности» характеров Николая и Максима Редриковых. «Рядом с братьями Редриковыми на ту же ступень главного действующего лица поставлена дочь ростовского воеводы Сеитова, Людмила — новая попытка со стороны г. Островского нарисовать

идеальную русскую женщину. Людмила — натура блестящая в полном смысле этого слова: своевольная, капризная, но умная, способная, страстная, великодушная…» («Голос», 1867, № 156, 8 июня).

В композиции «Тушина» критика отмечала соединение двух линий — исторической и вымышленной («Русское слово», 1895, № 27, 28 января).

На сцене хроника была одновременно поставлена в Москве и в Петербурге: 23 ноября 1867 г. В Малом театре (в бенефис В. И. Живокини) роли исполняли: П. М. Садовский — Сеитов, Г. Н. Федотова — Людмила, И. В. Самарин — Дементий Редриков, Н. В. Рыкалоиа — его жена, П. Г. Степанов — Шуйский, В. И. Живокини — Скуратов, и др. В Александринском театре (в бенефис Л. Л. Леонидова) в спектакле выступили: П. И. Григорьев 1-й — Сеитов, Е. В. Владимирова — Людмила, Л. Л. Леонидов — Дементий Редриков. П. К. Громова — его жена, П. В. Васильев — Шуйский, П. И. Зубров — Скуратов, и др. Н. Ф. Сазонов, по оценке самого драматурга, «в роли молодого Редрикова (Николая — *Г. П.*) … обнаружил много нежности, много искреннего чувства» (т. XII, стр. 223). «Тушино» редко ставилось на сцене, так, в период с

1875 по 1917 г. шло всего пять раз.

Воспользовавшись фабулой и стихами «Тушина», композитор П. И. Бларамберг написал оперу в четырех действиях «Тушинцы». В московском Большом театре опера была поставлена 24 января 1895 г.

Критик Н. Д. Кашкин считал, что наибольший успех принесли опере исполнители мужских партий, среди которых «Максим Редриков имеет… первенствующую роль». «В „Тушине“ Островского Максим… выступает яснее и полнее, нежели в опере, рамки которой заставили исключить некоторые сцены. Но и в опере его неукротимый нрав, приводящий к гибели и его собственной и всех близких ему, выражается достаточно ясно…» («Русские ведомости», 1895, № 33, 2 февраля). Музыковед В. Яковлев отмечал, что в опере «было несколько народных сцен, которые представляли собой как бы слабые отзвуки сцен из Мусоргского, находившегося фактически долгое время под запретом». Но хотя в опере был «ряд удачных музыкально-сценических моментов», «весьма пестрый музыкальный стиль и недостатки технических приемов автора были отчасти причиной того, что опера не удержалась в репертуаре и не возобновлялась» (сб. «А. Н. Островский и русские

композиторы», М.-Л. 1937, стр. 40).

В июле 1903 г. опера шла в Петербурге.

На всякого мудреца довольно простоты[*]

Впервые пьеса была опубликована в журнале «Отечественные записки», 1868, № 11.

Замысел комедии «На всякого мудреца довольно простоты» сложился у Островского летом 1868 г., писалась пьеса с конца августа 1868 г. В начале сентября этого года драматург сообщал Бурдину из Москвы: «Я как приехал, так сел за дело, теперь у меня пишется большая комедия „На всякого мудреца довольно простоты“, но ты помолчи пока; в сентябре я ее кончу и приеду в Петербург, тогда ты ее заявишь» (т. XIV, стр. 166). Бурдин боялся, что пьеса опоздает к его бенефису, и всячески торопил Островского; драматург отвечал 30 сентября Бурдину: «Сюжет так серьезен, что торопиться никак нельзя, особенно важен последний акт, который надо отделать хорошенько» (т. XIV, стр. 168).

Пьеса была окончена 7 октября того же года.

Социально-политическая острота комедии вызвала резкое недовольство консервативной общественности. Стремясь опорочить комедию, снизить ее идейно-художественное значение, консервативные критики писали о нетипично-

сти, о грубой утрированности образов комедии, о водевильности многих ее ситуаций и композиционной бессвязности (В. П. Буренин (Z) — «Санкт-Петербургские ведомости», 1869, № 11, 11 января; Д. В. Аверкиев — «Голос», 1868, № 304, 3 ноябри, и др.). Либеральная критика, не принимая сатирической направленности комедии, встретила ее также по преимуществу отрицательно (см., например, рецензию С. А. Венгерова (W), «Русский инвалид». 1868, № 301, 3 ноября).

Более благосклонно отозвалась о пьесе газета «Современная летопись». Ее рецензент (А. С.), не принимая резкой сатиры Островского, обвиняя драматурга в преувеличении и шаржировке, отмечал и достоинства пьесы, называл ее «капитальной», «исполненной современного интереса и несомненных литературных достоинств» («Современная летопись», 1868, № 39, 10 ноября). Фельетонист газеты «Новое время» (Х) воспринял эту комедию как «длинный ряд картин, обрисовывающих яркими красками известную среду нашего общества». В пьесе «что ни личность, то тип, который ежедневно встречается и сталкивается с нами в жизни. Вся пьеса — это едкая сатира на отживающее в России поколение». Недостатком пьесы он считал «отсутствие целост-

ного содержания» («Новое время», 1868, № 222, 12 ноября). Такого же мнения был театральный обозреватель газеты «Петербургский листок». Комедия Островского, по его словам, «с весьма яркой стороны обрисовывает наше отживающее, а в сущности, весьма живущее и даже, так сказать, наследственное поколение… Грустную картину рисует нам наш сатирик, но картину верную, не преувеличенную» («Петербургский листок», 1868, № 157, 3 ноября).

Революционно-демократическая и демократическая общественность оценила комедию как подлинно художественное произведение, исполненное жизненной правды.

Н. А. Некрасов в письме к драматургу от 19 октября 1868 г. отметил в пьесе «задатки истинного комизма» (Н. А. Некрасов, Полн. собр. соч. и писем, т. XI, М. 1952, стр. 117). М. Е. Салтыков-Щедрин ввел Глумова в галерею действующих лиц своих произведений.

Демократические и наиболее левые либеральные критики отмечали жизненность, новизну, едкую сатиричность и типичность образов пьесы. Так, например, Е. И. Утин большим достоинством комедии считал то, что в ней показываются уже не купеческие, а дворянские круги и человек

изображается не в его семейных взаимоотношениях, а в «сфере общественных отношений, в области, так сказать, политической жизни нации». В типах пьесы «со всею яркостью отражается картина современного общества». Но, признавая Глумова глубоко типическим лицом, критик считал «фальшиво взятым аккордом» проявление в нем честности и благородства, когда он в дневнике пишет «летопись людской пошлости» («Вестник Европы», 1860, № 1, стр. 326, 345, 346, 347).

А. С. Суворин (Незнакомец), бывший в эту пору прогрессивным журналистом «с симпатиями к Белинскому и Чернышевскому, с враждой к реакции» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 250), заявлял, что комедия «На всякого мудреца довольно простоты» оставляет «далеко позади себя толпу драматических изделий других российских авторов». В этой комедии, по его мнению, «есть сцены, очень хорошо написанные, диалоги блестящие, часто дышащие остроумием…действие идет довольно живо и естественно». Но Суворин считал, что Островский показал консерваторов якобы слишком оглупленными, как «сонм дураков», и допустил просчет, поставив в центре пьесы Глумова, по его мнению, не являющегося

типическим лицом («Санкт-Петербургские ведомости», 1868, № 301, 3 ноября).

Рецензент газеты «Биржевые ведомости» (М. Ф.) указывал на «типичность и рельефность» действующих лиц пьесы, отображающих «пустозвонов либералов, закоренелых ретроградов, ханжей и тому подобный современный люд, с которым мы встречаемся чуть ли не на каждом шагу». Признавая некоторую («местами») утрировку характеров, рецензент оправдывал ее: «Г-н Островский, желая написать сатиру — взял квинтэссенцию человеческих пороков, оттого многие личности, как, например, ретроград Крутицкий, кажутся как бы утрированными» («Биржевые ведомости», 1868, № 294, 5 ноября).

Отмечая большие идейные и художественные достоинства комедии, эти критики (Утин, Суворин, М. Ф.) вместе с тем выражали недовольство композицией пьесы, упрекали драматурга в искусственности интриги, в злоупотреблении водевильными приемами, случайностями.

Позднее, отвечая на упреки такого рода в адрес комедии, А. Кугель замечал: «Сравнительно малая популярность этой, быть может наиболее глубокой по замыслу, комедии Островского не указывает ли на непонимание формы этой пье-

сы?» («Театр и искусство», 1899. № 37, 12 сентября). А Ю. Юрьев в 1910 г. писал, что комедия «На всякого мудреца довольно простоты» «дивная», «высокоталантливая вещь, содержащая целую галерею великолепнейших по жизненности фигур, написанная в форме блестящего диалога, буквально насыщенная юмором и остроумием». Он подчеркивал в ней «острую сатиру с весьма широким общественным захватом» («Рампа и жизнь», 1910, № 12, стр. 191).

16 октября 1868 г. комедия «На всякого мудреца довольно простоты» была разрешена драматической цензурой.

Первое представление ее состоялось 1 ноября 1868 г. на сцене Александринского театра (Петербург).

Удачным было исполнение роли Глумова дебютантом Н. В. Самойловым. Он естественно входил в тон любого своего собеседника, льстил ему и в то же время всегда сохранял чувство собственного превосходства и иронию, не замечаемые собеседником («Биржевые ведомости». 1868, № 294, 5 ноября. См. также «Новое время», 1868, № 222, 12 ноября).

Роль Городулина великолепно исполнял В. В. Самойлов. Самойлов «был до того хорош, — вос-

хищался рецензент журнала „Вестник Европы“ (В. Т.), — когда он прикидывался Дон-Жуаном в разговоре с светскою женщиною и в либеральном разговоре с притворным либералом Глумовым, что можно было подумать, будто он копировал какое-нибудь действительное лицо. Простота, развязность, естественность, жизненность, приданная г. Самойловым изображаемому им типу, сделали то, что по нескольким словам г. Городулина мы узнали не только его настоящее, но и его прошедшее и будущее» («Вестник Европы», 1868, № 12, стр. 903).

Игра П. В. Васильева (Крутицкий) вызвала противоречивые отклики. Рецензент журнала «Вестник Европы» считал, что П. В. Васильев создал глубоко типический образ старого генерала отживающих времен; особенно же ему удалась сцена с Турусиной, в которой он из чиновника «всем и всеми недовольного», «негодующего на новые порядки» превращался в «сластолюбивого старика» (там же). Но Д. В. Аверкиев находил, что Васильеву не удалось представить в своей роли именно «важного барина» («Голос», 1868, № 304, 3 ноября).

Ю. Н. Линская, играя Глумову, создала «прекрасный тип умной старухи», заботящейся о карьере

своего сына («Биржевые ведомости», 1868, № 294, 5 ноября). А. М. Читау великолепно показала светскую женщину. По отзыву рецензента газеты «Биржевые ведомости», Ф. А. Бурдин «был чрезвычайно прост и типичен» в роли Мамаева. Вполне удовлетворительно играли и другие участники спектакля: П. С. Степанов — Голутвин, П. К. Громова — Манежи, Е. Н. Жулева — Турусина, Малышева — Машенька, П. П. Пронский — Курчаев, П. А. Петровский — Григорий, Розенштрем — лакей Мамаева.

Театральная критика признала этот спектакль «превосходным», «довольно хорошо обставленным», «привлекающим массу публики», которая смотрит его «с истинным удовольствием» («Петербургский листок», 1868, № 157, 3 ноября; «Неделя», 1868, № 48; «Новое время», 1868, № 222, 12 ноября; «Сын отечества», 1868, № 260, 16 ноября). После спектакля Бурдин писал Островскому: «Скажу одно, артисты сделали свое дело (*вполне по совести*), пьеса очень понравилась, артистов и тебя вызывали бесчисленно, дебютант имел большой успех» («А. Н. Островский и Ф. А. Бурдин. Неизданные письма», М. — Пг. 1923, стр. 85).

6 ноября 1868 г. премьера комедии состоялась в московском Малом театре, в бенефис К. Г. Виль-

де.

В центре спектакля был С. В. Шумский. Он играл Крутицкого «военным генералом и придавал ему совершенно иной характер, чем петербургский исполнитель этой роли». У П. В. Васильева Крутицкий «выходил глуповатым, наполовину выжившим из ума. У Шумского он был генералом „не у дел“, глубоко убежденным в своей житейской мудрости и опытности. Его страсть к поучениям и проектам была не чудачеством ничем не занятого старика, а результатом глубокого убеждения в своей правоте, желанием направить всех на истинный путь… Такой Крутицкий был самым интересным лицом в пьесе» (Д. А. Коропчевский, «С. В. Шумский». «Ежегодник императорских театров», сезон 1895–1896 г., кн. 3, стр. 42–43).

Другие роли исполняли: К. Г. Вильде — Глумов, Х. И. Таланова — Глумова, П. М. Садовский — Мамаев, Н. А. Александров — Курчаев, В. А. Дмитревский — Голутвин, С. П. Акимова — Манефа, Е. Н. Васильева — Мамаева, И. В. Самарин — Городулин, Н. М. Медведева — Турусина, Г. Н. Федотова — Машенька, Д. В. Живокини — Григорий, А. А. Черневский — лакеи Мамаева.

«Пьеса моя прошла в Москве, — извещал Ост-

ровский Бур-дина, — с успехом небывалым» (т. XIV, стр. 170). О том же сообщала и пресса: «Публика приняла новую пьесу чрезвычайно благосклонно, неоднократно вызывали как автора, так и исполнителей» («Современная летопись», 1868, № 39, 10 ноября). Г. Н. Федотова, вспоминая этот спектакль, писала: «На первом представлении произошел небывалый случай. После монолога и ухода Глумова Островский был вызван несколько раз во время действии, при действующих лицах на сцене. Такого случая я больше в жизни не помню» («Русское слово», 1911, № 125, 2 июня).

В 1876 г. в Малом театре в роли Глумова выступил А. П. Ленский, создавший блестящий образ, воспоминания о котором живут в театральных преданиях и поныне. «Я никогда, — вспоминает Е. Д. Турчанинова, — не видела такой полноты раскрытия образа, начиная с первого момента. Глумов у него был умный, злой, иронический; он знал, с кем имел дело, знал, как надо с кем разговаривать, и все время вел свою линию. Это было совершенно изумительно» («Творческие беседы мастеров театра. А. А. Яблочкина, В. Н. Рыжова, Е. Д. Турчанинова», М. — Л. 1938, стр. 57).

Некоторые критики упрекали Островского

за сходство обличительных монологов Глумова с монологами Чацкого. Ленский, играя роль Глумова, оправдывал это сходство. Его Глумов в завершающей сцене возвращал себе право бичевать отринувшее его общество. «И когда Глумов — Ленский уходил со сцены (всегда под гром рукоплесканий), становилось понятно, почему ошеломленные его речами Мамаевы и Крутицкие тут же решают, что дерзкого Глумова надобно вернуть и „приласкать“. Глумов, выпущенный на свободу из золотой клетки, Глумов, обретший вновь право на прямую речь, примется опять за свои эпиграммы, и эти новые эпиграммы будут куда опаснее прежних для всех этих Крутицких и Городулиных, нравы и характеры которых Глумов теперь так хорошо изучил. Мамаевым и всем прочим необходимо для собственной безопасности вернуть Глумова и вновь „приручить“ его в полу-Молчалина» (С. Н. Дурылин, «80 лет на сцене». А. Н. Островский. «„На всякого мудреца довольно простоты“ на сцене Малого театра», М. 1948, стр. 17).

При возобновлении комедии в Малом театре в 1886 г. оригинальные сценические образы создали О. О. Садовская в роли Глумовой, Н. А. Никулина в роли Мамаевой и М. П. Садовский и

роли Голутвина. О. О. Садовская играла Глумову бывшей барыней, принужденной по нужде льстить Мамаевой. В исполнении Н. А. Никулиной Мамаева была женщиной «с большим, неугасающим темпераментом»; Глумов явился для нее находкой (там же, стр. 23). М. П. Садовский показывал в Голутвине ничтожного, дрянного, по голодного и жалкого человека.

С 1875 по 1917 г. комедия «На всякого мудреца довольно простоты» прошла на сценах петербургских, московских и провинциальных театров 627 раз.

С огромным успехом она идет в советском театре, на столичной и периферийной сценах. Наиболее яркой постановкой пьесы «На всякого мудреца довольно простоты» в советском театре является постановка московского Малого театра 1935 г.

Лучшие дореволюционные спектакли были прекрасными образцами ансамбля, но в них «не было уловлено то салтыковское звучание, которое свойственно этой пьесе Островского и в котором заключен сценический пафос этой комедии» (С. Н. Дурылин, «Островский на сцене Московского Малого театра», М. 1938, стр. 73). Малый театр в 1935 г. создал острый сатириче-

ский спектакль, в котором артисты выступали с оригинальной трактовкой своих ролей. Очень интересно, по-новому М. М. Климов играл Городулина. «Его Городулин — это чуть постаревший, сильно отяжелевший Хлестаков… Думать ему „решительно некогда“: он — делец; он творит эпоху; он строит железные дороги (то есть режет купоны железнодорожных акций), он проводит „великие реформы 60-х годов“ (то есть под парами шампанского болтает всякий вздор в клубе), он… Да разве перечесть, что он делает?» (там же, стр. 75).

А. А. Яблочкина, игравшая Мамаеву, вспоминает: «Мамаеву играли многие крупные актрисы русского театра, играли по-разному, давали отличные друг от друга характеристики… Но вот интересно: при всем различии трактовок они не выходили за пределы анализа личных качеств Мамаевой. Интерес актрисы сосредотачивался на ее любовных отношениях с Глумовым… Я стремилась… раскрыть типическое в ее характере, показать во всех ее неблаговидных поступках отражение типичных качеств паразитического класса. Ни о каком обаянии Мамаевой уже не могло быть и речи» (А. А. Яблочкина, «Жизнь в театре», М. 1953, стр. 181–182).

В этом спектакле весьма рельефно были показаны также ханжа Турусина (Е. Д. Турчанинова), интриганка Глумова (В. Н. Рыжова) и грубая шарлатанка Манефа (В. О. Массалитинова). В. Н. Рыжова — Глумова «играла умную, вкрадчивую старуху», которая посредством лести богатым дядюшке и тетушке помогала своему сыну устроить карьеру. «Трудно, — вспоминает Н. А. Смирнова, — забыть ее ужимки и мимику, когда она рассказывала Мамаеву, какой сон видел ее сын, когда ему было пять лет... Варвара Николаевна как-то по-особенному поджимала губы и смотрела на Мамаева глазками, подернутыми слезой» (Н. А. Смирнова, «Воспоминания», М. 1947, стр. 312–314). В. О. Массалитинова являлась перед зрителями «страшной, грубой, толстой бабой с выпученными глазами, жадными руками, зычным голосом, наглой обманщицей, любящей поесть, выпить и пользующейся суеверием окружающих ее господ» (там же, стр. 314).

Горячее сердце[*]

Печатается по тексту журнала «Отечественные записки», 1869, № 1, исправленному по рукописи, хранящейся в Театральной библиотеке имени А. В. Луначарского (в Ленинграде).

«Я теперь, — писал Островский Бурдину в ок-

тябре 1868 года, — занят большой пьесой „Горячее сердце“, которую кончу в ноябре».

Закончив пьесу, Островский послал ее в «Отечественные записки», где она и была впервые опубликована в № 1 журнала за 1869 год.

Острая сатирическая направленность комедии сильно затрудняла ее прохождение через цензуру, и Бурдин, чтобы добиться разрешения на постановку, вписал в афишу, что «действие происходит лет 30 назад».

«Дела твои, — извещал Бурдин драматурга 1 января 1869 года, — пока все справлены, вчера был доклад в цензуре твоей пьесы — и она прошла целиком, хотя я побаивался за городничего, которого вполне цензора боялись пропустить, основываясь на том, что нигде и не из чего не видно, что действие происходит 30 лет тому назад, поэтому я и вписал о сем в пьесу, да сверх того просил Лазаревского поддержать в Совете и сейчас получил известие, что все кончилось благополучно» (А. Н. Островский и Ф. А. Бурдин, Неизданные письма, 1923, стр. 86).

Реакционные критики, встретив новую пьесу Островского ожесточенными нападками, усматривали в ней якобы карикатурное изображение действительности, пытались снизить значение

этой самобытной пьесы путем установления различных литературных влияний, будто бы испытанных Островским.

4 января 1869 года комедия была допущена к представлению.

Первая постановка пьесы состоялась 15 января 1869 г. в Московском Малом театре, в бенефис П. М. Садовского.

Роли исполняли: П. М. Садовский — Курослепова, Акимова — Матрену Харитоновну, Федотова — Парашу, А. Ф. Федотов — Силана, В. Живокини — Градобоева, Дмитревский — Хлынова, Шуйский — Аристарха, Д. Живокини — Наркиса, Музиль — Гаврилу, Третьяков — Васю Шустрого, Константинов — Барина, Никифоров — Сидоренко.

В газетных рецензиях реакционной и либеральной прессы утверждалось, что исполнение было слабым и спектакль не имел успеха (см., напр., «Современную летопись», 1869, № 4). Островский через несколько лет, вспоминая об этом спектакле, указывал: «Газетные корреспонденты писали… будто „Горячее сердце“… в Москве не имело успеха, но это ложь явная: пьеса имела успех, и имела его crescendo, чем дальше, тем больше. Я за болезнью мог видеть только 12-е или 13-е представление (уже не помню), и вот

как его принимала публика: отдельно вызывали после каждого акта и даже после некоторых сцен по нескольку раз: Садовского, Федотову, Музиля, Живокини, Дмитревского, Шуйского, Акимову, — кроме того, по окончании актов и всей пьесы по нескольку раз вызывали всех. Это ли называется неуспехом?» (А. Н. Островский, Записка об авторских правах драматических писателей, Сб. «О театре», 1947, стр. 50.)

Л. Н. Толстой, присутствовавший на этом спектакле, 17 января писал, что пьеса «играна прекрасно» («Письма Л. Н. Толстого к жене», 1915, стр. 73).

29 января 1869 года представление комедии «Горячее сердце» состоялось в Петербурге, в Александрийском театре, в бенефис Ю. Н. Линской.

Роли исполняли: Васильев 2-й — Курослепова, Линская — Матрену Харитоновну, Струйская — Парашу, Зубров — Силана, Самойлов — Градобоева, Бурдин — Хлынова, Зубов — Аристарха, Горбунов — Наркиса, Калугин — Гаврилу, Сазонов — Васю Шустрого, Степанов — Барина.

Этот спектакль оказался неудачным, в особенности же неудачной была его премьера. Воспользовавшись этим обстоятельством, реакционная пресса не преминула выступить с грубейшими

выпадами против самого драматурга.

Неуспех петербургской постановки «Горячего сердца» Островский переживал очень тяжело. «Кто не испытывал падения, — писал он впоследствии, — для того переживать его — горе, трудно переносимое. Такое горе со мной случилось было в первый раз в жизни в 1869 году в Петербурге при первом представлении комедии „Горячее сердце“».

После неудачи постановки «Горячего сердца» на сцене Александрийского театра драматург с горечью писал: «…Теперь иные пьесы для их доброй славы лучше совсем не отдавать на петербургскую сцену. Я уже не от одного человека слышал, что „Горячее сердце“ много бы выиграло, если бы не шло на петербургском театре. Кроме того, что талантов для народных пьес мало и о приобретении их не заботятся, самая постановка (если автору не случится ставить самому) отличается такой небрежностью и неумелостью, что видевшие пьесу на одной столичной сцене, на другой с трудом узнают ее. А наша публика еще такова, что она недостатки исполнения всегда сваливает на автора. Мне горько, а надо признаться, что иногда столичное исполнение бывает ниже бедного провинциального исполнения. Чего же

ждать мне? Понятно, что пьеса, изуродованная артистами и постановкой, много доходу принести не может, да еще впереди будет удовольствие: после 20 лет постоянных успехов дождаться позорного падения пьесы, глубоко задуманной и с любовью отделанной» (А. Н. Островский, Записка об авторских правах драматических писателей, Сб. «О театре», 1947, стр. 49).

Наиболее яркими исполнителями пьесы «Горячее сердце» до революции были: К. А. Варламов и К. Н. Рыбаков в роли Курослепова; О. О. Садовская — Матрена Харитоновыа; В. Н. Давыдов, М. П. Садовский и А. П. Нелидов в роли Хлынова; П. М. Медведев, Кондрат Яковлев, О. А. Правдин и Ф. А. Парамонов в роли Градобоева; В. Н. Давыдов и А. А. Федотов в роли Силана.

По данным Общества драматических писателей, «Горячее сердце» с 1874 по 1886 год в Москве и Петербурге не ставилось, а в провинции прошло 30 раз. С 1887 по 1917 год эта пьеса ставилась 196 раз.

В 1893 году Александрийский театр с большим успехом возобновил постановку «Горячего сердца».

«Я ушел из театра, — писал Ю. М. Юрьев, — положительно потрясенный. Что ни роль — то

раскрытая книга человеческой жизни, и на этот раз исключительный, образцовый ансамбль. Санина, Варламов, Давыдов, Медведев, Шаповаленко — все вместе создавали большое полотно, внушительную картину „темного царства“, от которой положительно становилось страшно, жутко, так ярко они вкупе рисовали грубую силу самодурства, произвола и самоуправства. Нравы, обычаи и весь уклад жизни, как черная мрачная грозовая туча, надвигались на горячее сердце и душили всякую попытку пробиться через нее светлому лучу каждого живого существа, рвущегося из пут жестокой действительности. Спектакль имел выдающийся успех. И поныне театральные старожилы вспоминают о нем, как об образцовом, как об одном из лучших спектаклей Александрийского театра.

На премьере присутствовали и Чайковские.

В антракте, когда я стоял в проходе партера, Петр Ильич, проходя мимо меня, сказал мне: „Не правда ли, восхитительно? Как играют! А у Островского, что ни слово, то на вес золота!“» (Ю. Юрьев, Записки, 1948, стр. 278).

Комедия «Горячее сердце», как и многие другие пьесы Островского, зазвучала со всей силой лишь на сцене советского театра, где ее идейное

содержание и обличительная направленность впервые были убедительно и ярко раскрыты.

После Великой Октябрьской социалистической революции эту пьесу ставили многие столичные и периферийные театры. Но самой яркой и значительной явилась постановка Московского Художественного театра, осуществленная в 1926 году и с неослабевающим успехом идущая и сейчас.

Глубоко задуманная и любовно отделанная Островским пьеса нашла в Художественном театре великолепных исполнителей. В первоначальном составе роли исполняли: И. М. Москвин — Хлынова, Л, М. Тарханов — Градобоева, В. Ф. Грибунин — Куруслепова, Б. Г. Добронравов — Наркиса, Н. П. Хмелев — Силана, Ф. В. Шевченко — Матрену, К. Н. Еланская — Парашу, Е. Я. Станицын — Васю Шустрого, Н. А. Подгорный — Аристарха, Е. А. Орлов — Гаврилу.